

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВ

ТАЙНА, ЗА КОТОРУЮ
ЗАПЛАТИЛИ ПРЕДАТЕЛЬСТВОМ

30 СРЕБРЕНИКОВ –
ЦЕНА, ИЗМЕНИВШАЯ
ИСТОРИЮ МИРА

СРЕБРЕНИК ИУДЫ

ОН ПРЕДАЛ УЧИТЕЛЯ.
НО ЕГО ПРЕДАТЕЛЬСТВО СТАЛО
НАЧАЛОМ ВЕЛИКОГО ЗАМЫСЛА

18+

Валерий Иванов

Сребреник Иуды

«Автор»

2026

Иванов В. И.

Сребреник Иуды / В. И. Иванов — «Автор», 2026

Бывший десантник Игорь Ледовских любит сразу двух женщин - звезду стендапа и врача-психиатра Ингу из клиники Кащенко, куда он попал после ареста. Игорь полностью потерял память. Единственная метка из прошлого - древняя монета, сребреник Иуды, страшный артефакт, способный изменять ход истории. Действие развивается в двух временных планах - в современной России и в эпоху Гражданской войны. 1918 год. Троцкий и Лариса Рейснер устанавливают в Свияжске первый в мире памятник Иуде, замуровав сребреник в его гипсовую голову. Наши дни. Игорь отправляется в Свияжск по просьбе умирающего деда, чтобы найти голову Иуды и уничтожить артефакт. Магистр Ордена Иуды стирает ему память. За беспмятным бродягой охотятся спецслужбы и криминальные авторитеты. Ибо за сребреник назначена миллионная награда. Игорю предстоит узнать тайну предательства Иуды и тайну своего происхождения - он внук Троцкого и Ларисы Рейснер. Ниу предстоит найти и защитить свою любовь и очистить сребреник собственной кровью.

© Иванов В. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВ	5
ИГОРЬ В СВЯЖСКЕ ИЩЕТ ГОЛОВУ ИУДЫ	24
(Триптих Народного художника СССР Ивана Ледовских «Гражданская война в России»)	59
ЛЕВА ПОЛУЧАЕТ РЕДАКЦИОННОЕ ЗАДАНИЕ	73
УМЕРЕТЬ ОТ ОРГАЗМА!	85
ЛАРИСА РЕЙСНЕР В БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ЗАСТЕНКАХ	109
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Валерий Иванов Сребреник Иуды

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВ

СРЕБРЕНИК ИУДЫ. роман

Москва. Осень. Наши дни

Закончив дежурство в офисном центре «Престижный» на Фрунзенской набережной, Игорь Ледовских, охранник частного охранного предприятия «Центурион» сдал оружие и вышел на улицу.

Вернувшись в Москву после первой чеченской компании, Игорь Ледовских застал жену с любовником, искалечил обоих, попал под следствие, в результате чего, чтобы откупиться при разводе, оставил родительскую квартиру жене, и остался в этом мире один как перст, если не считать деда по отцовской линии. Иван Авдеевич Ледовских, академик-монументалист сталинской эпохи, жил в огромной квартире-мастерской в Доме художников на Верхней Масловке.

В стране бушевал разгул дикого капитализма, Игорь мечтал начать собственное дело, но не мог из-за нехватки стартового капитала. Сначала он ходил к деду и по-хорошему просил дать бабла на раскрутку, но старик уверял, что денег нет, потому что никто его скульптуры больше не покупает. Так продай мастерскую, злился Игорь, все равно ты сейчас ничего уже не лепишь!

Но дед и думать о продаже не хотел. Так и чах над своей стремительно дорожающей недвижимостью, но внуку не выделял ни копейки. Пришлось возвращаться на службу. Игорь устроился в «Центурион», где получал скудную зарплату и со дня на день ждал кончины старца, которая должно было полностью переменить его вялотекущую судьбу.

Но Кощей все не умирал! Наступил его девяносто пятый день рождения, про сталинского академика вспомнили, о нем снимали телерепортажи, а старый пердун бодро отшучивался насчет молодой спутницы, с каковой стал появляться на фотографиях в желтой прессе.

Игорь всполошился и навел справки: престарелый «Казанова» действительно закутил пашни с красавицей-медсестрой Изольдой Мартиросян, которая проработала у него месяц сиделкой, когда старик валялся с пневмонией. Изольда выходила-таки Кощей и тут же повела под венец. Конечно, это был лишний повод возненавидеть армян и вообще всех кавказцев, которых Игорь и так ненавидел всеми фибрами души после чеченской кампании.

Выживший из ума академик упорно не желал видеть, что за него выходят замуж только по расчету. Молодые с разницей в возрасте почти в семьдесят лет сыграли свадьбу и зажили в свое удовольствие. Более того, после медового месяца Иван Авдеевич позвонил Игорю и злорадно сообщил, что переделал завещание. «Я все свое состояние, нажитое непосильным трудом, завещал Изечке, хихикал он в трубку, думаешь, я не знаю, ты смерти моей хочешь! Шиш вам всем! Я еще долго буду жить, до-о-лго!»

Дед и внук не общались почти десять лет, как вдруг Изольда Тельмановна, она же Изя, она же брачная аферистка из солнечной Армении, позвонила, попросила приехать, сказала, что Иван Авдеевич очень плох, зовет попрощаться.

Дверь Игорю открыла Изольда Тельмановна. Армянка заметно пополнила, лицо ее расплылось, четче проступили усики на верхней губе.

- Иван Авдеевич работает и спит в мастерской, вы проходите, - сказала она и ушла в сторону кухни.

Высокий полутемный зал мастерской встретил знакомыми запахами краски и сырой глины. Игорь огляделся. Воспоминания нахлынули со всех сторон. Вот здесь он прятался под мокрым покрывалом статуи Жукова, там стоял его личный маленький мольберт, с антресолей еще свисали веревки, на которых он катался на качелях.

Дед лежал в дальнем углу мастерской, в закутке, отгороженном деревянными щитами. Оттуда доносился звук работающего телевизора. Игорь протиснулся в узкую щель и поморщился от ударившего в ноздри резкого запаха свежей краски.

Иван Авдеевич спал, укрытый одеялом до подбородка, наружу торчал лишь заострившийся нос да неряшливые пряди седых волос. На тумбочке в ногах кровати на полную громкость работал старенький телевизор. Шло ток-шоу Андрея Махалова «Выход есть!».

В дедов закуток вошла Изольда Тельмановна, начала устанавливать флакон в капельнице. Игорь выключил звук в телевизоре.

-

Почему дед лежит в этой берлоге, а не в спальне? – спросил он враждебно.
Армянка тихо ответила.

-

Иван Авдеевич работает над триптихом.

-

Над чем он работает?

Изольда Тельмановна показала на стену. Глаза Игоря свыклись с полумраком, он разглядел, что дедову кровать окружают не деревянные щиты – то были подрамники трех огромных картин. Они составляли одно целое, некое диарамное полотно. Центральная часть триптиха была закончена, на левой боковой стенке виднелись непрописанные пятна, правая створка содержала лишь грубые подмалевки.

-

Триптих называется «Гражданская война в России», – пояснила Изольда. – Это завещание Ивана Авдеевича, он ни на минуту не прекращает работы. Центральная и левая части посвящены Льву Давидовичу Троцкому и событиям на Восточном фронте, а правая, неоконченная, – Ларисе Рейснер.

-

Кому-кому?
Дедова супруга искоса глянула.

-

Разве вы ничего не слышали о Ларисе Рейснер? – она пошатала в пробке флакона вторую иглу, служащую воздухопроводом. Во флаконе побежали пузырьки, в капельнице закапало.

Игоря задело ее пренебрежение.

-

Мало ли евреев на свете! – буркнул он. – Всех не упомнишь!

-

Она была одной из самых замечательных женщин России! Революционерка, поэтесса, комиссар Волжской флотилии! Это с нее Вишневский написал героиню «Оптимистической трагедии». Иван Авдеевич знал ее лично.

Супруга потрясла спящего мужа за плечо.

-

Зая, Игорь пришел!

С потолка до кровати свисали бинты, похожие на цирковые лонжи. Назначение их Игорь понял, когда старик с кряхтением схватился за них, подтянулся и сел.

-
Игореша, - дед потянулся обнять внука.

-
Здорово, зая, - иронично ответил внук, обнимая иссохшее тело. Когда-то они с дедом были друзьями, да армянка их разлучила!

-
Возмужал, - шамкал старик, ища на тумбочку стакан со вставной челюстью. – Гляди, седина уже.

Игорь зачесал набок непокорные волосы. Седым у него был только один клок в челке, появившийся после рукопашной с чеченцами в «доме Павлова», когда в ход пошли штыки и саперные лопатки.

Иван Авдеевич долго не мог успокоить клокочущие бронхи.

-
Плох я, Игорюня, - еле выдавил он сквозь кашель.

-
Да, чего-то ты пригорюнился, - постарался пошутить «Игорюня».

-
Сто шесть лет живу. Сто шесть, ты подумай! И не забирают меня отсюда, как в наказание тут держат! Пока не передам своей силы, не умру. Тебе надо передать, младшему внуку. Что мы с тобой ругались, забудь. Ты внук мой, тебе оставлю наследство, не обижу, знай. Но главное в другом. На нашем роду лежит проклятие. Бабушку мою, твою прабабушку забили кольями односельчане, посчитав ее ведьмой, тетя Клава пропала в лагерях, брат Кузьма погиб в Гражданскую, два старших сына от Прасковьи арестованы в 37 и погибли в лагерях, твой отец спился и умер, обе сестры моей второй жены умерли от рака желудка, а сама она покончила с собой. Твоя мама пропала без вести, ушла из дома и не вернулась. Ты воевал, твоя семья распалась, ты потерял квартиру, влачишь жалкое существование...

Игорь прервал наскучивший мартиролог.

-
Что жизнь – дерьмо, то я и без тебя знаю. Ты для чего меня позвал?

-
Помириться перед смертью. И назвать тебе истинную причину наших несчастий.

-
Ты ее типа знаешь?

Иван Авдеевич приблизил к внуку изможденное лицо, заляпанное старческой «гречкой». На него противно было смотреть – глазницы, виски, щеки ввалились, надбровные дуги и скулы выперли, вместо бровей торчали длинные седые волосины, щеки были усеяны черными угрями, в углах рта и глаз белели заеды.

-
Кому, как не мне, знать причину этой страшной череды несчастий, которая разворачивается на моих глазах, вот уже больше ста лет. – горестно прошамкал он. - Ты послушай, послушай меня! Меня никто не хочет слушать, думают, из ума выжил академик, а я в здравом уме, Игорь, совершенно в здравом уме. Я открою тебе великие тайны. Только ты постарайся поверить, хотя это и будет нелегко, потому что прозвучит дико. Так слушай же. Совсем молодым я работал в ИЗОцентре Революционного искусства, познакомился с Маяковским, Крученых, Татлиным, Родченко, Мейерхольдом. Но это все предыстория к главному событию в моей жизни.

Меня пригласили к Троцкому! О, тогда это имя гремело почище имени самого Ленина! Троцкий возглавлял Реввоенсовет, с его митингов толпы уходили в транс, он обладал огромной силой суггестивного воздействия, а гипнотиками тогда было 99% населения России, все безграмотные, чумно пьяные свободой. С фронта катились эшелоны вооруженных дезертиров и выплескивались на площади городов. Требовалось незаурядное мужество, чтобы выйти на арену к этим диким зверям, вырвавшимся из клеток. Троцкий был их главным укротителем. Я слышал его, и это - самые сильные впечатления моей юности. Слезы восторга закипали в груди, яркий свет озарял мозг, земное тяготение лишалось силы.

Я пришел, взволнованный, весь в ожидании невероятных перемен в судьбе. Да тогда такие перемены происходили с целой страной, люди делали фантастические карьеры, бывшие боцманы становились адмиралами, барышни катались на императорских корветах, еврейские мальчишки становились министрами и ломали через колено окостеневший хребет царской империи.

Троцкий вошел в кабинет стремительно. Так налетает самум. Миг – и ты закружен его торсионным вихрем, и твоя судьба паразитически изменяется. Прическа его была чуть ли не в два раза больше самого лица, она стояла дыбом, как косматая космическая туманность, а под ней жили пронзительные глаза, стрелы усов, бородки и главное – воля! Ты явственно чувствовал жаркое дыхание этой воли, как в мартеновском цеху возле печи чувствуешь жар кипящего металла. Он говорил, а ты с радостью бежал бы сделать невероятное, непредставимое, лишь бы он приказал. В него вселился бес революции, он уплотнил время до состояния глины и лепил из нее историю. Он сказал: «Иван, твой талант нужен революции. Мы начинаем огромное дело монументальной пропаганды революционных идей. Ты должен вылепить статую...» - старик замолчал, вправляя движениями впалых щек вставную челюсть во рту.

-

Статую кого? – не выдержал долгого молчания Игорь. Он ошарашено слушал рассказ деда, потому что и сам в детстве лепил из пластилина фигурки, приносившие людям вред. Поэтому он сразу поверил в проклятие, постигшее их род.

Дед глянул из-под косматых бровей блеклыми глазами, сказал шепотом.

-

Иуды. Иуды Искарота.

СТЕРТЫЙ ЧЕЛОВЕК

Москва. Зима. Наши дни.

Холодно, холодно в Москве. Декабрь, стужа. Метель овеивает ярко освещенную площадь перед Казанским вокзалом. Мерзнут таксисты и пассажиры. Тепло только курам в уличном гриле.

-

Отправляясь в дальний путь, несессер не забудь! Здравствуйте, я коммивояжер!

Молодой мужчина в черной дутой куртке, джинсах, кроссовках и лыжной шапочке «петушком» в ужасе смотрел на бодро рапортующего рекламные слоганы человека. Ужас его проистекал не от врожденного страха перед коммивояжерами, а от того поражающего факта, что мужчина ничего не помнил! Абсолютно! Он не знал, ни кто он, ни как его зовут, ни каким образом он очутился на огромном, заполненном кишашими людьми вокзале. Откуда-то с небес раздался женский голос: «Внимание! Скорый поезд № 62 «Сызрань – Москва» прибывает на первый путь. Граждане встречающие, скорый поезд...»

-

Возьмите несессер, – коммивояжер совал баульчик в руки, - возьмите-возьмите!

Он стоит всего двести рублей.

Мужчина растерянно ощупал себя и вывернул карманы наружу. В карманах денег не было, не было вообще ничего. Коммивояжер воспринял это как намек, подхватил клетчатую дорожную сумку и скрылся в толпе. Потерявший память человек остался стоять с маской страшной растерянности на лице. Он озирался по сторонам, осматривал свое тело и с мукой мозговой натуги смотрел на собственные руки. И не узнавал их.

-

Где я?

Прохожие обходили беспмятного человека стороной.

-

Какой этот город?

Уборщица сжалилась, ответила, вытрясая урну в мешок для мусора.

-

Москва.

-

А это что?

-

Казанский вокзал. Допился.

В сознании вспышками возникали непонятные сценки, лица, обрывки разговоров. Все это напоминало бред наяву. Он силился проснуться, но не мог. Садился на корточки и плакал от бессилия. Где он? Что с ним? Надо же так нажраться! Но он не пьян. Он просто ничего не помнит. Голова жутко болела, просто раскалывалась, в ней пульсировала мысль, что за ним следят и хотят убить.

Спасение предстало в облике милиционера. Беспмятный человек подошел к нему и прохрипел.

-

Я ничего не помню. Помогите.

Милиционер внюхался, алкоголя не уловил и отправил пострадавшего в травмпункт.

В поисках травмпункта мужчина попал в длинный тоннель, приведший его к выходу на морозную улицу.

На ступеньках горланили под гитару уличные музыканты. Беспмятный остановился возле нищего старика, сидящего на стопке газет в луже снеговой слякоти. В засаленной кроличьей шапке, лежащей на земле перед стариком, блестела горстка мелочи. Беспмятный без сил присел рядом на корточки и закрыл глаза. Так он сидел довольно долго, пока нищий не дернул его за рукав.

-

Ты чей, парень? А? Ты тут копейку не сшибай, это наше место.

-

Я ничего не помню, - сказал Беспмятный.

-

Иди давай, ступай с богом, - старик махнул в сторону выхода культей без всех пяти пальцев.

-

Я ничего не помню, – громче повторил Беспмятный.

-

Ты мне сюда говори, - старик указал на правое ухо, - я на это ничего не слышу. Беспмятный пересел и прокричал в ухо нищего.

-

Я ничего не помню, отец.

Старик взгляделся в его растерянное лицо.

-

И давно это с тобой?

-

Да вот часа два прошло, как я очнулся.

-

Понятно, – нищий достал пакет, вытащил булку и разломил ее пополам. – На, поешь.

Беспамятный жадно впился зубами в хлебный мякиш, нажевал во рту целый ком теста, сделал трудный глоток. Боже, как он хочет жрать! Рвал и рвал хлеб зубами, пока в руках не осталась хрустящая «попка», ее разжевывал уже со вкусом, кайфуя.

-

Спасибо, - сказал он, икая. И благодарно добавил. – Отец.

-

Клаванули тебя, парень, - сказал нищий. - Ты же с вокзала идешь? С вокзала.

Значит, приехал откуда-то на поезде. Вот в поезде тебе и подсыпали клавелина, слышал про такое?

Беспамятный отрицательно покачал головой.

-

Это гадость такая, что человек сознание теряет и ничего потом не помнит, - пояснил старик. - А его сонного грабют. У тебя что-нибудь осталось по карманам? Беспамятный на всякий случай еще раз ощупал карманы.

-

Нет, - сказал он, - пусто. Ни денег, ни документов.

-

Ясно. Грабанули тебя.

-

Слушай, отец, а сколько этот клавелин действует?

-

Смотря, с чем ты его потреблял. Если с чаем, то, может, день, или неделю, а если с водкой, то пиздец!

-

Как пиздец? – испугался стертый человек.

-

Можешь и месяц так проваландаться, без памяти. Опять же от дозы зависит, смотря сколько в тебя влили.

-

А что делать? Куда идти?

-

Да-а, задачка, - покачал головой старик. – Обождать тебе надо. Поспать. Может, и оклемаешься до завтра. Нечего горячку пороть. В милицию идти – последнее дело, там те еще грабилы собрались. Давай так. Ты посиди тут, подожди, пока у меня рабочий день закончится, а дальше я тебя устрою.

-

Спасибо, отец!

-

Спасибо не булькает. Ты тоже давай, работай.

-

А как?

-

Руку протяни, может, кто и кинет на прокорм души.

Беспамятный вытянул перед собой кулак, но разжать его не мог. Мимо текли люди, а он сидел на корточках, скрюченный и жалкий, и не мог разжать ладонь, чтобы попросить милостыню.

Его вывел из забытья пинок в колено.

Три парня в камуфляжной форме с лицами кулачных бойцов. На груди у каждого белел бейдж с надписью «Охрана Казанского вокзала».

-

Ты кто? – спросил старший

Беспамятный растерянно встал. Он и сам хотел бы знать ответ.

-

Таран, Таранчик, - продребезжал нищий, - этого паренька в поезде клаванули.

Ничего как есть не помнит.

-

Че с ним сделали? – брезгливо сморщился старший.

-

Это они клофелин так называют, - сказал низкий, широкий в плечах охранник и спросил беспаятного. – Че, сильно башка болит?

-

Да. Сильно.

-

Во рту сушит?

-

Ужасно.

-

Клофелин, - улыбнулся увалень. – Жанка или Цапля работали. С девками бухал?

Беспамятный пожал плечами.

-

Слышь, если хочешь тут работать, надо платить. - Таран сплюнул на кафельный пол. - Ты все понял?

Беспамятный кивнул. Охранники ушли.

-

Это кто? – спросил Беспамятный старика.

-

Налоговая инспекция, - засобирался нищий. – Пошли, хватит на сегодня.

В полумраке тоннеля светились плафоны «Выхода нет». Без сил бредя рядом с ковыляющим бомжем, Беспамятный читал их с нарастающим ужасом.

Наступила тишина – такая, что стало слышно падение капель в капельнице.

-

Ко-го? – Игорю показалось, что он ослышался. – А ну, повтори еще разок.

-

И-у-ды, – прокаркал старик. – Того самого. Предателя Христа.

-

Да на фига им сдался Иуда?

Иван Авдеевич развел руками.

-

Я был удивлен не менее твоего. Но Троцкий назвал его первым революционером в мировой истории! Первым богоборцем. Мне была дана неделя на изготовление прообраза. А через месяц мы должны были уже ехать по России, устанавливать эти статуи по всей стране.

-

Погоди, дед, у тебя лекарство кончается.

Игорь позвал Изольду.

-

Я ее сделал... – бормотал старик, пока жена отключала капельницу. – Я сделал, сделал проклятую статую. В трансе, в состоянии экстаза, гипноза, словно моими руками лепил сам Сатана. Я не чувствовал пальцев, они работали сами, я лепил сутками напролет, а потом упал без сил и спал, спал, спал. Очнулся я глубокой ночью. Я помнил, что работал над статуей, что я ее почти закончил, но как она выглядит, этого я не помнил. Я взял лампу и пошел в мастерскую.

Дед долго молчал, шевеля челюстями под пергаментной кожей. Наконец выдохнул.

-

Лучше бы я этого не видел. В мастерской стояла невысокая сгорбленная фигура, под мокрой простыней, она высыхала. Я стянул простыню и поднес к лицу статуи лампу. Старый художник замолчал, ему было трудно говорить.

-

Ну, и что ты там увидел? – поторопил внук.

-

Что я увидел? – прошептал старик и вдруг гаркнул срывающимся голосом. – Я увидел воплощенный ужас! – Иван Авдеевич протянул к отшатнувшемуся Игорю костлявые скрюченные пальцы и завопил, брызжа слюной и пуча бесцветные глаза в иссохших воронках глазниц. – Вот этими руками я вылепил исчадие ада! Я привел его в мир. Он смотрел мне в глаза неистовым взглядом пойманного в капкан демона! Он орал! Вопил. Знаешь, как я сделал ему рот? Я воткнул в глину вот этот кулак, – старик затряс мосластым кулаком перед носом внука, – облепил его со всех сторон, а потом выдернул. И тогда мой Иуда завопил! Он беззвучно вопил мне в лицо огромным зияющим ртом. А ведь тогда у меня был здоровенный кулачище, не то, что сейчас. Я отшатнулся и уронил лампу. Я бежал из мастерской, а вслед мне орало страшное, искаженное ненавистью и гневом лицо страдающего существа, словно бы по пояс погруженного в расплавленную магму огненной геенны. Это был Иуда, стоящий перед петлей. Предсмертный вопль всей его обугленной души вопиял из глиняного отродья. Вот что я увидел, Игорек, вот что...

-

Ну, ты даешь, дед, – пробормотал ошарашенный Игорь. – Радзинский отдыхает. Старик высморкался в полотенце.

-

От масляной лампы загорелся деревянный пол, вокруг Иуды выгорело черное пятно. Когда я вернулся на запах дыма, уже пылала половина мастерской. Иуда подвергался обжигу в центре кострища и лицо его дьявольски искажалось в бликах пламени. Он словно бы что-то кричал мне. Он говорил. Я слышал его голос. Я не разобрал слов, все трещало и пылало. Хорошо, что там была мокрая простыня и я смог потушить пожар. Разве это не был мистический знак? Я боялся работать над этой статуей, я же понимал, что совершается магический акт. Мои руки мальфара вылепили не просто фигуру, они вывернули из небытия в

мир живых страшный архетип предательства и ненависти. Наутро я увидел свое произведение при дневном свете. То, что я увидел, напугало меня еще больше.

-

Почему?

Старик заговорил размеренно, гипнотизируя внука пристальным взглядом.

-

Огромная папаха словно вихрем сбитых набекрень волос, маленькое лицо, плоские, злобно искривленные губы, гримаса ненависти и ярости, усики, клин бородки... Я перепугался до полусмерти.

-

Но почему?

Старик хрипло закричал.

-

Потому что перед мной стоял сам Троцкий! Это был Троцкий, орущий на толпу с трибуны. В приступе полубессознательного вдохновения я слепил Иуду с Троцкого, с этого богоборца и пламенного революционера. Что это могло тогда означать для меня? Что я исчезну в недрах ЧК! Вот чего я испугался. Я взял молоток и сбил волосы, затем срубил бородку и усы, внешняя схожесть исчезла, но я-то знал, *кто* стоит передо мной. Я все понял. Иуда воплотился снова. Это он стоял во главе Реввоенсовета молодой советской республики, он - железной рукой формировал из разбегающейся царской армии угрюмые и несокрушимые полки Красной Армии.

-

Ну, ты гонишь, дед! – восхитился Игорь. – Радзинский реально отдыхает.

-

Я в трансе сейчас, Игорек. Разве может так говорить столетний старик? Нет, так может говорить только мальфар, колдун. Ты – единственный мой внук и, значит, наследник. Наследник родового дара и родового проклятия. Ты сам станешь мальфаром, а это значит, что тебе предстоит пройти через страшные испытания. Ты не сможешь развиваться как маг и колдун, если на твоём пути не будут стоять ужасные, подчас непреодолимые препятствия. Так рождается мальфар! Вот почему, мальчик мой, я не давал тебе денег, никак не помогал, делал вид, что лишаю тебя наследства. Послушай, не перебивай, силы мои иссякают, а сказать надо самое главное. Игорь, тебе предстоит задача чрезвычайной важности для судьбы нашего рода. Ты должен снять проклятие с нашей семьи.

-

Как?

-

Тебе надо... - старик не договорил, застонал и задергал грязный бинт, свисающий с потолка. Далеко на кухне, где сидела супруга, зазвонил колокольчик. Она спешно пришла, достала из-под кровати «утку», сказала Игорю.

-

Вы бы вышли, пока я его обслуживаю. И если можно, Игорь, выгуляйте нашу собачку.

Я отлучиться не могу, а она, бедненькая, терпит.

Изольда чмокнула губами, из коридора показался черный клубок шерсти с блестящим мокрым носом.

-

Это Шэрри. Шэрри, познакомься с Игорем. Он пойдет с тобой гулять. Игорь хороший. Она чужих боится, но все понимает. Игорь – хороший. Слышишь, Шерри, хороший!

Игорь усмехнулся, сам он про себя такого сказать не мог.

БОЙ ПИТБУЛЯ И БОЛОНКИ

После химически резкого воздуха дедовой берлоги на улице дышалось легко и свободно.

Игорь отстегнул поводок и дал собачке побегать по опавшим листьям. Внезапно из темноты выскочила низкая собака тигрового окраса с белым клином на груди и набросилась на болонку. Игорь не успел среагировать: резкий шорох кустов, бросок, истошный визг вверенной ему собачонки. Не долго думая, он в два прыжка настиг собак и ногой ударил агрессора в бок. Кобель перевернулся вместе с визжащей Шэрри, отпустил ее, и бросился теперь уже на Игоря.

При свете фонаря бывший десантник увидел, что его атакует стафффордширский питбуль. О боевом опыте собаки свидетельствовали шрамы на морде и плечах. Первым же укусом он вцепился Игорю в штанину, располозовав скользнувшими клыками голень. Игорь понял, что дело худо. Если хозяина нет рядом, придется как-то отбиваться. Но как? В руках, кроме тонкого поводка в виде металлической цепочки, ничего не было.

Питбуль прыгнул и натренированно вцепился в рукав. Жуткая сила сдавивших челюстей почувствовалась даже сквозь толстую куртку. Питбуль начал трепать, да так сильно, что чуть не свалил с ног. Если упаду, вцепится в горло, мелькнуло в голове у Игоря. По какому-то наитию он обернул поводок вокруг шеи собаки, пропустил конец с карабином через кожаную ручку на противоположном конце и сделал таким образом, петлю. Затем наступил ногой на цепочку, устроив из собственного ботинка шкив, и резко потянул. Затрещала куртка. Морда собаки с зажатой в челюстях куском дорогой «Колумбии» уползла к земле и оказалась зажатой в петле возле ботинка. Игорь все сильнее тянул к себе поводок, пит стал задыхаться.

-

Что, сука, не нравится?! – заорал Игорь, хотя перед ним был кобель, а не сука.

Теперь пит был в его власти, ворочал тигровой башкой в тщетных попытках вцепиться в ботинок зубами, но петля не пускала, все сильнее сжимала горло и перекрывала доступ кислорода.

-

Э! Э! Че там такое? – из темноты показался крупногабаритный парень в светлом спортивном костюме.

-

Твой кобель? – крикнул Игорь.

Разглядев ситуацию, собачник вызверился на Игоря.

- Ты, гондон! Отпустил его, быстро!

«Если отпущу кобеля, ублюдок его снова на меня натравит», мелькнуло в голове у Игоря.

-

Держи своего урода! – крикнул он.

-

Ногу убрал!

-

Держи его, я сказал!

-

Ногу убрал! Ты ж его душишь, сука! Отпустил собаку, шакал! Киля, взять его!

Фас, Киля, чужой!

Не помня себя от ярости, Игорь снял ногу с поводка, перехватил цепочку обеими руками и увесистым телом полузадушенного питбуля, как кистенем, с размаху огрел наступающего хозяина по голове.

Раздался дикий вопль. Собака вцепилась хозяину в лицо.

Игорь рванул поводок и оцепенел: вместо носа у стоящего перед ним здорового и секунду назад наглого противника зияла рваная рана, мгновенно залившаяся кровью. Парень взвыл, захлопнул лицо ладонями и побрел напролом сквозь кусты.

Игорь закрутил пита над головой и шмякнул им о ближайшее дерево, затем перекинул поводок через ветку и подвесил собаку в таком состоянии. Киллер плясал в петле в тщетных попытках броситься снова.

-

Ну, ты зверюга, - тяжело дыша, Игорь завязал второй конец поводка на узел вокруг ветки. Вот тебе и выгулял собачку, подумал он. Закричал в темноту.

-

Шэрри! Шэрри!

Болонки нигде не было. «Твою мать! Что делать? Дед раскудахчется, Изольда эта.

Навязали на мою голову!»

Шэрри нашлась в подъезде. Она дрожала и скулила, черная шерсть на боку лоснилась от крови. Стараясь не перепачкаться, Игорь взял ее на руки.

В зеркале лифта увидел свой подранный облик и порадовался, что ублюдок-собачник получил по заслугам. Есть все-таки Бог на свете.

Услышав рассказ про случившееся, Изольда не стала охать и ахать, профессионально обработала Игорю рану, заклеила медицинским скотчем, затем осмотрела собаку и принялась выстригать на покусках шерсть.

Игорь, прихрамывая, прошел к деду. Иван Авдеевич сидел в кресле перед триптихом и накладывал на полотно мазки краски.

- Ты говорил, что надо типа снять проклятие с нашего рода, - напомнил внук.

-

Посмотри, - показал кистью старый академик, - это белый бронепоезд «Генерал

Дроздовский». Красноармейцы прозвали его «Белым Иродом». Его налеты сеяли панику в рядах красных. Я потому и делал статую Иуды в страшной спешке, что Троцкий торопился на Восточный фронт. Ведь белые захватили в Казани все золото царского казначейства. Тогда это был вопрос жизни и смерти революции. И охранял то золото мистически неуловимый «Белый Ирод».

Старик повернул настольную лампу на стену. Яркий свет озарил свежие краски. «Совсем дед в детство впал», подумал Игорь.

Больше всего картина напоминало выставку детского рисунка. Вон маленький бронепоезд на горизонте пускает пар, вон летят самолеты, мчится конница, развеваются по ветру красные знамена и гривы лошадей, рябит белый частокол воздетых сабель, встают кусты артиллерийских разрывов.

НАЛЕТ БЕЛОГО БРОНЕПОЕЗДА «ГЕНЕРАЛ ДРОЗДОВСКИЙ» НА СТАНЦИЮ ДЕВЛЕЗЕРОВО-СЕРЕСЕВО. 6 июня 1918 г.

(триптих Народного художника СССР И. Ледовских «Гражданская война в России»)

Гражданская война в России шла вдоль железных дорог. Все было на колесах – штабы, жилые теплушки, склады с амуницией, госпитали, прачечные, изоляторы, карцеры.

На крупной станции Девлезерово-Сересево, где готовились к штурму Казани армии Восточного фронта красных, образовалось настоящее вавилонское столпотворение. В бедламе сортировочного узла гремел даже вагон-ресторан с невесть откуда заблудшими в прифронтовую зону цыганами.

Красноармейцы сидели между вагонами на перевернутых патронных ящиках, брадобреи намыливали и обривали им головы. Солдат в бязевой рубашке выметал из вагона веником, сделанным из пучка перекати-поля, козы катыши. Бойцы массово держали в теплушках живность для прокорму. Коза паслась у теплушки, привязанная к винтовке, воткнутой штыком в иссохшую землю.

Командир ЧОНа (Часть Особого Назначения – красный спецназ времен Гражданской войны) Орлов вбил последний гвоздь в транспарант, спрыгнул, чтобы полюбоваться своей работой. «Смерть буржуазии и ее прихвостням» - реял над кирпичным зданием станции красный кумач.

С башни водокачки прокричал смотрящий.

-

«Ирод»! «Ирод» идет!

-

Быть не может, - Орлов побежал к вышке. Вчера ночью он лично с группой отчаянных охотников взорвал пути на подходах к Морквашам.

Взобравшись на башню, Орлов забрал у смотрящего бинокль. На горизонте в мареве раскаленного воздуха рябили очертания вражьего бронепоезда.

«Тревога!» Орлов выстрелил в воздух из нагана и замахал сигнальным полотнищем. Мест в теплушках не хватало, солдаты сидели на крышах вагонов, штыки их винтовок густо торчали в небо. Загудел паровоз командира дивизии Семена Ермохина, призывая личный состав сосредоточиться. Но было поздно.

Своем зашелестели на подлете снаряды. Оглушительно рвануло. Ряд теплушек поднялся в воздух в столбах огня и дыма. Полетели раскоряками десятки людей и скрылись в дыму. Снова рванули кусты разрывов с красной сердцевинкой. Тяжело зашлепали осколки.

Снаряд угодил в паровоз командира дивизии. Неожиданно быстро для своего веса паровоз перевернулся кверху колесами и стал, как мертвая лошадь. Контуженный осколком в голову Орлов с башни воочию увидел, как душа паровоза отошла к небесам облаком белого пара.

Пылали перевернутые платформы, дымящиеся трупы устилали перроны. Рвались снаряды и коробки с патронами в горящих складских вагонах.

Дивизия в панике бежала в ожидании продолжения артналета. Но осторожный «Белый Ирод» уже примотал на вал лебедки воздушный шар наблюдения и бездымно отходил к захваченной белочехами Казани.

Через полчаса чудом уцелевший телеграф передал председателю Реввоенсовета республики Льву Троцкому донесение о поражении Симбирской дивизии и гибели командарма Ермохина (оказавшейся впоследствии неверной, Ермохин был ранен). Извиваясь, из аппарата быстро ползла лента с печатными буквами. Троцкий стремительно читал. Стол его был доверху завален серпантинном донесений.

Через час после принятия сообщения о бесчинствах, творимых «Белым Иродом» на Восточном фронте, личный вагон Троцкого был отстыкован от телеграфных и телефонных линий на станции Орловка и прицеплен вторым с хвоста к бронепоезду № 10 Центроброни, носящему гордое имя «Грозный мститель за погибших коммунаров».

Не делая остановок, «Мститель» помчался на Восточный фронт на смертельную дуэль с «Белым Иродом».

- Так что насчет проклятия? – напомнил Игорь. – Как его снять с нашего рода? Дед нанес кистью несколько мазков и устало отложил палитру.

-

Да... Снять проклятие... Тебе надо отправиться в Свияжск, Игорек. Там ты должен найти голову и привезти ее мне...

Игорю вспомнилась манера чеченских духов отрезать и забрасывать головы российских военнопленных в расположение федералов.

-

Чью голову, дед?

Старческие рассказы разбередили чеченский синдром, и словно бы предчувствие беды охватило его.

-

А что это с тобой? – Иван Авдеевич разглядел растерзанный вид внука. Игорь отмахнулся, дескать, ерунда, потом нехотя рассказал про схватку с питбулем. Случайная стычка на улице почему-то привела старика в крайнее волнение.

-

Я так и знал, – простонал он. – Началось.

Игорь начал терять терпение.

-

Да что началось, дед? Говори яснее!

Старик вцепился во внука костлявыми руками.

-

Проклятие Иуды, – зашипел он. - Как только я поделился с тобой этой тайной, все началось сызнова. Само мироздание атакует нас. Привези мне ее! Я должен своими руками уничтожить проклятое идолище. Я должен искупить свою вину. Привези, достань, найди! Как хочешь, любыми способами, добудь мне ее, только так мы снимем проклятие и спасем наш род и всю Россию от преследующих нас бесчисленных несчастий.

Игорь раздраженно вырвался. Полвчера ему рассказывают бредовые сказки, заставили выгуливать мерзкую собачонку, втравили в драку, а теперь требуют куда-то ехать, что-то искать!

-

Да что, наконец, я должен достать? – крикнул он.

Иван Авдеевич вытаращил безумные глаза

-

Ты должен привезти мне голову Иуды, – проклекотал он. - Вот его!

Измазанный краской палец ткнул в центр триптиха.

На лубочной картинке, написанной в стиле палехской росписи, виднелись золотые купола, соборы, звонница, монастырские стены. На площади в окружении толпы стоял памятник бурого цвета. В угрожающем жесте воздев к небесам правую руку, скульптура вопила на толпу несоразмерно большим ртом.

Рядом с памятником стояла деревянная трибуна, на ней выстроились в шеренгу люди в черных кожанках. Женщина в морском кителе с белым шарфиком на горле стояла рядом с вождем, произносящим речь.

От режущего света настольной лампы заболели глаза, картина ожила, фигурки зашевелились, заколыхалась толпа, рука Троцкого принялась рубить воздух, сверкнуло пенсне, над вздернутым клином бородки замигал черный провал рта, покачнулась шеренга солдат с нацеленными винтовками. Командир с забинтованной головой махнул саблей. Вдоль черных дул проскочила искра. Расстрелянные повалились.

У Игоря закружилась голова. Да тут же краски, растворитель, внезапно понял он, я надышался.

**«УСТАНОВЛЕНИЕ ПАМЯТНИКА ИУДЕ. Свияжск. 9 июня 1918 г.»
(Триптих Народного художника СССР Ивана Ледовских «Гражданская война
в России»)**

Воплощаясь на земле, душа створаживает вокруг себя свою точную копию – тело.

В зависимости от развитости и мощи души тело получается либо сильным и красивым, либо хлипким и убогим. Вырастая и матеря, люди ткнут вокруг себя дополнительные силовые оболочки, опять же в точном соответствии с мощью духа. Незначительные люди образуют вокруг себя дешевенькие квартиры и автомобили так называемых «народных» марок – «запорожцы», «жигули», в лучшем случае, «фольксвагены» эконом-класса. Люди рангом покрупнее ваяют вокруг своих особ лимузины, джипы и гоночные болиды. Гиганты духа перемещаются в оболочках стоимости запредельной – в длиннющих черных лимузинах и личных «боингах», причем гиганты при этом думают, что это очень круто.

Председатель Реввоенсовета молодой Советской республики Лев Давидович Троцкий в качестве средства передвижения соткал вокруг себя многосотпудовый бронепоезд № 10 ««Грозный мститель за погибших коммунаров», вооруженный пятью орудийными башнями, двадцатью пятью пулеметами «Максим» и десятком 76-миллиметровых зениток для защиты от налетов авиации.

Выкрашенный в цвет выгоревших приволжских степей бронепоезд на огромной скорости рвал пространство, оглушал станции ревом паровозных гудков, содрогал воздух тяжелым дыханием геенны огненной – гудящей раскаленной топки, в которую двое чумазных чертей-кочегаров беспрестанно подбрасывали лопатами специальный бездымный уголь, который не демаскировал клубами дыма передвижение вождя по ввергнутой в пучину Гражданской войны царской империи.

К пяти вечера 7 июня 1918 года «Грозный мститель» подплыл к перрону железнодорожной станции Кальбарово.

Усеянные рядами круглых заклепок стальные борта медленно проползали вдоль оцепленного вооруженными красноармейцами перрона. Броневые листы закрывали весь состав вплоть до колес, поэтому со стороны казалось, что к станции подплывает не поезд, а флагманский эсминiec Волжской флотилии. Впечатление усиливала высокая фигура изящной женщины в черном морском кителе и кожаной юбке, с комиссарской фуражкой на каштановых, уложенных в круг косой, волосах. Мелькнули черные бушлаты, вскинутые бескозырки с золотыми вылинявшими надписями, полосатые тельники, усатые, радостно вопящие рты.

-

Лариса! – орали лужеными глотками матросы. – Ла-ри-са!

Лариса Рейснер лучисто улыбалась товарищам по революционной борьбе. Еще недавно они вместе давили контрреволюцию в Петроградском Адмиралтействе, а теперь прибыли сюда для спешного формирования Волжской речной флотилии в целях борьбы с восстанием белочехов.

Духовой оркестр грянул «Интернационал». Проплывали шеренги красноармейцев «Железной дивизии имени Розы Люксембург» в разномастных гимнастерках, зато в одинаковых картузах с красными звездами.

-

Здорово, братва! – закричала Лариса. – Встречайте Председателя Реввоенсовета республики товарища Троцкого!

Шеренги ликующе взревели. Лариса спустилась по лесенке на перрон, а в проеме, как в картинной раме из стали, появилась фигура, с ног до головы закованная в чертову комиссарскую кожу. Перекошенная влево папаха шевелюры, заостренное книзу клинообразной бородкой лицо, острые усы, пронзительный сверлящий взгляд сквозь стекла пенсне –

Троцкий. Рука наркома коротко простерлась вперед, обвела растопыренными пальцами толпу и сжала ее в кулак.

Проходя среди возбужденных матросов и красноармейцев, Лариса услышала гармошку.
Как родная меня мать провожала,
Как тут вся моя родня набежала.

Частушки слушали под одобрительный хохот братвы. Комендант станции показал на лысеющего человека с толстой нижней частью лица.

-
Агитационная песня, только что написана, вот это – товарищ поэт.
Лариса крепко пожала поэту руку.

-
Как ваша фамилия, товарищ?

-
Демьян Бедный.

-
Молодцом! Нам нужны такие стихи.

Рейснер вспомнились недавние прогулки на лошадях с Блоком в окрестностях Санкт-Петербурга, серебряное кружево его чарующих стихов, разве могут с ними сравниться эти убудочные частушки?

Под вечер из бронепоезда на яхту «Межень» перегрузили деревянный ящик, похожий на гроб, на борт взошли Лариса Рейснер и Троцкий с личной охраной.

До Свяжска дошли за полночь. Ларису разбудил Троцкий. Они вышли из каюты на палубу.

В темноте слышался голос матроса, промеряющего глубину.

Хлюпала вода, показался фонарь на берегу, на него пошли, вскоре ткнулись боком о причал, Ларису качнуло к Троцкому, он обнял ее за плечи.

Ударила зарница, выхватив из тьмы сказочно красивый городок на холме. Четко очертились по мерцающему небу купола церквей, зубцы крепостных стен, и погасли. Остров Буян!

Бросили трап. Пахло болотом, зудели комары, квакали лягушки. Троцкий сошел на берег, подал Рейснер руку. За ними при свете факелов матросы на руках вынесли деревянный ящик. В нем, в стружках, лежало таинственное изваяние, долженствующее увидеть завтра свет. Троцкий хлопнул себя по щеке, размазал жирного комара.

-
Насосался, эксплуататор!

Лариса засмеялась, ее восхищало чувство юмора этого человека, даже к комару он подходил с классовых позиций! Он склонился к ней для поцелуя, в стеклах пенсне полыхнули багровые факела.

Троцкий с Ларисой разместился в местном монастыре в покоях святителя Гермогена.

Ночью квадратная площадь Свяжска была оцеплена ротой красноармейцев Симбирского Полка Пролетарской славы. До утра продолжались работы.

При сером рассветном свете на временном постаменте, сколоченном из деревянных горбылей, под конфискованными в храме Троицкого монастыря драгоценными ризами возвышался новый памятник, но кому он был посвящен, никто не знал.

После обеда был созван митинг на площади. Имя Троцкого гремело по России, многие пришли послушать вождя добровольно, многих, особенно монахов, согнали на митинг силой.

Троцкий вышел после сытного монастырского обеда, во время которого отведал знаменитых свияжских медов.

На палящем солнце в течение часа Троцкий говорил о часе возмездия, об угнетаемом апостоле диктатуры пролетариата, о братстве и «Интернационале». По лицу его кматились крупные капли пота, он утирал их. Наконец наступила кульминация митинга.

- Товарищи! – прокатился над толпой надтреснутый голос трибуна, а рука его указала на статую, укрытую материей. - Тот, который стоит пока под этим чехлом, должен рассматриваться каждым как невинный человек, который в течение двух тысяч лет был прикован к позорному столбу капиталистической интерпретации истории! Все должны принять его теперь как великого пролетарского Прометея... Это - Красный предшественник мировой революции, двенадцатый апостол спасителя буржуев, Христа — Иуда Искарот!

Толпа на минуту онемела. Затем большинство присутствующих начали креститься. Никто еще не понимал сути просиходящего.

По потному лицу Троцкого пробежала болезненная гримаса. В его облике что-то переменялось, он положил себе руку на грудь.

- Я несу вам послание, - задушевно сказал он, совсем не тем тоном, каким говорил о часе возмездия и Интернационале. - Я несу грех всех времен. Во мне - правда. Разве вы не узнаете меня? Я - СПАСИТЕЛЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. Я - ОН!"

Рука наркома указала на памятник. В этот миг над городом пролетел самолет, и толпа вслед за Троцким посмотрела на небо.

- "Да здравствует мировая революция!" - закричал Троцкий, спустился с трибуны, подошел к молодой женщине в комиссарской куртке, поклонился ей и подал конец пеньковой петли, которой был обвязан чехол памятника. Женщина дернула трижды, прежде чем материя сползла.

Перед оцепеневшими людьми появилась буро-красная гипсовая фигура голого человека, выше человеческого роста, с зияющим кратером вопящего рта и занесенной, словно бы грозящей небу правой рукой. Левой рукой он сдирал с горла петлю. В руках женщины остался как бы конец веревки, удушившей реального Иуду.

Оркестр грянул "Интернационал". Над толпой замелькали снимаемые головные уборы. В конце сада артиллерийская часть произвела три выстрела салюта. По недосмотру они были произведены боевыми зарядами. Снаряды со свистом пролетели над шарахнувшейся толпой и взорвались за монастырем.

Но это была только прелюдия главного действия в честь апостола-предателя. Троцкий вернулся на трибуну.

-

А теперь, ввиду этого памятника одному из величайших революционеров всей истории человечества мы накажем тех, кто покрыл себя несмываемым позором – дезертировал с фронта, предал своих пролетарских братьев и сестер!

В центре площади прямо напротив памятника понуро стояли разоруженные красноармейцы бежавших с фронта частей.

Орлов, командир ЧОНа, чуя жарящий в спину солнечный фокус страшного пенсне, прошел вдоль строя дезертиров, отсчитывая наганом каждого десятого и указывая выйти вперед. Вернулся вдоль второй шеренги - эти тоже выпускали вперед смертников. Опять ушел в дальний конец площади – теперь мимо третьей шеренги. Вернулся вдоль четвертой, последней.

Все «десятые» растерянно стали перед строем. Орлов подбежал к трибуне, задрал голову, запрашивая распоряжений. Обряд децимации проводился впервые. Троцкий поднял кулак. Надорванный голос взмыл в воздух.

-

Ваш полк... покрыл себя позором! Вы бежали с поля боя... открыв фронт врагу! –

Вождь делал большие паузы, чтобы смысл слов дошел до каждого. - Смыть позор солдат может только своей кровью. Сейчас эти подлые трусы, изменнически предавшие дело революции и пролетариата, будут расстреляны! На всех фронтах моим приказом вводится обряд децимации, то есть каждый десятый из бегущих с поля боя трусов будет расстрелян перед строем своих же товарищей. Приступайте!

Орлов кивнул марлевой тюбетейкой с кровавым пятном во лбу, на кривых кавалерийских ногах пробежал от трибуны к шеренге дезертиров. Сабля била его по пыльным смазным сапогам. Чоновцы гуськом бежали за ним, растягиваясь вдоль приговоренных. По команде повернулись лицом к осужденным, штыками оттеснили их к монастырской стене.

-

То-овсь! – надсадно прохрипел Орлов, вздымая саблю. ЧОНовцы вскинули винтовки. – По трусам, изменникам дела Революции и пролетариата – пли!

Махнула сабля, сухо рванул залп. «Десятые» повалились вразноряд. Ахнули женщины в толпе, зазвенело выбитое шальной пулей стекло, с хриплым карканьем взлетели вороны.

Орлов, держась левой рукой за звенящую после контузии голову, провел инвентаризацию расстрелянным, двух шевелящихся добил из нагана. Обернулся за одобрением к трибуне, оттуда льдисто сверкнуло пенсне. Бурый Иуда с разверстым в крике «ура» ртом потрясал воздетым к небесам кулаком, словно бы тоже поддерживая свирепую расправу. С бешеными глазами Орлов приблизился к оставшимся в живых.

-

Уберите эту падаль! – пролаял он Гуменному, замкомвзвода. – Затем строиться и на фронт! Все ясно?

-

Так точно! – во фрунт вытянулся смертельно белый с лица Гуменной, безмерно счастливый тем, что выжил.

Части маршем прошли мимо только что установленного памятника. Апостол-предатель, вопя беззвучно разверстым ртом, напутствовал красноармейцев воздетой рукой. За его спиной повторял угрожающий жест сам Троцкий. Орлов, надрывая глотку и натягивая жилы на горле, кричал.

-

Свинцо-овым... огненным ве-еником... выметем паразитов из истории!

Ползучие гады, буржуазные недобитки - обречены! Контрреволюционная сволочь будет беспощадно уничтожаться! Всякий, поднявший руку против Советской власти, будет выжгнут каленым железом! Смерть эксплуататорам! Да здравствует товарищ Троцкий! Ура!

Марширующие шеренги нестройно грянули «ура». Громче всех кричала часть, только что подвергшаяся децимации. У солдат были безумные выпученные глаза, рты разевались сами и сами вопили.

-

Стойте!

Бредущие по тоннелю Беспамятный и нищий обернулись. Мужчина в синей «Аляске» с натянутым на голову капюшоном нагнал их и с ходу пнул Беспамятного ногой в живот. Второй удар – локтем - пришелся в скулу и опрокинул на пол.

«Беги! – закричал внутри черепа Голос. Голос был таким отчетливым, как если бы кто-то кричал в наушники. Голос поразил Беспамятного больше, чем нападение неизвестного.

-

Кто ты? – спросил он, ворочаясь на земле. – Откуда ты взялся в моей голове?

-

Я - твой Страх, - невнятно ответил Голос, проглотив окончание слова. Страх или Страж?

-

Кто ты? – переспросил Беспамятный.

-

Беги, дурак! Спасайся!

Беспамятный вскочил, побежал, удар каблуком в поясницу швырнул его на колени, в ребра вонзился носок ботинка. «За что? За что его убивают? Что он сделал этому человеку?»

Корчась под градом ударов, Беспамятный утробно завыл от ужаса и отчаяния. Вой перешел в инфразвук, тонкий, неуловимый для слуха. Вдруг он расслышал, что в голове помимо крика «беги!» давно уже звучит другой голос – «дай я!».

-

Дай я, выпусти меня! Дай я! Я тебя спасу! –

кричал другой Голос – грубый, рыкающий.

-

А ты-то кто? – вне себя от непонимания завопил Беспамятный.

-

Меньше болтай, больше делай! Выпусти меня, скорее!

-

Но как?!!

-

Боевой крик! Крик!! Крик!!!

-

Тихо-тихо, – «Питбуль», штатный киллер буровской ОПГ, рывком поднял избитого человека за грудки, впечатал в стену, переждал, когда пройдут люди. – Ты это. Не бойся, я тебя убивать не буду. Я тебе только это... нос и уши обрежу. На холодец. Новый год же близко. Чтоб ты пожил, помучился, как я. Только сначала это... монета где?

Беспамятный не может разглядеть лица нападающего, оно скрыто надвинутым капюшоном.

-

У меня ничего нет... - задыхается он, - вот, мелочь, насобирал...

Грабитель осмотрел горстку милостыни, отшвырнул.

-

Куртку снял!

-

Что?

-

Куртку снял! Быстро!

«Беги!» «Дай я, выпусти меня!» «Беги!» «Я спасу тебя! Крик! Боевой крик! Неужели ты забыл даже это?!» «Беги!»

Голоса перебивали и заглушали друг друга.

-

Ну, че ты возишься! – мучитель отвесил тяжелую оплеуху.

Вдруг Беспамятный резко оттолкнул его, набрал в грудь воздуха и завопил: – Кийя!

Крик прокатился по трубе подземного перехода.

Кйа-а-ы-ыр-р-р-р! – боевой крик восточных единоборств перешел в рев разъяренного ягуара. В голову, плечи, руки и ноги, в кулаки вливалась сила и звериная ярость. Глаза отслеживали движения нападающего, движения прохожих, тусклый свет подземного перехода. Время замедлилось. Беспмятный все видел и все обсчитывал. Вот нога противника медленно оторвалась от слякоти пола и поплыла к нему, целя в область паха. Правая нога стертого человека независимо от его воли поплыла навстречу атакующей ноге противника и ребром кроссовка встретила надкостницу врага. Он знал, что это больно. Врагу стало очень больно. Недаром он отскочил и припал на ушибленную ногу. Беспмятный повторил боевой крик и боковым зрением увидел проступающие из его пальцев серпообразные когти, а из пасти, искажившейся в хриплом реве, выползли острые клыки. Он нырнул под удар вражеской руки и всадил в нападающего стремительную серию ударов, похожих на удары лапами атакующего леопарда, сек справа и слева, норовя скрюченными пальцами попасть в глаза, в горло, в ноздри. Атаку довершил ударом ноги в солнечное сплетение ошеломленного противника и пружиняще отскочил, чтобы сориентироваться и оглядеться. Прохожие с чемоданами и сумками опасно обтекали дерущихся.

Удары сорвали с нападающего капюшон.

Беспмятный застыл в ужасе. Он видел кошмарный сон.

Перед ним открылось лицо разлагающегося трупа. На месте носа из рваной дыры с рубцующимися краями торчали кости переносицы. Лик самой Смерти ненавистно глядел ему в глаза.

«Смерть» воспользовалась замешательством жертвы.

Щелкнул выкидной нож, сверкнуло лезвие. Удар пришелся в сердце.

ИГОРЬ В СВИЯЖСКЕ ИЩЕТ ГОЛОВУ ИУДЫ

-

Вы знаете, что Свияга течет в сторону, обратную течению Волги?

Игорь Ледовских обернулся. Перед ним опирался на зонт провинциальный «Чехов» - сухопарый мужчина в черном пальто, в очках и с бородкой.

-

Не знаю. И что?

-

Свияга дала название нашему городу. Означает сие название – виться, свивать, потому что была река эта зело извилиста. Но и город сам был свит словно по волшебству, как птичье гнездо, это настоящий чудо-городок, подобного которому в мире больше нет.

-

Красивый городок, - согласился Игорь.

Прошло больше двух недель после его знаменательного разговора с дедом. За это время он успел взять отпуск на работе и отправиться в Свияжск на поиски головы Иуды, слепленной его дедом в далеком 1918 году.

Остров на море лежит,
град на острове стоит,
с златоглавыми церквами,
с теремами да садами.

Это Пушкин о нашем острове написал. Меня зовут Михаил Львович, - интеллигент церемонно снял шляпу и склонил лысеющую голову. – Если вам интересно, я могу провести для вас короткую и недорогую экскурсию.

-

Сколько?

-

Вы, простите, откуда?

-

Из Подмосковья, - сказал Игорь, чтобы скостить цену.

-

Ну, для вас, москвичей, деньги будут просто смешными, а мы тут сидим без работы и вынуждены перебиваться вот проведением экскурсий.

-

Конкретнее, профессор!

-

Триста рублей недорого будет?

-

Двести.

-

Хорошо, пусть будет двести. Итак. В 1550 году царь Иван Грозный воевал Казань, не взял и отступил. Для осады требовалась крепость, но построить ее на глазах неприятеля было немислимо. Тогда Иван повелел рубить крепость в угличских лесах, в вотчине бояр Ушатых, на Верхней Волге, за многие сотни верст от свияжского холма. В великой тайне под руководством дьяка Ивана Выродкова рубили крепость-городок. К весне 1551 года городок разобрали по бревнышку, разметили и погрузили на суда. Караван отправили вниз по Волге. Проплыв тридцать дней, 24 мая 1551 года караван начал выгрузку вот здесь, - гид указал на

косогор, - у подножия Круглой горы. 75 тысяч человек ждали приказа к началу работ. Для строительства Свияжска Иван Грозный разрушил [Торжок Перевитский](#) в южном Подмоскowie, а его жителей поголовно пригнал сюда, на ударную, так сказать, «комсомольскую», кхе-кхе, стройку. И буквально в считанные недели город был собран, как...

-

Как конструктор Лего, - подсказал Игорь. Экскурсовод улыбнулся.

-

Да-с, первый в истории конструктор в натуральную, с позволения сказать, величину. Строительство крепости усложнялось тем, что леса хватило лишь на половину стройки. Дело в том, что зодчие полагались лишь на впечатление царя Ивана Грозного от единственной ночной стоянки на горе осенью 1550 года. Строили на глазок...

От пристани дорога пошла в гору. Игорю надоела историческая мутота.

-

Львович, - сказал он, - меня по ходу интересует, что тут происходило в восемнадцатом году.

-

О, это тоже знаменательная дата в истории Свияжска! Именно здесь в 1918 году

Лариса Рейснер в великой спешке формировала Волжскую флотилию для освобождения захваченного белочехами золотого запаса России. Да что там говорить - здесь был штаб самого народного комиссара по военным и морским делам Льва Троцкого. Здесь стоял постоем ленинский «агитпроп», среди которого были тогда еще мало известные Всеволод Вишневский и Демьян Бедный, последний, кстати, именно в Свияжске сочинил свою знаменитую песню «Как родная меня мать провожала...». А Вишневский впоследствии написал «Оптимистическую трагедию», прототипом главной героини которой стала Лариса Рейснер. Естественно, атеистическая власть опоганила свияжские церкви и монастыри. Все знают СЛОН – Соловецкие лагеря, но мало кто знает, что был СЛОН-2 – Свияжский лагерь, филиал ГУЛАГа, он находился здесь, в Троицком монастыре. «Политических» сюда свозили со всей России, здесь проводились массовые расстрелы, а трупы сбрасывали под монастырские стены и присыпали землей. Атеисты крушили и взрывали Свияжский храмы. До сих пор посреди города высятся холмы битого кирпича. Однако, благодарение Богу, не все было стерто с лица земли. Несколько церквей все же уцелело. Вот эта деревянная – поистине бесценная реликвия XVI века.

Михаил Львович подвел Игоря к почерневшей церквушке.

-

Обычно здесь фотографируются. Не хотите ли?

-

Я без фотоаппарата.

-

Могу кликнуть местных фотографов. Они вам прямо на месте все проявят и отпечатают.

Игорю надоело ходить вокруг да около.

-

А это правда, - спросил он, - что именно здесь, в Свияжске, Троцкий поставил первый в мире памятник Иуде?

Перемена, произошедшая с чеховским интеллигентом, поразила. Ноздри его раздулись, глаза остекленели, правая рука судорожно сжала и отпустила ручку зонтика, снова сжала и отпустила. Затем зонтик был переложен в левую руку, а правая трижды совершила крестное знамение.

ЧТО ЗА МОНЕТА?

Выпад, треск прорезанной ткани, горячее касание острой стали под соском. С диким ревом Беспмятный отскочил, зажал резаную рану на боку.

«Я убит? Я жив? Сердце? Бьется? Против ножа я не устою. Беги! Убьет в спину. Дерись! Я порву его! Я его кончу! Перегрызу горло, пусть бьет ножом. Пока добьет, я успею его загрызть».

Бабах! – выстрел в подземном переходе грохнул оглушительно. Человек с разлагающимся лицом трупа изогнулся в болевом вопле.

Крепкие парни в камуфляжных куртках окружили дерущихся. Беспмятный узнал старшего – Таран держал в руке дымящийся травмат.

-

И че тут происходит?

Охранники подхватили под локти безносого агрессора, которому резиновая пуля угодила под лопатку

-

Пацаны... - кривился он от боли, - ну, пацаны, вы попали. Я под Бурым хожу.

-

Да хоть под каурым

, – Таран указал напарнику на пол. – Серый, нож возьми.

Пакетом возьми.

Один из охранников поднял пакетом выпавший нож, разглядел лицо Питбуля и гадливо сморщился: у того из глубоких нор отсутствующего носа текли кровавые сопли.

-

Зомби.

-

Вырвинос.

-

Живые мертвецы, блин...

-

Пацаны, вы такое видели?

-

Руки отпустили! – прорычал безносый, приходя в себя. – Все по понятиям, братва. Фраер этот у меня деньги украл.

-

Ты крал? – Таран повел в сторону скособочившегося Беспмятного стволом пистолета.

-

Ничего я не крал! Он куртку с меня хотел снять. Угрожал нос и уши обрезать.

-

Ты кто вообще? – Таран озадаченно посмотрел на пленного.

-

Буровский.

-

Это мы уже слышали, - сказал Таран. – А погоняло твое какое?

-

Питбуль.

-

Питбуль? Ты че тут ножом машешь, в натуре?

-

Да говорю же, грабанул меня вот этот.

-

Врет! – крикнул Беспамятный. - Я его не трогал. Смотри, порезал он меня. Рука его, отнятая от бока, мокрела в крови.

-

Врет, врет, как есть врет, - из темноты суетливо подбежал вызвавший охранников старик-нищий, с ним еще один бомж помоложе. – Мы, Таранчик, отработали и пошли себе, а этот напал, бить стал вот этого, нож достал, а ведь мы его не обижали, ты ж нас знаешь, мы никого не обижаем.

-

Это наша территория, - сказал Таран Вырвиносу. – Что тут буровские потеряли? Пошли, разбираться с тобой будем.

Охранники увели «Вырвиноса».

Беспамятный остался с двумя бомжами, избитый, с горящий ножевой раной на боку.

-

Чулима, - издали крикнул Таран нищему, - приведи терпилу в депо.

-

Выпей вот, - бомж помоложе подсунил к окровавленным губам беспамятного бутылку водки, но Чулима его остановил.

-

Нельзя ему.

-

Че так?

-

Говорю ж тебе, дурья башка, клаванули его. Видать, на водке. Водка с клавином так штырит, что память неделями где-то кочует. Водки нельзя, пусть трезвеет, может, что и вспомнит.

-

А как же его это... оклемать? Он, гляди, трясется весь. Пусть глотанет, по-малой.

В губы ткнулось горлышко, Беспамятный сделал пару глотков. Чулима ощупал разрез на куртке.

-

А ну, снимай куртку, гля, тебя ж всего распахали. Во как! Гля, кровищи... вскользь прошел, по ребрам соскользнул только...

На культю Чулимы из прорехи в куртке Беспамятного выпал металлический кругляш с блестящей насечкой на орле.

-

В него нож попал, вот и отметина. Вот что тебя спасло, паря. Держи, оберег будет.

Беспамятный принял в руку странный кругляш. На стертой поверхности выделялся еле видный мужской профиль и идущие по ободу буквы незнакомого языка.

Монета. Старая. Чужая. Откуда она в ватнике? Загадка.

В БРОНЕПОЕЗДЕ ТРОЦКОГО

(триптих Народного художника СССР И. Ледовских «Гражданская война в России»

Паровоз топили вприхлопку. Помощник машиниста металлическим шарниром распахивал створки, кочегар вбрасывал лопату угля в гудящую топку и помощник тут же печь захо-

пывал, чтобы не утратить ни единого вздоха тепла, нужного для дальнейшего продвижения бронепоезда товарища Троцкого, несущего народам победу революции.

По утрам Лев Давидович, его жена Наталья Седова, Лариса Рейснер и молодой скульптор Иван Ледовских встречались за завтраком в салон-вагоне наркома. Несмотря на гражданскую войну, Лев Давидович умел организовать вокруг себя непроницаемый кокон благополучия и комфорта, в разгар боевых действий он даже умудрялся ездить на лечение в санатории, а также на охоту.

-

Иван, ешьте побольше, вы такой большой и такой худой,

- уговаривала Седова

молодого скульптора. – Представляю, сколько вам нужно сил, ведь вы лепите! Когда я делаю Льву Давидовичу массаж, я устаю уже после двадцати минут, а ведь вы мнете неподатливую глину часами.

-

Бывает, что и сутками, - с полным ртом признался Иван Ледовских. - Иуду я лепил 36 часов без перерыва.

Троцкий одобрительно сказал.

-

Иван впадает в транс, это признак настоящего художника. Вот лишнее свидетельство того, что истинное творчество иррационально.

-

Я согласна, - сказала Рейснер. – Стихи приходят сами. Радио никак не участвует в акте творения, оно только мешает.

-

Стихи не глина, – сказал Троцкий, - их легко писать. Скульпторы – вот кто настоящие трудяги.

-

Мне совсем не трудно, - сказал Иван, - я леплю с детства, пальцы привыкли.

-

Из Петрограда передали прессу, - Седова положила на обеденный стол пачку свежих газет.

-

Что пишут? – посвежевший после сна Лев Давидович разрезал серебряными ножом розовую самарскую ветчину.

-

Представь, Левушка, западная пресса обвиняет нас в создании концентрационных лагерей.

-

Чья бы корова мычала, – Троцкий захрустел хлебцом. – В марте семнадцатого,

Наташа, вспомни, нас со всей семьей, со многими видными политэмигрантами арестовали в Галифаксе и поместили – куда? Нас заключили в лагерь для интернированных немецких моряков, без предъявления обвинений, чохом, скопом. Вот вам хваленная буржуазная демократия!

Лариса подняла соболю брови.

-

Галифакс – это, кажется...

-

Канада! – хлопнул ладонью по столу Троцкий. В клине бородки его белели

крошки. – Хваленая Канада! Согнали человечью массу в лагерь и заперли. И после этого они будут обвинять нас, большевиков в том, что мы якобы выдумали концентрационные лагеря. Вздор! Мы только позаимствовали их буржуазный опыт. Но мы поднимем этот опыт на такую высоту, какая им и не снилась! Мы сгоним в трудармии и лагеря все население страны. И там перекуем нынешнее покорное и забитое стадо в новых людей – смелых, гордых бойцов нового мира! Они понесут на кончиках своих штыков мировую революцию во все уголки земного шара. Ты чувствуешь, Лара, как сжался, как съежился земной шарик? Вот он, лежит в моей руке. Хочешь, я подарю его тебе?

Лев Давидович протянул Рейснер пустую ладонь. Она явственно увидела на ней маленькую планету, величиной с крупное яблоко, осторожно приняла в ладони необыкновенный дар.

Земля медленно вращалась за пеленой облаков и местами чадила.

Двое бомжей вели Беспамятного через железнодорожные пути. Он шел как в бреду.

Его безмерно потрясло нападение страшного, с разлагающимся лицом человека, но еще больше поразили раздавшиеся неизвестно откуда Голоса. Внезапно его осенило – Голоса ведь могут знать, кто он!

-

Эй, Голоса, - позвал Беспамятный. – Вы знаете, кто я?

Молчание.

-

Вы меня слышите? Кто я?

-

Ты – иго, - невнятно ответил Первый Голос.

-

Иго? – переспросил Беспамятный. – Что это значит?

Молчание было ответом.

-

А вы кто? – спросил человек.

-

Я – Страх и Страж, - ответил Первый Голос.

-

Страх, что ты делаешь во мне?

-

Я охраняю тебя.

-

Врет он, - раздался Второй Голос с урчащими обертонами, - он держит меня в клетке и не дает тебя защищать. Прогони его. Он нам только мешает.

-

А ты кто?

-

Ягуар.

-

Страх, зачем ты держишь Ягуара в клетке? Меня же могли убить.

-

Я оберегаю тебя, - ответил Страж. – Если Ягуар вырвется, ты ринешься в бой и можешь пострадать. Этого лучше избегать.

-

Трусливое брехло, - послышалось сильное кошачье урчание. - Это я спас хозяина.
Страж перебил Ягуара.

-

Ты спас его, только потому, что я выпустил тебя из клетки.

-

Трус! Ты пользуешься тем, что у тебя ключи от моей клетки. Хозяин, скажи ему, чтобы он открыл клетку раз и навсегда!

Голоса зашумели.

-

Страх, - сказал человек, - Ягуар прав. Если бы он не выскочил из клетки, я бы погиб. Выпусти его навсегда.

Страж ответил без колебаний.

-

Я не могу выпустить Ягуара из клетки.

-

Почему?

-

Я смотритель при нем. Если Ягуар вырвется на свободу, он превратится в убийцу и причинит тебе много страданий.

-

Не слушай его, хозяин, - промурлыкал Ягуар. – Ты знаешь, как выпускать меня на волю в случае нужды.

Москву сотрясали резонансные убийства. Был убит непримиримый борец с банковской коррупцией и отмыыванием денег первый зампред Центробанка России Вячеслав Крылов.

Главный патологоанатом Центрального округа Москвы Семен Казнодей осматривал труп банкира, погибшего в результате расстрела после товарищеского матча на стадионе «Динамо». Тело было крепким, чистым, тренированным. Крылов, по всей видимости, собирался жить в нем долго и счастливо.

Однако, сейчас он лежал, задрав кверху русую бородку, а в грудной клетке его чернели три огнестрельных отверстия.

Завершив устное описание трупа на диктофон, Казнодей вместе с помощником-прозектором перевернул труп на живот и нахмурился. Спина была обезображена в области поясницы непонятной наколкой. Татуировка никак не вязалась с образом интеллигентного финансиста. Хотя... сейчас все себе накалывают что ни попадя... но... не такое же!

На восковой коже трупа чернела фигура повешенного на дереве человека. Под ней тонкой вязью шли слова на неизвестном языке.

КОЛЯ КАЗАНСКИЙ - КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ ВИКТОРА

Стертый человек в сопровождении бомжей подошел к зданию старого депо на дальних путях. Прожекторы с крыши освещали высокий перрон и стоящий в отдалении мемориальный паровоз с красной звездой во лбу. Четыре бронированных вагона скрывались в темноте, блик света освещал только часть надписи «...Грозный мститель за пог...».

Чулима постучал култей в металлические ворота. В воротах открылась маленькая дверца, Беспамятного впустили.

Внутри депо оказалось музеем Великой отечественной войны. Над стендами с фотографиями ветеранов, над старыми законсервированными станками висели кумачовые лозунги: «Бей фашистских гадов!», «Сталинец», «Бронепоезд имени товарища Кирова».

В глубине депо миновали пост вооруженной охраны и оказались в ... спортзале. Тренажеры, штанги, боксерские груши отражались в зеркалах, которыми был отделаны стены. Беспамятный увидел в зеркале двух мужчин и не сразу понял, кто из двоих был им. Остановился, вглядываясь. Остановилось и отражение. Молодой парень с растерянным лицом зажимал рукой разрезанный бок. В черных волосах дымился клочок седины. Кто это? Неужели я?

В раздевалке двухметровый мужик в тельняшке с обритой под ноль шишковатой головой допрашивал Вырвиноса. Тот агрессивно огрызнулся. Из их ругани Беспамятный понял, что ночью на вокзале случилось ЧП: кто-то столкнул охранника с перрона под поезд. Казанские подозревали Вырвиноса. Тот угрожал мстостью со стороны какого-то Бурого, а потом еще и Лютого. Из уродливой дыры на месте носа вылетали брызги. Голоса звучали все громче, перешли на крик, мужик в тельняшке вдруг ударил Вырвиноса пудовым кулаком в грудь, тот отлетел к стене и сполз, оглушенный.

-

Мудило, – выругался гигант и повернулся к Беспамятному. – Ты каким поездом приехал?

-

Не знаю.

-

Видел, кто нашего человека столкнул?

-

Нет.

-

Как тебя зовут?

-

Я сам хотел бы это знать.

-

Чего он лепит тут? – недовольно посмотрел гигант на Тарана.

-

Клофанули его, ничего не помнит.

Главарь указал на сидящего на полу Вырвиноса, спросил Беспамятного.

-

Чего этот урод хотел от тебя?

-

Куртку хотел снять. И про монету спрашивал.

-

Про какую монету?

Беспамятный показал найденную в разрезанной куртке монету. Циклоп взял ее, понюхал и брезгливо бросил под ноги пленному.

-

Эту монету искал?

Безносый ответил, еле ворочая языком

-

Я монету спрашивал... в смысле деньги...

Таран крикнул.

-

Из-за такой мелочевки ты человека порезал?

Гигант посмотрел на Беспмятного из-под козырька мощных надбровий.

-

Сильно порезал? А ну покажи.

Беспмятный снял куртку, свитер и почерневшую от крови майку.

-

Ишь ты, - сказал гигант. Но взгляд его был направлен не на резаную рану, а выше, на левое плечо с синеватой татуировкой в виде раскрытого парашюта и надписью «ВДВ - 1994».

-

Десантура, - грубое лицо подобрело. – Где служил?

Беспмятный пожал мускулистыми плечами.

-

Я ж говорю, ничего не помню.

-

Таран, - скомандовал главарь, - аптечку, бинты!

Пока Таран обрабатывал рану, гигант обошел голого по пояс Беспмятного. На правом плече внимательно осмотрел татуировку в виде оскаленной морды пантеры. На спине повыше поясницы странная татуировка изображала наколотое прямо на позвоночник дерево, на суку которого в петле висел труп, рядом бугрился шрам осколочного ранения.

-

Повоевал ты, браток, - гигант задрал на животе тельняшку, показал зигзагообразный шрам. – У меня такие же иероглифы. Николай Телепов, вторая рота отдельной мотострелковой бригады. Грозный, Хасавюрт, Ханкала.

Беспмятный пожал широкую, как саперная лопатка, ладонь.

-

Извини, - он передернулся от озноба, - представиться не могу. Не помню, как меня зовут.

-

Одевайся, - прогудел Николай Телепов. – Был у меня корефан, Витя Неделин, на тебя похож, тоже это... раненый был. Даю, короче, тебе временную прописку по вокзалу. Отныне звать тебя Витя Беспмятный. Живи пока. Ну, а с тобой, чудище болотное, будем разговаривать, - Николай Телепов, он же Смотрящий по вокзалу Коля Казанский, тяжело повернулся к Вывиносу.

Перед тем как уйти, новоокрещенный Виктор Беспмятный поднял с пола монету.

Его вывели на морозную улицу. Был вечер. С темного неба сеялся снежок.

Виктор пошел через пути к вокзалу. Дорогу ему пересек товарняк. Тяжело постукивали колеса, громыхали сцепки.

Внезапно Виктору страстно захотелось прыгнуть под поезд и враз покончить со своим мучительным положением. Монета горячо грела руку. Сама собой она вдруг взлетела в воздух и слилась в вертящийся волчок. Вагоны проползали мимо. Монета вращалась: орел - жить, решка - умереть.

Рука схватила кругляш. Виктор Беспмятный застывшим взором смотрел на сжатые, побагровевшие на морозе, чужие, неузнаваемые пальцы с содранными заусенцами.

ЭКСКУРСИЯ ПО СВЯЖСКУ

Через Рождественские ворота Игорь Ледовских в сопровождении гида вышел на площадь перед Святотроицким монастырем.

-

Вот здесь он и стоял, - экскурсовод зонтиком показал в центр площади.

-

Я знаю, - ответил Игорь.

Он узнал окрестности – дед изобразил на своем триптихе установление памятника Иуде с картографической точностью, только теперь все было в натуральную величину – и золотые купола собора, и звонница, и монастырская стена. Не хватало только толпы и трибуны с ораторствующим Троцким.

Гид зонтиком начал показывать на храмы и рассказывать их историю, но Игорь вернул его к снесенному памятнику.

-

И что вас так Иуда интересует, - раздосадовано крикнул Михаил Львович. – Такая красота вокруг, а вас уродливый памятник самому подлому в мире предателю интересует. Между нами... – Экскурсовод понизил голос. – О нем лучше даже не вспоминать.

-

Почему?

Гид перекрестился.

-

Он реально приносит несчастья. К тому месту в центре площади, где он стоял, местные даже близко не подходят. Давайте и мы отойдем от греха подальше.

-

Да что оно, проклято, что ли? – удивился Игорь, но все же отошел вслед за Михаилом Львовичем на дальний конец под площади под тень Святотроицкого собора. – И все-таки, профессор, вы не ответили на мой вопрос! Что стало с памятником? Куда он делся?

-

Снесен, конечно. Как и монастыри, и церкви.

Sic

transit

, как говорится. С Иудой

местные горожане и монахи до-о-олго боролись. Вы только представьте – Иуда, в центре города, да еще и кулаком небу грозит. Свияжск – это же сердце православной России, тут самый религиозный народ проживал. Троцкий будто нарочно наш город выбрал. Все были очень напуганы, верили, что не миновать России большой беды из-за такого кошунства. Так оно и случилось. Бухенвальд и Освенцим не идут ни в какое сравнение со страданиями Свияжска. Там горе длилось несколько лет, а тут - десятилетиями!

-

Ну а памятник? – настаивал Игорь. – Что с ним случилось? Просто сломали и выкинули?

-

Не так-то просто было его сломать. Верующие попытались было снести идола, так к нему выставили вооруженную охрану. Писали письма, упрашивали, умоляли – все бесполезно. Тогда монашки из женского монастыря решились, пошли на Иуду с хоругвями да крестами...

Гид снова перекрестился.

-

И чем кончилось?

-

Всех монашек расстреляли, а монастырь женский - так вообще взорвали. С тех пор к идолищу даже подходить боялись. И только когда Троцкого изгнали из СССР, памятник Иуде заменили на памятник Ленину. – Гид оживился. - Тут-то и произошла интерес-

нейшая и, можно сказать, символическая история. В целях экономии горе-скульпторы отбили Иуде голову, а на ее место присобачили, уж простите за грубое слово, голову Ленина. Такой вот у нас симбиоз получился, двух, с позволения сказать, «великих революционеров». И памятник этот сдвоенный был вообще одним из самых первых памятников Ленину во всей России.

-

Отбили голову? – живо переспросил Игорь. – И куда ее дели?

-

Голову-то выкинули, а вот тело Иуды осталось, только с головой Ленина на плечах.

-

А куда голову-то выкинули, Иуды? – настаивал Игорь.
Гид посмотрел озадаченно.

-

На свалку истории, очевидно. Но самое интересное – это то, что в Свияжск затем присылали скульпторов со всего Советского Союза, чтобы они в точности копировали позу Ленина и не позволяли себе вольностей в трактовке великого образа. Этот памятник стал канонем для советских скульпторов. Первый памятник Ленину с туловищем Иуды изначально стоял в той самой знаменитой позе.

Михаил Львович отвел одну руку вниз, а в другую сжал в кулак и поднял вверх.

-

Ничего себе, - хмыкнул Игорь, - выходит, мы Иуду чтили все советское время...

-

Именно! – подхватил экскурсовод. – Голова Ленина, а тело-то – Иудино. Так и расселились по всей земле русской Ленины с телом Иуды, вдобавок еще и грозящим небу кулаком.

-

Обалдеть, – вяло сказал Игорь. – Просто обалдеть.
Экскурсовод подбоченился.

-

Эти материалы я сам раскопал, - похвалился он.

-

Послушай, Львович, - Игорь полез в задний карман джинсов, - классную ты историю мне рассказал, вот твои бабки. Я тебе дам еще столько же, если ты мне помо-
жешь узнать, где сейчас находится та самая, отбитая голова Иуды.

Михаил Львович всплеснул руками.

-

Помилуйте, кто же об этом знать может. Столько лет прошло.

-

А если ее в архив сдали, а? Где тут у вас архив?

-

Архива у нас как такового и нету... Но есть краеведческий музей. Если где что и сохранилось, то только там. А почему вас так заинтересовала эта тема?
Игорь поманил экскурсовода пальцем.

-

Дело в том, что я – внук того самого скульптора, который эту самую стат

у

ю

слепил.

Экскурсовод расширил глаза, снял очки и оглядел необычного экскурсанта с ног до головы.

-
Боже мой! Внук того самого скульптора. Подумать только! И какова же его судьба, позволено будет узнать?

-
Кого?

-
Вашего дедушки.

-
Да ничего, жив-здоров старик.
Челюсть экскурсовода отвисла.

-
Как! Он еще жив?

-
Живее всех живых, - хохотнул Игорь. - Это же он прислал меня в ваш городишко. По следам боевой юности. Знаете, зачем?

-
Могу только догадываться, - экскурсовод возбужденно протер очки носовым платком. - Судя по вашему интересу к статуе, вы ищите ее следы. И сколько же вашему дедушке сейчас лет, позволительно будет спросить?

-
Коцей Бессмертный ему младший брат.

-
А как вашего дедушку зовут?

-
Ледовских Иван Авдеевич!
Гид вынул из кармана разлохмаченную записную книжку, глаза его горели.

-
Сенсация, – шептал он, записывая. – Семен с ума сойдет. И Аня. Расскажите мне, как у него возникла эта идея, как он ваял скульптуру, откуда он. Я должен все знать. Это войдет в мою экскурсию. Люди будут просто рыдать.

-
Баш на баш, - предложил Игорь. – Вы помогаете мне найти местные архивы, где могла завалиться эта чертова башка, а я вам рассказываю про своего деда и его творчество.

«Буровскую» (изначально - реутовскую) ОПГ возглавляли три исторических лидера – Михаил Савельевич Тытенюк, он же Тытя, (похоронен на Введенском кладбище), и ныне здравствующие Платон Федорович Лютиков (Лютый) и Валерий Егорович Бурыкин (Бурый).

Валера «Бурый» представлял собой тип закончившего выступления штангиста: заплывший жиром бочкообразный торс, широкие покатые плечи, могучие бицепсы рук. Двойной подбородок его гармонировал с двухбастионным бритым затылком. Стылый взгляд серых глаз был исполнен тотального презрения к окружающим людям. Валерий Егорыч не встречал в своей жизни людей сильнее его. Однажды его малолетний сын потерял ключи от гостиничного номера в египетском Шарм-аль-Шейхе. Это обнаружилось уже перед дверью, мощной, из

красного дерева. Отец хмыкнул и слегонца толкнул ладонью. Дверь распахнулась, выламывая замок из стальной рамы.

Однако с течением времени бывший рэкетир Валера Бурый превратился в благонамеренного предпринимателя Валерия Егоровича, который очень не любил, когда его выдергивали из респектабельной жизни и возвращали в шкуру бандита. Он отвык принимать острые решения. Выросшее в его буйной натуре второе «я» бизнесмена начинало тут же взвешивать последствия, указывать на возможный ущерб, и Валерий Егорыч тормозил, тянул с решениями.

Вот и сейчас он долго не мог решиться на силовую операцию против казанских, захвативших его человека, Игната «Питбуля».

Бурый вызвал напарника Питбуля Сашу «Лепрекона». Тот рассказал, что все выполнил, как приказывали - столкнул под поезд армянского курьера. Правда, баба одна заметила, как он толкал, подняла хай, пришлось делать ноги. Питбуль же должен был встретить Стертого отдельно. Однако, прошли сутки, но Питбуль не объявлялся. Выходит, человек буровской группировки пропал на Казанском вокзале. Бурый приказал Лепрекону поехать на разведку.

Саша Лепреконе разведчиком не был. Приехав на вокзал, он, не долго думая, остановил проходящего мимо охранника, тоже Александра, по фамилии Самойлов.

-
Эй, друг, мне ваш Смотрящий нужен.

-
Кто?

-
Майданщик местный.

Александр Самойлов, сильный, тренированный, выглядящий еще более раскачанным в своей камуфляжной форме, снисходительно оглядел шуплого просителя.

-
Нет у нас смотрящих. Тут не зона.

-
А кто у вас есть из начальства?

-
А кто нужен?

-
Я друга ищу, брат, помощь нужна.

-
Ищи, кто тебе мешает, - охранник пошел прочь.

-
Гнида, – донеслось сзади. – Сволочь.

-
Ты че сказал? – Самойлов напустился на невзрачного просителя. Тот юркнул в узкий проход между камерами хранения. За углом в резком полуобороте воткнул набежавшему охраннику пистолет в подбородок.

-
Ты че? – замер Самойлов.

Лепреконе обнажил в жуткой улыбке криво сросшиеся клыки.

-
Тебя ж просили помочь, пидор ты гнойный, нормально же просили. Говори, вчера чувака тут такого не видели, без носа?

-
А я откуда знаю, - охранник скосил глаза на пистолет. – Вчера не моя смена была.

-

Ты че жалом водишь, - дулом подбросил его голову Лепрекон. – В глаза мне!

Охранник посмотрел в маленькие, глубоко утопленные под узким морщинистым лбом глазки, и побледнел. Шестым чувством он осознал, что перед ним стоит даже не человек, а хищный и злобный зверек. Но Саня Самойлов находился на своей территории и вокруг патрулировали друзья.

-

Ствол убрал, - сказал он сквозь зубы. – Или ты с вокзала живым не уйдешь, учти

.

Лепрекон ударил его рукояткой в висок, сел на корточки возле съехавшего на пол тела.

-

Я тебе учетчик, что ли? Колись быстро или отстрелю башку твою дурную.

Саша Самойлов поверил предупреждению.

-

Ну, был тут один безносый... - прошептал он из нокдауна.

-

Колись давай!

«Выпотрошив» охранника, Лепрекон отзвонился боссу. Бурый поручил Платону «Лютому» разобраться. Платон позвонил главному майданщику Москвы. Тот перезвонил Смотрящему по казанскому вокзалу Коле Большому.

-

Ты че, Николай, - сказал встревоженный майданщик, - Питбуль - человек Бурого.

-

Моего человека столкнули под поезд. И в тот же вечер безносый на моей территории гоп-стопом развлекался. Должен я с него спросить?

-

Я тебе советую, отпусти, - опасливо сказал майданщик, - боровские же отмороженные.

-

Я их не боюсь, - лаконично ответил Коля и отключился.

ЗНАКОМСТВО С НОЗДРЕЙ

Виктор Беспамятный проходил по пандусу северного фасада Казанского вокзала, когда из потока ночных машин к обочине вильнул тонированный джип с нанесенным на правую боковину лицом рекламной красотки. В ноздре портрета помигивала стробоскопная лампочка. Водитель obeжал джип спереди, рванул пассажирскую дверцу и выволок на снег высокую девушку в распахнутой дубленке. В ее руке была бутылка мартини, из которой она пыталась плеснуть в лицо обидчику. Тот захлопнул дверцу и вернулся в кабину. Джип бешено провернул колесами в стремительном старте. Снеговая слякоть забрызгала бегущую следом красотку.

-

Сволочь! Ублюдок! Я тебя, б..., изничтожу! – девушка порылась в

болтающейся на боку сумочке, вытащила мобильник и нетвердыми пальцами потыкала в кнопки. – Алло, Гуляш, не бросай трубку, сволочь! Если ты сейчас же не вернешься, знай, я пойду в парк и меня там изнасилует маньяк. И расчленит. И в этом будешь виноват только ты! Кто размышлялся? Я? На меня? Даже маньяк не покусится? Ты гад, гад! Алло!

Видимо, спутник красавицы отключился, потому что она снова затыкала в кнопки, истерично закричала.

-

Ты хочешь, чтоб меня арестовали, как придорожную путану, ты этого хочешь?

Хочешь, чтобы я провела ночь в обезьянника вместе с ворами и блядьми? Завтра я скормлю тебя... - но она не успела договорить, кому она скормит Гуляша, откуда-то сбоку выскочила фигурка с наброшенным на голову капюшоном, вырвала из рук скандалистки мобильный телефон и задала стрелка.

Неведомая сила бросила Виктора Беспамятного в погоню.

«Капюшон» врезался в мужчину с чемоданами, компания завалилась, чемоданы разлетелись в стороны, раздалась ругань, Виктор в два прыжка настиг вора и отобрал телефон.

Когда он вернулся, девушки на месте не было. Взяла такси и уехала, подумал Виктор. Стало жалко, что его подвиг остался неизвестным. Внезапно раздался звонок и засветился экранчик «Моторолы» в его руках. Звонок был таким громким и необычным, что на него оглянулись прохожие. «Э – тарарам! Ю – тарарам! Я – тарарам!»

-

А, вот где мой телефончик, – раздался сзади хриловатый голос.

Виктор оглянулся. Девушка шла к нему, размахивая бутылкой «Мартини». Дубленка с пушистым капюшоном была распахнута и всю ее фигуру было видно – длинные ноги в нежно-розовых, доходящих до паха сапогах, узкая миниюбка, короткий батничек, открывающий, несмотря на мороз, пупок с сережкой.

-

Вот, - Виктор испуганно протянул ей телефон, чтоб его не заподозрили в воровстве. – Догнал и забрал.

Девушка царапнула его ладонь ногтями, забирая телефон. Нажала на кнопку ответа.

-

Алло! Регина? Здоровского! Ты где? Помолчи, блин! Ты не можешь меня забрать? Гуляш выбросил меня... не знаю где! Где мы, молодой человек?

-

На Казанском вокзале, - подсказал Виктор.

-

Казанский вокзал. Приезжай. Какое такси? Он выбросил меня без денег.

Абсолютно! У меня чуть не украли мобильный, хорошо вот молодой человек помог.. Почему не можешь? Где? В Шереметьево? А куда? Да наплюй на билеты! Подумаешь, Рим. Завтра улетишь. Я? Ну, выпила. Да все я помню. Хорош, подруга, ты скажи, ты за мной едешь? Ах, вот как, такая ты подруга? Чтоб ты себе в анус вставила пирсинг и чтоб цеплялась бумажкой каждый раз, когда будешь подтираться! Чтоб ты... алло! Ну и черт с тобой, меня вот молодой человек отвезет. Отвезете, молодой человек?

-

Отвезу, – сказал Виктор.

Девушка приложила к бутылке и предложила Виктору. Он отказался, подошел к обочине и принялся голосовать. Пока он тормозил такси, девушка выкурила сигарету, и фигура ее сделалась совсем неустойчивой, ноги подкашивались, голова плавала, лицо коверкалось в злобных гримасах. Виктор усадил ее в такси и хотел уйти, но она дернула его за руку и усадила рядом – взялся везти, так вези!

Незнакомка громко отрыгнулась, в салоне запахло спиртным. Переборов икоту, она задремала, точеный профиль ее утонул в пушистой берлоге капюшона. В ноздре ее в при свете встречных машин поблескивал бриллиантик.

На Арбате дома стоят, как гигантские костяшки домино, наискосок друг к другу под тупым углом к шумному проспекту.

Девушка вышла из машины, и не подумав расплачиваться. Виктор нагнал ее.

-

Надо заплатить. У вас есть деньги?

Она обвела себя бутылкой по контуру.

-

Посмотри, где я, а где деньги. Он же меня выкинул в чем мать родила. Пошли, в квартире есть бабло.

Таксист заступил им дорогу.

-

Э! Вы куда?

-

Шеф, у нее деньги дома, я сейчас принесу.

-

Нет, так не пойдет. Пусть кто-то один останется.

-

Ты же видишь, она в одиночку не дойдет.

-

Это ваши проблемы. Оставьте что-нибудь в залог.

Виктор уговорил незнакомку оставить в залог мобильный и поднялся с нею в квартиру.

В квартире № 36 незнакомка оставила спутника в прихожей, сама ушла в глубь длинного темного коридора.

Виктор долго ждал ее, рассматривая вделанную в мраморный пол прихожей черную звезду с золотой подписью «Ноздря».

Наконец терпение его лопнуло. Внизу же ждал таксист.

-

Эй, – крикнул Виктор, - гражданка!

Тишина была ответом. Он осторожно прошел по комнатам. Из распахнутого шкафа торчали каблук розовых сапог. Виктор раздвинул шубы. Девушка спала в шкафу на спине, в руке ее торчала пачка купюр. Виктор выдернул их и поспешил на улицу.

Расплатившись с таксистом, он хотел возвратить спящей красавице телефон, но консьержка его не пустила.

-

Да я же только что заходил с ней...

-

С кем?

-

Ну, с девушкой, с восьмого этажа.

-

С Ноздрачевой?

-

Наверно...

-

Подождите, - консьержка набрала на пульте номер квартиры.

-

Она не ответит, она спит. Мне надо отдать ей сдачу и телефон.

-

Оставьте мне, я передам, - консьержка смотрела все более подозрительно.

-

Вам оставишь, так все пропадет. А ну вас!

Не слушая криков, Виктор вбежал в лифт, поднялся на восьмой этаж, вошел в квартиру, прошел к спящей хозяйке, вложил телефон и деньги ей в руку и пошел к выходу.

В животе засосало от голода. Неужели я не заработал хотя бы кусок колбасы, подумал он.

В холодильнике оказалась куча всякой вкуснятины. Виктор вынул непечатую палку салями и принялся грызть твердую колбасу. Когда первый голод был утолен и он собрался уже уходить, сбоку раздался мужской голос.

-
Руки!

Платон Федорович Лютиков, он же «Лютый», он же «Федорыч», один из трех исторических лидеров «буровской» ОПГ, возглавлял в группировке службу ДСП. Ничего общего с древесно-стружечной плитой эта структура не имела. Она расшифровывалась как Департамент Слияний и Присоединений. Иными словами, Платон возглавлял рейдерскую службу «бурых», а также силы быстрого реагирования в виде частного охранного предприятия «Центурион».

Рейд на Казанский вокзал Платон возглавил лично, ему требовался адреналин, причем, в больших количествах. За его «Хаммером» следовали джипы с бригадами Лепреконе и Десантника.

Александр Копейкин (Лепреконе) был позднего призыва. В яростные девяностые, когда на полях «стрелок» и «разборок» полег цвет русского народа, Саша подрастал в интернате для трудных подростков, насиловал мальчиков-дебилов и держал в страхе учителей. Из интерната он сделал первую и единственную «ходку» по статье 111, ч. 4 – «тяжкие телесные, причинившие смерть». В тюрьме судьба свела его с «Носом», вором-рецидивистом, который «подвел» его к «буровской» группировке.

Стажировку Лепреконе проходил в Подмосковном Жуковском (50 минут на электричке от Казанского вокзала), спалив за один год в разных районах города три кинотеатра (выкупленных затем за бесценок подконтрольными бизнесменами) и смертельно пугая предпринимателей уродливым лицом.

К началу 2000-го «Лепра» выбился в бригады. Его бригада в ЧОПе не значилась, потому что специализировалась на актах устрашения и состояла из «расписных» отморожков, один «синий, наколотый» вид которых вводил жертв в ступор. Владимир Кусякин (Кусяк) и Метелев Виктор (Метла) отсидели соответственно 8 и 9 лет по ст. 105. ч. 2, «убийство с особой жестокостью». Водителем на джипе «Чероки» работал угрюмый качок Федор «Штанга» Новиков, помешанный на «железе». Вооружены «лепреконеовцы» были чешскими скорострельными «скорпионами». Основательно, вплоть до гранатометов, была «заряжена» и бригада Кости «Десантника». Правда, арсенал ударной группы следовал в багажнике старенького «жигуленка», который, в отличие от кавалькады устрашающе дорогих машин, никак из автомобильного потока не выделялся.

В ГОСТЯХ У НОЗДРИ

- Руки!

В дверях кухни стоял охранник в камуфляжной форме и наводил обеими руками пистолет. Виктор поднял руки – в одной была зажата обглоданная колбаса.

-
На пол.

-
В смысле?

-

На пол мордой, я сказал!

Виктор улегся на мраморный пол.

«Руки за спину».

На запястьях щелкнули наручники. Его охлопали по карманам.

-

Убили! – раздался из глубины квартиры испуганный женский крик.

-

Лежать! – охранник бросился на голос.

В квартире что-то грохнуло. Затем послышался хриловатый голос разбуженной «спящей красавицы». Она вошла на кухню в сопровождении консьержки и охранника.

-

Этот? – охранник пистолетом указал на лежащего Виктора.

-

Этот, этот, - затараторила консьержка, - ворвался, угрожал...

Хозяйка квартиры Виктора спяну не узнала.

-

Я вас привез на такси, - напомнил он.

-

Кто? Ты? Да я тебя впервые вижу!

-

Э-э! – Виктор сделал попытку подняться, но охранник шнурованным ботинком прижал его к полу. – Я ваш мобильный телефон спас, на Казанском вокзале, у вас его выхватил карманник! А потом привез сюда на такси. Вспомните, вы что! Меня же засадят за мою же доброту.

-

Мобильный? – девушка надула и без того пухлые губы и вдруг хлопнула себя по лбу. – Точно, блин! Вспомнила! Леонидовна, он со мной, не кипятись. На вот тебе, за верную службу, – она сунула в руку бдительной консьержке смятую банкноту и выпроводила из квартиры.

-

Наручники снимите, - напомнил поднявшийся Виктор. Охранник отстегнул наручники и ушел вслед за консьержкой.

-

Ты вообще кто? – красавица нетвердо опустилась на стул.

Перед ней стоял, растирая запястья, длинноволосый скуластый парень в модной щетине. Взгляд его поражал. Зрачки были черными, а раек вокруг – почти прозрачный. Так смотрят волки. Обалденный типаж.

-

Ты откуда? Из под... подтанцовки?

-

Из-под... чего?

-

Подтанцовки...

Девушка вдумалась в смысл слова и засмеялась.

-

Под... под-тан-цовка... Во, блин, заговорила, как Черномырдин после банкета...

Слушай, ну ты кто ва-аще?

-

Я не знаю.

-

Очень приятно, - похмельно представилась хозяйка квартиры, - Ксения

Ноздрачова. А скажи мне, «Я не знаю», имя у тебя есть?

-

На вокзале меня зовут Виктор.

-

Меня звали Виктор, - пробормотала Ксения. – И че?

Она оглядела простенький прикид незнакомца.

-

Слушай, может, ты модель?

-

Модель чего?

Ксении опять стало смешно.

-

А ты при-при-прикольный, - заикала она сквозь смех. – Модель чего? – и с досадой на саму себя закончила. – Модель человека, блин.

Ксении часто приходилось просыпаться в чужих домах в окружении незнакомых людей, поэтому ее не особенно встревожило появление в доме нового персонажа. Но его тупые ответы и манера поведения совсем не походили на тусовочные. Ей стало не по себе. С кем она вообще сидит один на один на ночь глядя?

-

Хочешь выпить? - спросила Ксения.

Парень занавесился чубом с четким клоком седины.

-

Мне нельзя.

-

Здоровье не позволяет?

-

Меня отравили клофелином на водке. Я ничего о себе не помню. Пить нельзя, иначе память не восстановится.

-

А-а, - обрадовалась Ноздря, - то-то я смотрю, ты странный какой-то. И че, ничего не помнишь? А как за девушками ухаживать, тоже забыл?

-

В голове туман, - парень сказал это так подавленно, что Ксении расхотелось шутить.

-

Ничего, - она бодрячески потерла ладони, - клин клином вышибают. Клофелин – кофейком. Клептоманию – клаустрофобией.

Незнакомец шутки не оценил.

-

Ты чего не смеешься? – спросила Ксения. – Продвинутые тут обычно смеются. Знаешь, что такое клептомания?

-

Нет.

-

А клаустрофобия?

-

Тоже нет.

-

Понятно.

Шутка тонкая, не для всех.

Ксения сделала закладку покрепче, чтоб протрезветь, и пока орудовала вокруг кофейного экспресс-автомата, отвлекала «гостя» болтовней.

-

Между прочим, я очень быстро трезвею, - говорила она, хлопая дверцами навесных шкафчиков, - практически мгновенно. Закалка. Телевизионная муштра. Бывает, припрешься на корпоратив, ну никакучая, а как только крикнут «На сцену», или «Эфир!» или «Мотор!», вмиг напрягаешь анус, зажимаешь желваки и все – трезвая, как сталь! Ну, ты меня узнал? Я Ноздря. Это мой медийный псевдоним. Псевдоним - как презерватив, предохраняет при многочисленных контактах с публикой. Тебе сколько сахара? Ох, блин, как ноги болят, – она уселась с чашкой кофе на диван. - Это не итальянские, а «испанские сапоги». Инквизиторы ими пытали. Ног не чувствую на фиг. Помоги, - девушка протянула Виктору ноги, он отставил чашку кофе и помог стащить нежно-розовые сапоги.

Ксения в наслаждении пошевелила сомлевшими пальцами. Скомандовала. – Не нюхай, это не у меня, это сапоги так воняют, они новые просто. Покупали – ничем не воняли, только надела, чуть вспотела, такое амбрэ из этой «Дольчегабаны» поперло, будто их лошадь носила. Выбрось их на балкон. Вон там балкон. А лучше с балкона. Мне их Гуляш подарил. Специально, гад, купил такие вонючие. Запомни, самая подлая скотина в Москве – продюсер Владик Куляш. Выкинуть девушку из машины. Ночью! Спасибо тебе, что помог, нет, серьезно. Меня там могли и ограбить, и изнасиловать, я ничего же не сообщала. Мы с корпоратива ехали. Отпахала полночи, устала, укаталась по полной, а он меня выкинул! Слушай, ты че такой побитый? Ты с кем подрался? С вором, который мой телефон украл, да?

-

Нет.

-

А с кем?

Виктор, запинаясь, припомнил события первой ночи на вокзале, постепенно разговорился, рассказал, как очнулся, как бродил по перронам и подземным переходам, как на него напал человек без носа, как бил его ногами, как в пустой голове вдруг возник Голос и дал приказ завопить зверем, как он реванул дурным голосом, как из него выпрыгнул Ягуар, самый настоящий хищник, и исполосовал нападавшего когтями. Девушка внимательно слушала. С каждой минутой она трезвела все больше.

-

Какая глючная фигня, – сказала она со вздохом. Встала, поманила Виктора за собой. Он послушно пошел следом. В прихожей Ксения открыла дверь и сделала приглашающий жест наружу. Виктор вышел на лестничную клетку.

-

Лифт видишь? – спросила девушка.

-

Да.

-

Нажмешь на кнопочку и спустишься вниз. И поедешь к себе на вокзал. Понял?

-

Да... Вы не могли бы?...

-

Что?

-

Дать мне немного денег на метро...

-

Метро уже закрылось. Подожди, я дам тебе на такси.

Дверь захлопнулась.

-

Если бы было можно, я хотела бы умереть от оргазма, - избыв последние содрогания наслаждения, прошептала начинающая певица Тая, получившая от продюсера Владлена Куляша сценический псевдоним «Атая».

-

Я сделаю из тебя звезду, - пообещал Владлен, целуя девушку в пушистый затылок.

-

А как же твоя Ноздря?

-

Я же тебе говорил, я выкинул ее из машины и своей жизни! Ей конец!

-

Тебе ее не жалко?

-

Неблагодарная зазнавшаяся дрянь! – молодой продюсер встал с постели и надел на безволосое тело стеганый халат. - Она клоунесса, а не певица. Я знаю только один удачный пример, когда конференсье стала певицей – это Лолита. После нее эта тема закрыта и умерла. А для Ноздри я сделаю все, чтобы в шоу-бизнесе от нее даже след простыл.

Порез на боку ныл все сильнее. Видимо, беготня за вором разбредила рану. Виктор задрал свитер, осторожно принялся отлеплять присохшую к порезу майку.

Дверь открылась, Ксения протянула деньги.

-

А ну, покажи, - она вышла на лестничную клетку и осмотрела почерневший от крови тампон. Постояла, колеблясь. Вдохнула. – Ладно, пошли.

Виктор шел за ней по квартире, как цыпленок за наседкой. В ванной комнате Ксения приказала ему раздеться и вышла.

Вернулась она с коробкой, полной медикаментов, резким движением сорвала присохший к ране бинт. Виктор охнул, она шикнула и ваткой с перекисью промокнула черный порез с блестящей в глубине сукровицей. Перекись вскипела. Ксения подула на рану, наложила влажный марлевый тампон, смоченный желтой дезинфицирующей жидкостью, сверху заклеила медицинским скотчем. Полюбовалась своей работой и мощным телом нового знакомого. Широкие плечи, крепкая, волосатая грудь, бугры бицепсов, кубики на животе.

-

А ты ничего, - одобрила девушка. – Подкачанный. Лезь теперь в душ. Да рану не мочи. Мы твою одежду кинем в стиралку, она у меня с сушкой, через час все будет чистым.

Виктор залез в прозрачную душевую кабинку, блаженно принял горячий душ. В заполненной паром комнате тихо гудела стиральная машинка. Он снял с блестящего полотенцесушителя махровое полотенце и крепко растерся. Заглянула Ксения, он прикрыл полотенцем бедра.

-

На, - сказала она, - надень пока.

Виктор поймал охапку одежды. Когда развернул белую майку из добротной материи, увидел на лицевой стороне поющее изображение новой знакомой. Точно такой портрет был наклеен на джип. «Это моя фирменная маечка, пояснила Ксения, она дорогая. Что, не похожа? Я это, я, Ноздря. Вот, смотри, девушка развернула майку рядом со своим лицом, показала на брюлик, вделанный в правое крыло ее носа, и потом показала точно такой же страз на своем портрете. «Маечка сто баксов тянет. Так что зацени».

Когда Виктор повернулся спиной и натянул майку на голову, он почувствовал прикосновение ее руки. Замер. Обернулся. Она оттянула край влажного полотенца и разглядывала татуировку висельника у него на поясице.

-

Это что?

Виктор пожал плечами.

-

Не знаю. Я же ничего не помню.

-

Какая глючная фигня! А это что?

Виктор взглянул на плечо, на татуировку «ВДВ-1994».

-

Воздушно-десантные войска.

-

Так ты десантник?

Виктор снова пожал плечами, дескать, и рад бы вспомнить, да грехи не дают. Ксению осенило.

-

А можешь кое-кому морду набить, а? Если я попрошу?

-

Могу, наверно.

-

Я себе недавно тоже сделала татушечку, хочешь посмотреть? Вот моя мулечка!

На смуглом копчике меж двух изящных полупопий Виктор увидел изумрудную саламандру.

ТРОЦКИЙ И РЕЙСНЕР В САЛОН-ВАГОНЕ

(Триптих Народного художника СССР Ивана Ледовских «Гражданская война в России. 1918»)

Паровоз - дело нехитрое, самоходный самовар на колесах. И придумал его мужик Ползунов, который чаевничать любил. Паровоз-то и топили, как самовар, углем да дровами. Он и пел, как самовар. И пар пускал. А еще машинист Гаврила Махров представлял, как подъедут к станции три богатыря, такие громадные, что солнце закроют, и попросят у него чайку. Вот он и нальет из тендера в три вагонетки кипятку, вот и напьются богатыри. Товарищ «Троцкай» тоже представлялся Махрову богатырем, огромным, как Илья Муромец.

-

Я всегда мечтала жить на ковре-самолете. Мечтала улететь от всех, чтобы все смотрели на меня снизу вверх. Показывали пальцами и восхищались. Вот, моя мечта сбылась. Я живу на миноносцах, бронепоездах, я лечу над землей. Мое имя значит... знаешь, что значит имя «Лариса»?

Рейснер коснулась руки глубоко задумавшегося Троцкого. Вагон покачивало,

стучали колеса, погромыхивали сцепки, и это монотонное движение вводило в состояние гипнотического оцепенения.

-
Чайка, - сказала Рейснер. - Лариса значит «чайка».

-
Хриплые, жадные, сварливые птицы, - брюзгливо сказал Троцкий.
Лариса рассмеялась.

-
Я все равно не обижусь. Ты нарочно так говоришь, да? Почему ты не в духе?

-
Как же я могу быть в духе, если на нашей шее захлестнулась петля вражеских фронтов! – нарком сильно хлопнул себя ладонью по ссутуленной шее.

-
Тем славнее будет победа! Ты же прекрасно знаешь, что победим – мы.
Побеждают те, за кем идет народ. А народ идет за нами.

-
Ты знаешь почему?

-
Потому что за нами правда.

-
Лара, - поморщился вождь, - не повторяй хоть ты эти благоглупости! Мы не на митинге. Запомни, народ идет за нами, потому что возглавляю фронты – я!

-
Я и это знаю, - покорно сказала Рейснер. - Хочешь, я поставлю музыку, чтобы улучшить тебе настроение?
Она подошла к патефону, принялась перебирать пластинки.

-
Обожаю плохую музыку. В Петербурге курсисткой я ходила в синематограф и часами слушала тапера, он так неумело брэнчал по клавишам, а мне нравилось.
В дверь постучали.

В личный вагон Предреввоенсовета не мог войти никто, кроме жены Троцкого Натальи Седовой и фаворитки Ларисы Рейснер. Если бы отчаянные балтийцы или угрюмые латышские стрелки смогли хоть одним глазком заглянуть в таинственный вагон, то увидели бы ненавистный мирок царской роскоши, против которого они, в сущности, и воевали.

Стальные стены были затянуты экзотическими тканями и увешаны дорогими коврами, кровать в спальном отделении застелена голубым атласом, на рабочем столе, инкрустированном золотом, стояла пишущая машинка, громоздился ворох телеграфных серпантинов, россыпью валялись листы рукописей, походные дневники, толстенный древнегреческий словарь, карта-трехверстка, наган, гардемаринский палаш, морской бинокль. Далее стоял обеденный стол, уставленный драгоценной посудой из мейсенского фарфора с вензелями царской семьи, а в углу поблескивал алмазами настоящий ханский трон, конфискованный из музея. Гостиную часть вагона отделяла от спальни ажурная перегородка.

В дверь постучали. Лариса пошла открывать. На пороге в гремящем тамбуре стоял личный порученец Троцкого Ефимов.

-
Я насчет завтрака, Лариса Михайловна? Что на завтрак прикажете?

-
Лев Давидович, - крикнула Лариса в глубину вагона, - что закажем на завтрак?

-

Закажи сама, - донесся голос наркома, - я доверяю твоему вкусу.

-

Значит так, Ефимов, - Лариса в предвкушении потеряла ладони, - гренки из свежего хлеба, масло сливочное, пармская ветчина, кофе «Мокко», а мне мороженое с жареным миндалем. - Она расхохоталась. - Что, Ефимов, слабо?

-

Никак нет, Лариса Михайловна, - не моргнув глазом, ответил всемогущий «джин» Ефимов, - достаточно желание выразить. Достанем. Как из-под земли.

-

Это не ковер-самолет, а какая-то скатерть-самобранка, - вскричала Рейснер в восторге. Ее переполняло веселье.

-

Что-с? – не понял вышколенный Ефимов.

-

Нет, не надо, Ефимов, милый, какой миндаль. Война же, разруха, голод! Достаньте мне кочерыжку от капусты – это моя самая любимая еда.

-

Помилуйте, Лариса Михайловна, - поезд сильно качнуло, Ефимов ухватился рукой за поручень, - извольте кочерыжку, доставим в лучшем виде.

Лариса пошла переодеваться. В серой армейской коловерти она давала вождю солнечную яркость чувств, вия обольстительный призрак рая в стальной коробке штабного вагона. Она сама обставляла их гнездышко, конфискуя в захваченных дворцах старинную мебель, драгоценные гобелены, тонкую посуду. Он раздирал на ней уникальные одежды работы Бакста и Бенуа, шедевры созданные для спектаклей Большого театра. Вечерами под грохот колес из черной комиссарской кожи появлялась сказочная царевна, гурия, баядерка, апсара, наложница, разнузданная, не знающая удержу вакханка.

Лев Давидович в парчовом тяжелом халате, простеганным золотыми нитями, восседал на усеянном крупными алмазами деревянном троне! Трон был конфискован в Казани еще до захвата ее белочехами и принадлежал одному из последних ханов Казани Утямыш- Гирею. Трон был неудобным и жестким, Троцкий на него садился только для развлечения, чтобы поиграть в их с Ларисой любимую игру. И вот, истомив ожиданием, женщина появилась.

У Троцкого захватило дух: сегодня Рейснер явилась в образе императрицы Ларисы Великой. Стройная фигура ее переливалась в полутьме вагона огневыми сполохами царского платья из златотканой парчи. Шею отягощало ожерелье из жемчужин безукоризненной формы. В волосах подтаявшими снежинками переливались бриллианты. В ушах покачивались алмазные подвески. Руки ее были обнажены и протянуты к нему. Она была величественна и покорна. Это сочетание возбуждало больше всего.

В момент соития Троцкому почудилось, что он овладевает настоящей царицей, он, местечковый еврей!

НОЗДРЯ СОВРАЩАЕТ ВИКТОРА

-

Слушай, ты извини меня.

-

За что?

-

Что хотела тебя выгнать. Ночью. В мороз. Без денег. Чем тогда я лучше

Гуляша? А если бы ты замерз где-нибудь насмерть? Ты мне помог, а я тебя хотела выгнать. Ну не дрянь ли я? Дрянь! Извини. Вот так у меня всегда! Наделаю гадостей, а потом жалею... Ты правда ничего не помнишь? Бедненький...

Ксения обняла Виктора, поцеловала. Он неумело ответил. Она разделась. Морщинистые соски отвисших грудок смотрелись старыми. Ему показалось, что девушка застенялась.

-

Ну, ты чего, – задиристо спросила она, – я тебе не нравлюсь?

-

Нет, почему...

В запотевшем стекле молодой смуглый мужчина с мускулистым торсом неловко обнимал тонкую стройную девушку, которая больше любовалась собой, чем партнером.

-

Вообще-то, я на любителя. Вся какая-то продолговатая. Смотри, глаза длинные и узкие, губы – ну, губы вообще! Это не силикон, не думай! Ноги длинные, но, блин, практически без бедер. И сисечки длинные. Как у кормящей козы. Я как карта без широты, одна долгота. Не понимаю, что мужчины во мне находят? Ты меня целуешь, как Иван-царевич жабу на болоте. Тебе что, противно?

-

Я забыл, как это делается.

Она не поверила.

-

Что, серьезно? Ты забыл даже это? Прикольно! Все как в первый раз. Я и забыла, как это у меня было в первый-то раз. А ты глупости показывал в детсаду? Я показывала. Эксгибиционизм у меня с детства. Ну давай, будем тебя всему заново учить. Для начала погладь меня по спинке, вот тут, между лопаток. Нет, за грудь сразу не хватай. Мягше... нежнее... ну ты чего... вот так... в шею можешь поцеловать... Дай я тебе губы смажу, они у тебя обветрились, ты меня так всю поцарапаешь, я девушка нежная... Теперь вот здесь потрогай... Вокруг сосков языком, води, води... Дай руку, сюда... палец введи, да один! Чуть-чуть... шевели... Ну-ка, посмотрим, какой у тебя размерчик... Чего испугался? Так и надо, да нет, вот глупый, не опух, а встал. Все нормально... тебе разве не приятно? А ноготочками вот здесь? А так? Ого, какой у тебя... Я оралка. Знаешь, что это такое? Я все познаю через рот. И ору, между прочим, так что ты не пугайся. А то некоторые с кровати падают от неожиданности...

Ее шея и грудь покрылись красными пятнами возбуждения, она сделалась похожей на самку ягуара.

«ГРОЗНЫЙ МСТИТЕЛЬ ЗА ПОГИБШИХ КОММУНАРОВ»

(Триптих Народного художника СССР Ивана Ледовских «Гражданская война в России»)

Вагоны трясло и шатало. Флагманский бронепоезд Красной Армии мчался на фронт, набитый вооруженными матросами и суровыми, закованными в скрипящую кожу, комиссарами.

И никто из них не узнал бы в роскошной баядерке, облаченной в душистое облако восточного пеньюара, знаменитого железного комиссара Балтфлота Ларису Рейснер!

Колени ее упираются в белый войлок каспийской кочевой кибитки, голова зарылась в пушистый пах вождя, видны лишь каштановая макушка, поднимающаяся и опускающаяся в размеренном ритме, да тонкие сжимающиеся руки, лежащие на бедрах агонизирующего от наслаждения Предреввоенсовета. Пальцы ее усеяны драгоценными перстами, среди которых выделяется один, с огромным бриллиантом, из Зимнего дворца. Именно им Лариса зачерк-

нула нацарапанное на стекле царской яхты «Межень» имя последней русской императрицы и начертала свое! Новая императрица России - Лариса Великая!

-

Погоди, Лара, - хриплым шепотом попросил Троцкий, - я не хочу так скоро... Не хочу... стать... бессильным сейчас, с тобой.

Лариса пошевеливала ноздрями, чтобы не чихнуть. Нарком был так же курчав в паху, как и на голове.

-

Лев, это было потрясающе, – прошептала она. – Такое грандиозное кошунство не снилось даже Люциферу. Установить в сердце православной России памятник Иуде! Иван гениален! Он гениален, как все, кого ты приближаешь. Мне сказали, у одной женщины на площади случился выкидыш. Вот каким должно быть настоящее искусство!

Лев Давидович снисходительно улыбнулся.

-

Чтобы подвинуть массы на революционные выступления, необходимо в первую голову взломать обыденную психологию, рутинное мещанское мировоззрение. Для этого требуются сильнейшие потрясения – вроде мировой бойни и таких актов святотатства и вандализма, как разрушение церквей и возведение памятников ересиархам. Для этого будем топить печи иконами, низвергать колокола и взрывать храмы, будем неистово перекраивать человеческую косную природу, ковать нового человека.

-

О, как тебе идет твое имя, – благоговейно прошептала Лариса. - Ты настоящий лев. У тебя львиная грива, ты знаешь? Это не случайно. Римские императоры – жалкие гиены рядом с тобой, львом. Своим установлением памятника Иуде ты попираешь всю косную, трусливую человеческую мораль, все двадцать веков духовного рабства, пресмыкания у ног грозного Бога. Кто бы мог решиться на такое? Я задаю себе вопрос, и сама отвечаю – никто, кроме тебя! Я буду достойна тебя. Я усвоила урок. Послушай, жизни достойны лишь поэты. Ты величайший поэт мировой революции. Обыватели, быдло, буржуазная сволочь жизни не достойны, они достойны лишь одного – уйти в топку истории, в топку того локомотива, что несет нас сейчас сквозь ночь и бурю. Однажды, Левушка, и я совершила поступок, который содрогнул меня своей новизной и смелостью. Я упивалась, как, наверное, упивался Иуда в момент своего знаменитого поцелуя. О, как я его понимаю! Предать и прийти поцеловать. Как это остро! Недавно я тоже совершила поступок не менее дерзновенный.

Троцкий вопросительно глянул безоружными глазами.

-

О чем ты, Лара?

-

Вот послушай. Будучи комиссаром Балтфлота я устроила в Адмиралтействе вечеринку для своих бывших знакомых из буржуазии. Ты видел Адмиральскую столовую в Морском штабе? Она огромна, вмещает до пятисот гостей. Я пригласила всех, кого могла вспомнить, профессоров с семьями, крупных чиновников царского режима с женами и дочерьми, знакомых отца, он был профессором философии. Не думай, он уже тогда был большевиком и читал революционные лекции рабочим, с большим успехом, между прочим, еще до октябрьского переворота. Отец написал докторскую диссертацию, ты не поверишь, она называлась «Трактат о божественном происхождении царской власти». Он издевался в этом трактате над всеми догматами, а ему поверили. Он заявил, что он - рейнский барон Рейснер, а вовсе не еврей, иначе бы ему не дали защитить диссертацию. Так вот, отцовы друзья, так называемая интеллигенция, все пришли, клюнули на приманку, захотели вкусно отобедать. Отвыкли от роскоши, стояли на блестящем паркете и боялись ступить, как в ледяную воду. Смотрели

на бутерброды с икрой и сглатывали голодную слюну. Моисей Урицкий прислал ребят, и мы взяли всех. Мигом сняли головку возможной контрреволюции в Петрограде!

-
Урицкий –
умница.

-
Замечательный товарищ! ЧК не пришлось ездить по всему Петрограду, выискивать эту притаившуюся сволочь. Ты бы видел эти перепуганные лица, когда чекисты пришли их арестовывать! Я разыграла целый спектакль, возмущенно кричала, что не позволю арестовывать своих гостей, что я комиссар Балтфлота и флаг-адъютант. А для вечеринки я надела костюм работы Бакста, из «Карнавала», роскошный, просто бесценный. Какой из меня комиссар в таком костюме? Комиссар должен быть в кожанке. Но меня узнали, братва заробела, не поняли, что я шучу. И гости мои ожили, воспрянули духом, решили, что я их спасу. Тогда я подмигнула Володе Миронову, мы вместе посещали большевистский кружок, у него революционный псевдоним «Ледокол», и он как рывкнул на всю залу: «Какие это гости, это гидра контрреволюции!» Я вся поникла, заломила руки, это было так весело, и говорю, ну, если гидра, тогда забирайте. Вот это был спектакль! Это не во МХАТЕ «Чайку» играть, не Блоков «Балаганчик» с томатным соком вместо крови, это сцена самой жизни, живой и страшной. Представь, их начали выводить из зала, а они даже поесть не успели. Стол был богатый, они давно не видели таких яств. Но все поели революционные моряки из петроградской ЧК! А всех арестованных буржуев – расстреляли! И будем расстреливать, это война на уничтожение. К чему я это говорю? Ведь я же не повесилась. По старой морали я совершила как бы предательство, но по нашей, революционной морали, это был подвиг. Я растоптала себя старую, я «предательством» в кавычках убила ту, слабую, нежную Лару, которая писала декадентские стихи, вот послушай, все-таки поэты – пророки, совсем юной я написала:

Апрельское тепло не смея расточать,
Изнеможенный день идет на убыль,
А на стене все так же мертвый Врубель
Ломает ужаса застывшую печать...

Как я угадала, боже! Ведь я сломала печать ужаса в своей душе, и мне открылась безграничная свобода. Кто поставил эту печать на души людские, Лев? Я училась в Психоневрологическом именно для того чтобы выяснить, откуда эти запреты, страхи, фобии в душах? Люди всего боятся. А я сломала печать и не боюсь ничего. Печать ужаса – она страшна. Но если сломать – за ней открывается необыкновенная свобода. Я пью жизнь не жалкими глоточками, а полной грудью. Из-за «печати ужаса», наверно, и повесился Иуда. Как ты думаешь, Лев, почему же он все-таки повесился? Ведь он стал новым человеком, по мужеству он равен нам.

-
Ты знаешь, что Ленин называл меня «иудушка Троцкий»?
Лариса расширила глаза.

-
Он посмел так назвать тебя? То есть что я говорю. О, шаблоны сознания! Ведь Иуда – герой, а я все забываю об этом. То есть Ленин ласкательно называл тебя иудушкой?

-
Нет, он не понимает всей мистической глубины этого имени. Это его мало волнует. Ленин – практический человек. Его интересует только власть.

-
Я стала новой, совсем другой, бесстрашной. Когда мы победим и я вернусь в Петроград, я отомщу всем, кто посмел не любить меня. Знаешь поэта Гумилева?

-
Почему ты замолчала? – спросил Троцкий.
Рейснер резко бросила.

-
Он посмел не любить меня! Я бегала за ним, как собачонка, я пресмыкалась, отдавалась ему в дешевых меблированных комнатах. Он бросил меня ради бездушной куклы, Анны Энгельгард. Он звал меня Лери, а я его Гафизом. Он мечтал похитить меня, как пират, а привел в дом свиданий на Гороховой. Никогда не забуду эту улицу Гороховую, я ее всю взорву и переименую, чтоб стереть мой позор с лица земли. Разве могла пойти туда утонченная профессорская дочка, салонная поэтесса серебряного века? А я пошла, я так его любила, что пошла бы куда угодно. И после этих жертв он бросил меня. И сказал – «красивая девушка, но совершенно бездарная». Разве это не заслуживает мести?

Троцкий надел пенсне и пристально посмотрел в искаженное злобной полуулыбкой лицо Рейснер.

-
Ты страшна для обычного человека, - медленно сказал он. - От тебя веет смертью. Все, кого ты полюбишь, погибнут. Может быть, даже я.

-
Нет! – крикнула Лариса, бросаясь вождю на грудь. – Ты не погибнешь по моей вине. Ты – Лев львов, царь царей, повелитель фронтов! Не бойся моей любви, тебе она принесет только радость.

-
Всех, кого ты коснешься, унесут свинцовые воды Стикса.

-
Да, мне это предсказала одна цыганка. Я боялась любить. А теперь так весело! Мы останавливаемся. Какая это станция?
Лариса прошла в конец вагона.

-
Ефимов, милый, что за станция?
Никогда, казалось, не спящий, бессменный вестовой почтительно доложил.

-
Лесные Моркваши, Лариса Михайловна.

-
Какое смешное название.

-
Это от местного говора, «моркква» значит по-марийски «красивый».

-
А я – моркква, Ефимов? Какой вы милый, когда краснеете.
Поезд притормаживал. В дверь сильно застучали. Вестовой открыл.

Связист в форменной тужурке бежал рядом с вагоном, в руке его трепетала телеграфная лента. Ефимов свесился, держась за перила.

Получив сообщение, бронепоезд вновь набрал ход. Лариса читала черные корявые буквы на узкой серой бумаге. «Золотой запас царской России захваченный белочехами Казани вопрос жизни и смерти революции тчк примите все мыслимые немислимые меры возвращения золота тчк Ленин».

НОЗДРЯ И ВИКТОР

В момент оргазма Ксения изогнулась, сотряслась всем телом и завопила так, что Виктор оцепенел. Она стояла на мостике и вопила как резанная. Услышит же консьержка, подумал Виктор, опять с охраной прибежит.

Откричавшись в корчах наслаждения, Ксения долго лежала без признаков жизни, потом с трудом нащупала на тумбочке сигареты, прикурила себе и Виктору..

-

Ну, ты как, ничего про себя не вспомнил? – хрипло выдохнула она первую глубокую затяжку. – Может, у тебя другие женщины были крикуньи? Не вспомнил? А вдруг ты богач какой? Вот будет класс! Ты меня тогда не забудешь? Пошли, мне кое-что надо сделать.

Они голышом они прошли по пустынной квартире. В длинном коридоре в подсвеченных фальш-оконцах висели фотографии певиц. Это бывшие подопечные Гуляша, пояснила Ксения, все они плохо кончали.

В конце коридора голая парочка уткнулась в дверь с кодовым замком. Там студия, шепотом сказала Ксения, мы там музыку делаем. Видишь, кодовый замок, Гуляш думает, что только он один знает код. Шиш! Я бы не была Ноздрей, если бы все не пронюхала.

Она набрала код, открыла дверь, включила свет. В центре студии возвышался полукруглый пульт с бесчисленными кнопочками и рычажками. В кабине за стеклом на штативах стояли микрофоны.

Ксения включила компьютер, сбегала в прихожую, принесла флэшку. «У Гуляша и на компе стоит код, но я и его взломала, мне Сиротка все рассказал, курнули с ним, он и раскололся». Она скопировала на флэшку музыкальные файлы. «Гуляш - товарищ ненадежный. Если он меня из машины выкинул, точно так же может и из квартиры выкинуть. Отгребет себе весь материал, и останусь я с носом, а так все у меня сохранится. У меня дубликаты ключей есть от всего. Только ты забудь, я тебе этого не говорила».

Зазвонил мобильник. Ксения посмотрела на экранчик, не узнала номер, раскрыла «раскладушку», строго сказала.

-

Алле. Да. Нет, это ее администратор. А вы кто? Что ей передать? Вы знаете, сколько время? Говорим, а не молчим! Что вы там дышите? Не звоните сюда больше. Фанаты, блин! Достали! Вон календарь, видишь? «Мисс август 2005»!

Виктор увидел на календаре красивую полуобнаженную модель. Звезды салюта складывались в имя «Ноздря». Ксения приняла аналогичную позу.

-

Я это, я. Певица, диджей, ведущая корпоративных вечеринок, короче, и швец, и жнец, и во все уды дудец. Видишь этот камешек? Это мне Гуляш в нос вставил. Настоящий брюлик. Как, блин, гнойный прыщ торчит. Но имидж у меня такой. Есть Глюкоза, есть Ангина, должна быть и Ноздря! Эпатажный такой имидж. А Ноздря я с детства. У меня фамилия, между прочим, Но-здра-че-ва. Меня этой Ноздрей в школе просто задрачивали! Вот я и решила им доказать, что я круче их всех. Собрала вещички и ту-ту в Москву-матушку. Без денег, без связей, одна. Ночевала на вокзале, как и ты. Передремлешь вприглядку, чтоб сумку не украли, а утром красоту наведешь и - в бой! Меня сначала не брали, я пухлая была, пампушка такая! А через месяц житья-бытья на вокзале да беготни по первопрестольной сделалась я тощая, как сигарета. Вокзал – лучшая диета. Через месяц пошла в туалет привокзальный, батюшки, мне навстречу из зеркала шкандыбает таинственная такая, худющая раскрасавица с огромными глазищами. Это я так схуднула. Пыталась диктором стать, опозорилась на первом же эфире. Сказала: «На шахте «Юбилейная» произошел взрыв сметаны». Вместо метана. Это я с голодухи ляпнула. В общем, не подошла. А сколько конкурсов я прошла, кастингов, это ужас! Как-то пошла на радио. Неожиданно получилось, я стала диджейхой. Псевдоним взяла

школьный - Ноздря. Мы с Диком Мазафакиным придумали такую фишку, будто я раздеваюсь в прямом эфире, а он описывал эту картину и ронял слюну. Рейтинг зашкаливал. Ну, а потом я стала зло шутить над всеми. Народу нравится, когда стебются над знаменитостями. Народ гламур ненавидит. Завидует и ненавидит. Знаешь, как мой отец переключает каналы на телеке? Увидит какого-нибудь артиста или поп-звезду, послушает немного, а потом с отвращением - «Пошел ты на йух!» и переключает на футбол. Он себя королем чувствует в этот момент, властелином. Вот я и стала в этой струе работать – опускала по полной программе «звезд» и «звездочек». Мне поступал просто шквал звонков. А потом как-то само собой песенка написалась. Я ее спела и вставила в свою программу. И что ты думаешь – пошло. «Эльдорадио» было маленькой станцией, а на мне выросло, как на дрожжах. И тут подполз, как змея подколотная, Гуляш этот! Он, конечно, по Москве крутоватый продюсер, вот я и повелась. Стали с ним по концертам курсировать, клип записали. Короче, карьера пошла в гору. Ну, я и возомнила себя звездой. Планку сорвало, стала выкобениваться, бухать, скандалить. Однажды в самолете стюардессу по морде шваркнула. От нервов, я высоты боюсь. Еле откупились. Но скандалище был, все газеты писали. «Ноздря избил стюардессу из ревности». И прочая мура. Стала я, короче, королевой скандалов. Но я же не такая, я добрая и тихая девочка, а как попадаю на публику – все, впадаю в транс, становлюсь сама не своя, ради успеха могу и убить...

СВИЯЖСК. Наши дни.

ПОИСКИ ГОЛОВЫ ИУДЫ

-

Отец Дионисий, хочу, чтоб все было ясно с самого начала. Приезжая к вам за этой головешкой, я сам узнал про Иуду только неделю назад. Сам в шоке, честное слово! Короче. Дед мой раскаялся в грехах юности и хочет их типа замолить. Потому и послал меня на поиски. В конце концов, внуки за дедов не отвечают, правильно? Я вам не буду мозги парить за просто так. Вот. – Игорь Ледовских вынул пятисотрублевую купюру и положил перед настоятелем Троицкого монастыря на дощатый стол. – На богоугодные дела, отец, примите! Пожертвовать ведь можно?

-

Любая помощь идет от бога.

-

Я дам еще столько же, если вы поможете мне найти эту чертову головешку.

-

Сомневаюсь, чтобы она сохранилась, - задумчиво сказал монах. – Хотя находят же обломки и через тысячи лет. Хорошо, пойдемте, открою для вас наш музей. Хотя ничего похожего на главу человеческую я в экспозиции нашей не видел.

Вышли в монастырский двор.

-

А там что? – Игорь показал на здание, обнесенное забором из колючей проволоки.

-

Третий братский корпус.

-

А почему он за проволокой?

-

Там покачтoмест психоневрологическая больница.

-

А почему братский? Как братская могила?

-

Вот эти три корпуса для братии. Нам почти все здания вернули, и храм, и

колокольню, один только корпус остался у Минздрава, некуда их везти.

-

Кого?

-

Психических больных.

-

И много их там?

-

То мне неведомо.

-

Вы что, там ни разу не бывали?

-

Бывал, почему же. Когда на «Вздыхалку» страдальцев отправляют, нас отпевать зовут.

-

Куда отправляют?

-

На кладбище, его у нас «Вздыхалкой» называют.

-

Ничего себе у вас соседство! Монахи и психи!

-

Истина ваша. Негоже, когда в божьем месте тюрьмы находятся.

-

Почему тюрьмы?

-

Больница эта – особая, в ней людей держат, которые преступления совершили по невменяемости психической. Но все равно, как ни называй, а тюрьма она и есть тюрьма. Вроде лечат их там, лекарствами. А душу молитвой да иконой лечить надо. Ну вот, мы и пришли.

Перед ними стояла дряхлая деревянная церковка с пристроенным каменным крыльцом. Священник достал из-под рясы связку ключей.

-

Эта церковь – единственное, что сохранилось от крепости Ивана Грозного, - сказал он подчеркнуто. - Эти бревна были срублены под Угличем зимой 1551 года, именно их везли на кораблях по Волге. Церковь эту освятили 17 мая 1551 года.

Игорь уважительно покачал головой.

-

Как же она уцелела? Деревянная вроде, не каменная...

-

Бог помог, да искусство строителей. В те времена пилу презирали, она треплет дерево, и туда проникает влага и вредители. Тогда рубили только топором, он скол дает, сам себя консервирующий.

Отец Дионисий со скрипом раскрыл двойные железные двери. Вошли в душное, тускло освещенное помещение. Из экспонатов внимание Игоря привлекли только доспехи середины 16-го века, обломки изразцов с двуглавым орлом и изображением стен и башен. Ничего похожего на голову Иуды в экспозиции не было.

-

Отец Дионисий, а что-нибудь вроде склада, архива, подвала тут не сохранилось?

-

Есть. Нечто вроде склада. Мы его разбираем потихоньку, много там разной утвари скопилось.

-

А где это архив находится?

-

Здесь и находится, в покоях святителя Гермогена.

-

А мне можете эти покои показать?

Настоятель замялся. Игорь достал из кармана пятисотенную купюру.

-

Спрячьте ваши деньги, - строго сказал монах. – Не могу я туда пустить невинного человека.

-

Почему?

-

Опогажено то место, и до сих пор еще не освящено.

-

Чем же оно опогажено?

Монах через силу выговорил.

-

Там пыточная была. ЧК там людей замучивало, до сих пор мешками кости выгребаем да земле предаем. После войны там лаборатория находилась, секретная, психотропные препараты на людях испытывали, вплоть до самого распада Союза. Много людей там страданий приняло. Кто туда ни войдет, у того... - монах замялся.

-

Что с тем случается? – Интерес Игоря разгорелся. - Говорите, я не из пугливых.

-

Кто посещает те кельи, у тех страшные головные боли начинаются, температура поднимается, люди как бы в бред впадают.

-

Серьезно?

-

Если бы один только случай, а то каждый второй жалуется. Да и братья там работать подолгу не могут, голова раскалывается, страхование наступает.

-

Автогражданка?

-

Пугают их бесы. Голоса слышат, крики истязаемых. Страшное то место, гиблое. Над этим местом даже климат поменялся.

-

Что, серьезно? – не поверил Игорь.

-

То солнце, а то вдруг буря, ветер. То дождь, и тут же снова тепло, а через час снег может повалить. На той стороне острова тепло, а здесь стужа. Стоишь под солнцем, а в метре перед тобой дождь идет, руку протяни – она мокреет, а сам ты сухой. Говорят, остров наш – место силы. Тут капище было языческое, еще до христианской эры. Это вроде родничков в темени планеты, через нее из подземного царства к нам дует.

Игорь понимал, что поп ни за какие коврижки не захочет впускать постороннего в

монастырь, поэтому попытался подыскать к нему верный ключик.

-

Да-а, - сочувственно сказал он, - страстей вы нарасказали. И все же!

Предполагая, что голову Иуды не могли никуда выбросить, их бы за это по головке не погладили, верно? Не те времена были, дед говорил, тогда за колосок сажали, не то что за целую голову! Так что, думаю, должна она где-то храниться. И лучшего места, чем бывшая пыточная ЧК не может и быть! Там голова Иуды и лежит. Это от нее веет заразой, сто процентов. Короче, отец, голову даю на отсечения, там она. И надо ее срочно найти и вывезти. Тогда и остров ваш возродится, и монастырь вздохнет, и вся Россия очнется, как говорится, от векового сна.

На иеромонаха его речь произвела впечатление. Он задумался.

-

Старые люди говорили, что наш остров Свяжский - это и есть Беловодье, Небесный град Китеж, Остров Буян, мистическое духовное сердце православной России. Недаром Троицкий поставил памятник Иуде именно здесь. Как кол в сердце страны загнал!

Игорь поддержал монаха.

-

Ваша правда. Пока Ленина из Мавзолея не вынесут, а голову Иуды из сердца России не удалят – не будет нам покоя. Так что, святой отец, как хотите, а покои святителя Гермогена надо открыть!

Монах осенил себя крестным знаменем.

-

Ради такого дела – открою! – решительно сказал он. – Только не сейчас. Сначала испросить бы надо благословение.

-

Какое? – спросил обрадованный Игорь.

-

Архимандрита. А лучше Патриарха.

Игорь от досады скрипнул зубами.

ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ

В грязной камуфле с одной руки он стрелял из крупнокалиберного пулемета «Дегтярева», сошки висели в воздухе, колеблясь при каждой короткой очереди. Патроны кончались, поэтому отстреливался он экономно. Хрущовку эту десантники прозвали «Домом Павлова», она держалась в осаде уже две недели. На первом этаже были «чехи», они кричали снизу в мегафоны, в пролет подъезда:

-

Сдавайся, русский вонючка! Солдаты, бросай офицеров, мы вас накормим, отпустим!

На крики чеченов уже никто не обращал внимания. Егоров сдался, потом его голову на колу увидели.

Грохнуло, из коридора пахнула волна пыли и щепок, стреляли из РПГ-7. Опять штурм? Внезапно вздыбилась и развалилась стена, видимо, чехи под шум обстрела заложили заряд в электророзетку и открыли проем. Сейчас хлынут.

Он послал щедрую очередь в дымящийся пролом, Зейнутдин бросил туда лимонку, заорал истерически: «Ягуар, отходим!»

Он увидел влетевшую гранату, прыгнул в соседнюю комнату, прижался к стене, громынуло, осколки засвистели, рубя мебель. В комнату влетела вторая граната, бежать некуда, молодец Зейнутдин, отфутболил ее, недаром нападающим играл в «Пахтакоре», за юношей. В соседней квартире громынуло, раздались вопли.

Он показал Зейнутдину большой палец, указательным ткнул в балконное окно, оттуда можно было уйти на третий этаж. Зайнутдин кивнул. Выхода не было – или здесь закидают гранатами, или на балконе снимет снайпер. Дымовуху надо пустить. Зейнутдин – молоток, все понял без подсказок, кинул на балкон дымовую пашку, под прикрытием густого желтого шлейфа нырнул в балконную дверь, мелькнули его дрыгнувшие сапоги, он подтянулся и исчез. В этот миг в комнату ворвался здоровенный чеченец с черной повязкой на голове, испещренной белой вязью цитат из Корана. В пулемете кончились патроны. Он швырнул в чеченца «дегтяря», выхватил из-за ремня на спине саперную лопатку. Чеченец не стал стрелять, оскалился, выхватил кинжал.

-

Сдавайся, русский вонючка!

Виктор резко сел. Ксения трясла его за плечо. В двери беспрестанно звонили.

Она убежала открывать.

По коридору из прихожей быстро докатились громкие голоса, в спальню кубарем влетела Ноздря. Едва удержавшись на ногах, она с визгом прыгнула на вошедшего следом молодого длинноволосого человека в белом костюме, того самого, что вчера вечером выкинул ее из джипа. Увидев у кровати одевающегося мужчину, Владислав Куляш выпучил глаза.

-

Это еще кто? Ты совсем сбрендила, сучка! В мой дом уже водишь! Все! Это конец! Ты переполнила чашу моего терпения! Убирайся вон! Вон из дома, вон из моей жизни, во-о-он!

-

Убирайся сам! – сверлящим уши фальцетом завизжала Ксения. – Я опозорю тебя на всю Москву! Я тебя уничтожу! Без меня ты никто! Ты ничтожество! Ты никому не нужен! Ты разоришься! Ты должен мне гонорары за десять последних концертов! Пока не заплатишь, я никуда не уйду.

-

Владимир! – крикнул Куляш в коридор. – Вышвырни их отсюда, обоих! На хер! Быстро!

В комнату вошел высокий мужчина в куртке поверх костюма. Он быстро подошел к Виктору и взял его рукой за бицепс. Больно сжал.

-

Давай без рук, – сказал Виктор. – Я сам уйду.

Телохранитель сделал приглашающий жест к двери. Виктор пошел на выход.

-

Не уходи! – взвизгнула Ксения. – Пускай они уходят!

Виктор оглянулся, но остановиться ему не удалось, телохранитель вытолкнул его в прихожую. Виктор попытался надеть кроссовки, но сильная рука сгребла его за шиворот и вышвырнула в открывшуюся дверь. Через несколько минут из квартиры выкинули и брыкающуюся Ксению. Она пыталась колотить кулаками по двери, пинать ее ногой, но все было бесполезно. Звуки ударов разносились по пустому, залитому ранним солнцем подъезду. Никто из соседей даже не выглянул.

-

Вот же сволочь! – Ксения всхлипывала. – Он должен мне кучу бабла. Он не имеет права вот так выбрасывать меня на улицу. Гад, там мобильный остался!

Виктор надел кроссовки, пошел вниз по лестнице.

-

Ну куда ты! – прорыдала в пролет Ксения. – Хоть ты меня не бросай! Какие вы

сволочи, мужики! Труссы! Неужели ты не можешь избить их? Ты же из ВДВ, убей их! Убей!

Она догнала, схватила Виктора за грудки, затрясла. Он обнял ее, прижал к себе. Ксению колотило. Отплакавшись, она вытерла на куртке Виктора мокрое пятно, по-детски поджала вздутые губы. Царевна-лягушка. Царевич поцеловал ее недавно, превращение в принцессу еще не завершилось, вон еще глаза какие пучеглазые и губы до ушей.

ПОСВЯЩЕНИЕ В ОРДЕН ИУДЫ

(Триптих Народного художника СССР Ивана Ледовских «Гражданская война в России»)

На станцию Чухломская вползали клепаные гробы бронированных вагонов, выкрашенных в цвет выгоревшей степи. Ни души не было видно в узких бойницах, только пошевеливались курносые рыла Максимов, да мертво зияли жерла шестидюймовок. Мешки с песком громоздились на пушечных платформах. Ход поезда замедлился и, наконец, прекратился.

В штабном вагоне открылась стальная дверца. Показался командир в черной кожаной куртке и фуражке с красной звездой. Сапог нащупал отверстие в форме полумесяца, вырезанное в металлическом фартуке вагона. «Полумесяцев» было ровно шесть, по три для каждой ноги.

Держась за металлические поручни, командир «Грозного мстителя» Яков Ковальзон спустился на перрон, принял рапорт подбежавшего командира ЧОНа Орлова. Вместе с Вольфгангом Залусом, телохранителем Троцкого, обошел посты.

Вскоре из салон-вагона вышли Троцкий и Рейснер, в сопровождении свиты прошли несколько сотен метров до разрыва полотна.

Мост через реку Берля был взорван. Еще горели шпалы на обрушенных путях. Обычно белые, отходя, с помощью приваренного к паровозу крюка сдирали с полотна шпалы. Здесь они применили новую тактику: специальные бригады развинчивали рельсы, цепляли края тросом и загибали тягой английских броневиков в дугу.

Лев Давидович подошел к краю обрыва, осторожно глянул в огромную промоину между берегами. Внизу в притоке Волги купались кажущиеся муравьями мальчишки.

-

Сколько вам понадобится дней, чтобы восстановить мост? - спросил Троцкий инженера Николая Егорова.

Егоров изумленно глянул.

-

Спросите лучше, сколько месяцев!

Троцкий поиграл желваками. Пошел назад к бронепоезду.

-

Лев Давидович, - окликнула Рейснер. - Вспомните историю Свияжска! Городок сначала построили в муромских лесах, а потом привезли и собрали на месте. В считанные недели. Все бревна были пронумерованы. Это сделали люди Ивана Грозного. Так разве мы в век технического прогресса не можем повторить их подвиг?

-

Все поняли, Егоров? – Троцкий сквозь пенсне пронзительно посмотрел на инженера. – У нас нет месяца! Золотой запас вывезут из Казани, и тогда революция погибнет! Но мы не можем штурмовать город без поддержки бронепоезда. По нашим данным, белые спешно готовят эвакуацию Казначейства. Поэтому бронепоезд любой ценой требуется перебросить через реку.

Инженер развел руками.

-

Я, простите, не господь Бог!

-

Неужели не понятно, что надо построить в тылу деревянные фермы и собрать их здесь за одну ночь! – резко бросила Рейснер.

Троцкий признательно посмотрел на нее. Отрывисто сказал инженеру. - Даю неделю, Егоров! Через шесть дней, ровно в пять утра бронепоезд с вами на борту трогается с места и переправляется через Свягу. С мостом или без моста! В шесть утра поднимаются цепи. Мы возьмем Казань!

С поезда соскочил Яков Ковальзон в студенческой тужурке, седой мальчик, прокричал в жестяной рупор.

-

С воздушного шара доложили, подходит белый бронепоезд!
Нарком скомандовал.

-

По вагонам!

Бойцы оцепления на ходу заскакивали на площадки. Троцкий взял у Кольвазона бинокль. На горизонте в жарком мареве рябили синеватые очертания «Генерала Дроздовского». Дуэль с ним сейчас не входила в планы наркомвоенмора.

Вагон сильно качало по обветшавшим рельсам. Троцкий сидел за столом, вцепившись пальцами в дыбом стоящие волосы. «Знать бы, знать! Что с золотом? Это же кровь государства! Мы обескровлены! Там девять тысяч ящиков! Полтора миллиарда золотых рублей! Мы должны оплатить этим золотом контрибуцию Германии по Брест-Литовскому договору! Я лично давал гарантии! Я отвечаю перед немцами, своей головой! И что теперь? Они же возобновят наступление, займут Москву и Петроград! Сибирь и Урал у белых! Революция погибнет! Проклятые чехи! Я же приказывал их разоружить! 14 тысяч вооруженных до зубов чехов! Полыхнуло по всей железной дороге от Пензы до Омска, как по бикфордову шнуру. Что с золотом? Мы в полном мраке! Провал следует за провалом! В казанском подполье действует провокатор! Я не сомневаюсь в этом».

-

Я пойду, Лев, - сказала Лариса.
Нарком поднял воспаленные глаза.

-

Куда?

-

В Казань.

Прошла долгая пауза. Троцкий встал, подошел к юной женщине, взял ее лицо в ладони.

-

Тобой рисковать - не хочу!
Она смотрела ясно и просто.

-

Я вернусь.

-

Ты так уверена в себе...

-

Со мной ничего не может случиться. Я вернусь. Если смогу, я подниму Казанское подполье, мы саботируем отгрузку золота, сделаем все, чтобы его задержать. Нарком поражался ее красоте и мужеству. Безрассудная отвага юности, сметающая на своем громокипящем пути старую и усталую мудрость. Что ж...

-

Сделаем так. Ты скажешься больной, будешь лежать в жару, у тебя тиф, никто не сможет войти на твою половину. А втайне ты пойдешь в Казань.

-

Ты подозреваешь кого-то из нашего окружения?

Троцкий понизил голос.

-

Я привлек к работе в Красной Армии семьдесят пять тысяч царских офицеров. Среди них, конечно, найдутся и предатели.

-

Ты же знаешь, предателей нет. Кто может предать меня судьбе, кроме меня самой?

-

Умница.

-

Лев, не бойся за меня! Я вернусь, ведь я львица. А львицы охотятся для своего мужа, царя зверей.

-

Я не могу тебя так отпустить. Я должен провести с тобой Посвящение.

Троцкий сжал Рейснер за плечи.

-

Лара, мы сжаты временем, как кулаком циклопа. Надо торопиться. Я должен провести обряд прямо здесь, в стальном несущемся вагоне, но так даже лучше. Так еще никого не посвящали. Иван! Иван! Иди сюда! Вольфганг, стань на дверях, никого под страхом смерти не пускай.

Вошел скульптор Иван Ледовских, влюблено посмотрел на возбужденного Троцкого, на взволнованную Рейснер.

-

Станьте сюда. Опуститесь на колени. Я, Великий Магистр Ордена «Алкедама»

Красный Лев Революции, нибиру по крови, мальфар рождению, посвящаю вас в члены Ордена Иуды «Алкедаму», «землю крови», выкупленную за тридцать сребреников Судьбы!

Троцкий возложил на склоненные и ничего не понимающие головы обе руки –

правую на кудряво-каштановую голову Ларисы Рейснер, левую – на льняную голову Ивана Ледовских.

-

Что это за Орден, Лев Давидович? – спросила Лариса.

Троцкий посмотрел ей в глаза, поджав снизу веки. Пенсне жутко оформляло его взгляд в нечто отдельное, существующее самостоятельно и видящее насквозь.

-

Орден Иуды, «Алкедама».

-

А в чем его цели?

-

Во всем этом!

Троцкий рванул занавеси с окон.

Бронепоезд шел по степи, и степь вся – под облачным покровом со свинцовым грозовым подборюшьем – шевелилась, как шевелится вшами шевелюра тифозного больного. Обозы тянулись докуда видел взгляд, пыль поднималась к небу, храпели кони, скрипели телеги, ругань неслась отовсюду. Там и сям в степи возвышались курганы, и уже зажигались сотни костров, уже полки становились на привал.

Троцкий задернул занавески и повернулся к стоящим на коленях соратникам.

-

Мы свергаем власть старой знати. Открываю вам тайну. Я, Великий Мальфар,

Красный Лев Ордена Алкедамы, веду битву против Чистокровных Нибиру. Рабы восстали. Мы ведем их. Ради них, ради их счастья. Они пройдут через страшные испытания, но только так и можно приобрести индивидуальную душу, и в этом тайна, неподвластная человеческому уму. Люди проклянут нас. Они предадут нас анафеме, нас, революционеров, Иуд, пожертвовавших собой ради них! Это страшно, но не так ли страшно было начальнику нашему, апостолу и мученику Иуде? Он шел на более страшный подвиг! Его пример дает нам стойкость и волю. Речь идет не о свержении царя и помещиков-капиталистов! Партия большевиков - ударный отряд великого Ордена «Алкедамы», Ордена Иуды, который осуществляет судьбу мира и спасает из глиняного заточения миллионы зачаточных душ. Донес ли я до вас смысл нашей борьбы? Поняли ли вы ее великий космический смысл?

Посвящаемые смотрели во все глаза. Они не поняли ни слова из лихорадочной речи наркома.

-

Мы осуществляем Таблицы Мировой Судьбы, мы жертвуем своими жизнями.

Наша награда, как и награда Иуды, – вечное проклятие всех поколений! Нас никто не оценит, никто нами не восхитится, никто не скажет в наш адрес благодарственное слово. Плевать будут на сами могилы наши!

Троцкий пригнулся, глаза его выкатились, пенсне свалилось и закачалось на шнурке.

-

А я – знаю! - я стану в России Иудой коммунизма! Меня проклянут! Меня проклянут и предадут, от меня отрекутся все мои соратники, все те, кто нынче поклоняется и идет за мной в бой! Я буду проклят в веках! Я буду нести вечное проклятие! Я кажусь со стороны нестигаемым и стальным, я караю людей, я повелеваю массами, но я погибну в петле на оси-и-и-и...

Голос Троцкого перешел в тонкий визг, неразличимый уху. Воздетые руки его со сведенными судорогой пальцами скребли по воздуху, словно бы он карабкался вверх.

Оглушительный удар грома громыхнул над несущимся бронепоездом. Щели стального вагона озарились.

-

Наташа! – завопил вождь

.

(Почему он зовет Наташу, с обидой подумала

Рейснер). Троцкий вдруг закричал таким высоким и незнакомым голосом, что Лариса оцепенела. Так не мог кричать человек, так мог кричать только демон разрушения, потустороннее исчадие ада, обладающее невообразимой мощью и злобой, прорвавшееся, наконец, на свободу через бурлящие магмы мозга неистового наркома. Троцкий, все так же вопя, выпнулся дугой назад и начал медленно падать. Бородка его, как мушка на винтовке, клином торчала кверху.

-

Держите же его! – закричала возникшая на пороге Седова.

Рейснер и Иван Ледовских не могли пошевелиться от ужаса.

Вагоны трясло и шатало, колеса равномерно стучали, сцепки гремели, вопль эпилептика затихал в булькотении обильной пены, выступившей на изуродованных судорогой губах. Жена Троцкого растолкала Ивана и Ларису, бросилась к бьющемуся в падучей мужу. «Ложку!»

Лариса очнулась, кинулась к столу, вернулась с ложкой из серебряного сервиза.

Седова скакала на муже, как на коне. Хруст зубов о ложку был слышен даже сквозь какофонию грохочущих колес.

-

Ноги! – крикнула Седова. – Держите ему ноги!

Рейснер кинулась на бьющиеся ноги Льва Давидовича, получила удар коленями в грудь, задохнулась, в глазах потемнело, она скакала всей своей тяжестью на содрогающихся ногах возлюбленного и чувствовала, какая необузданная и нечеловеческая сила колотится в этом теле.

В унисон с припадочным заревел бронепоезд. В его оглушающем реве Лариса поняла, какой страшной ценой дается человеку господство над массами, над толпами, над народами. Пропускать через себя планетарные токи, да ведь это - само распятие, самопожертвование, он – Иуда, настоящий жертвенный агнец, истинный Спаситель!

Гудящий ток неимоверной мощи колотил всех четверых, тряс несущийся на всех парах бронепоезд, содрогал выгоревшую приволжскую степь и саму агонизирующую в огне революции Россию.

Каждое содрогание народного комиссара, каждый его вопль мощнейшими вибрациями проникал в сознание деморализованных красноармейцев, в теплушки и эшелоны, в роты и полки, укреплял в бойцах классовую ненависть к врагу, ковал из обывательского быдла нестигаемых борцов за дело Мировой революции.

ВИКТОР И НОЗДРЯ УТОНЯЮТ ДЖИП

На площадке второго этажа Ксения схватила Виктора за руку.

-

Жди здесь.

Сама упорхнула к стеклянной будке, пощебетала с консьержкой и торжествующе вернулась со связкой ключей.

-

Это от машины. Я их специально оставила у Леонидовны, на всякий пожарный.

Вот он и настал, наш пожарный случай. Слушай, обычно у Гуляша в машине сидит водитель, его Славиком зовут. Тот еще громила. Ты его вымани как-нибудь из машины, я сяду, там внутри документы на мое имя, мы на машине и уедем.

-

А как я его выманю?

-

Подумай сам! Кто тут мужчина, ты или я?

Отвлеки как-нибудь

, чтобы он за

тобой погнался, тут я в машину и вскочу. Понял?

У подъезда стоял джип «RAV4». За тонированным стеклом на водительском месте виднелся парень в кожаной кепочке. Виктор подошел к машине, оглядел колеса, запорошенный грязью портрет Ноздри на борту. Водитель никак не реагировал, мало ли ротозеев бродит по Москве. Виктор ударил ногой по колесу. Водитель с ленивым любопытством посмотрел из окна. Виктор ударил снова. Стекло поползло вниз.

-

Че надо?

-

А где девка?

-

Какая-на?

-

С портрета.

-
Ты че, ее фанат?

-
Позови девку!

-
Иди отсюда.

-
Не хамя мне!

-
Че, придурок, давно не огребал?

-
Пошел ты на хуй!

-
Чо-о?! – водила полез из джипа, Виктор попятился. Водила вразвалку пошел на него, плюнул ему под ноги. Видно было, что парню в лом бегать за утренним идиотом.

-
Ну, иди сюда, - сказал Виктор, - я тебя сделаю!

-
Вот же сука! – водитель бросился вдогонку. Виктор побежал по Калининскому проспекту вдоль Дома Книги, лавируя среди редких прохожих. Почему я убегаю, подумал он, ведь я его не боюсь. Внезапно Виктор шарахнулся в сторону, ему померещилось, что он влетел в пылающий костер.

Рядом скачками неся призрачный, жарко горящий Ягуар. На фоне черно-белой графики зимы хищник переливался пятнистой шкурой, был текучим и прозрачным, сквозь него виднелась заснеженная мостовая и ноги проходящих мимо людей.

Виктор глубоко вдохнул морозный воздух, наполнился радостной и дикой энергией, взревел ягуаром и обернулся в боевой стойке.

От крика закружилась голова, пейзаж гигантских домов исказился и пополз. Мир переменялся - теперь это был мир войны и битвы, жестоких схваток и погонь. И Виктор был в этом мире могучим и стремительным Ягуаром. Он с хрустом сжал кулаки, предвкушая драку.

Драки не случилось. Противник бежал от него обратно к джипу, который как раз в этот момент отъезжал от дома. Водитель почти догнал переваливающийся на тротуарных перепадах джип, но тут машина газанула, окутав фигуру преследователя густым облаком дыма, и умчалась вдоль проспекта. Водитель бежал за ним метров сто, остановился, достал из кармана мобильный телефон и, живо жестикулируя, принялся кричать в трубку.

«СТРАШНО ВПАСТЬ В РУКИ БОГА ЖИВАГО»

Игорь Ледовских остался пожить в Святотроицкой обители. Его поселили в свободной келье за небольшие деньги.

Днем он без дела слонялся по монастырю, удивляясь выбору молодых монахов, бросивших реальную жизнь ради копания в огороде и глупых молитв несуществующему богу.

Настоятель с утра был в отъезде. Вернулся он только под вечер. Когда Игорь вошел в маленькую келью, монах умывался над тазиком из простого соскового рукомойника.

-
Доброго вечера братии!

Иеромонах в глухой черной рясе с медным крестом на груди распрямился. Русая пушистая борода его была для умывания перехвачена у подбородка резинкой для денег. Это Игоря рассмешило.

-

Слушай, Денис, тут такое дело... - с улыбкой начал он.

-

Дионисий, - поправил монах, утираясь полотенцем.

В углу перед иконостасом горели свечи, пахло воском. Игорь огляделся, куда бы присесть, но в келье не было даже табурета, в углу сиротливо стояла железная кровать, застеленная тонким шерстяным одеялом.

-

Да ладно, какая разница, Денис, Дионис, - Игорь прислонился к притолоке, переплел на груди сильные руки. – Слушай, мы же все в боге братия, верно? Я насчет головы. Мне от Иуды башка во как нужна с-с-с! – Игорь чиркнул себя ногтем большого пальца по горлу. – Помоги, а! Может, откроешь все-таки покои-то Гермiony? Договоримся!

-

Покои Гермогена, - поправил монах, выпрастывая из резинки и заботливо распушивая жидкую бородавку. Ледовских-младший хмыкнул.

-

Крутые у вас кликухи - Гермоген, Дионис! Послушай, Дионис! Я тебе как на духу, по-честному. Дед мне за голову Иуды обещал отписать мастерскую в центре столицы. Короче! Я с нее тебе долюшку выделю, обещаю! Это немалые бабки! Мастерская в Москве, 300 квадратов! Представляешь, сколько это сейчас стоит?! Я ее продам, мне такая большая не нужна, тебе десять процентов, с лимона бакинских это сто тысяч баксов, ты бы из монастыря смог уйти, зажить по-человечески!

Настоятель удивленно воззрился на мирянина, превратно понимающего монашеский затвор.

-

Нам ничего такого не надо, - только и сказал он.

-

Да ты подумай, не торопись! На такие бабки можно жить припеваючи, на джипе рассекать, звезд всяких трахать! Неужели тебе не хочется иногда, а, Денис?

-

Чего?

-

Бабка за это самое потискать?

Монах посмотрел, как на малое дитя. Это Игоря разозлило.

-

Ну, на монастырь свой деньги пустишь, раз на то пошло! – повысил он голос. – Чего ты упираешься! Кто тебя проверит? Тебе деньги не нужны? По-вашему, деньги, бабы, вино – грех. А я это заслужил! Я за родину кровь проливал! Вас бы, монахов, ко мне в десятую десантную, вы бы живо очухались от здешнего фимиама! Чем огороды здесь копать, лучше бы хоть раз окоп полного профиля вырыли! Вас бы хоть на сутки с-с-с... в Чечню, вы бы по-другому запели!

В келье повисла грозная тишина.

Игорь понял, что переборщил.

-

Извини, брат, - примирительно пробормотал он, - сорвался. Нервы ни к черту после плена. Помоги человеку! Это же ваш монашеский долг! Открой мне ту дверь! Ну что тебе стоит? А я за эту глиняную, никому не нужную головешку себе счастье смогу купить! Клянусь, если я потеряю мастерскую, я точняк отсюда ноги сделаю на тот свет!

-

Уж не о самоубийстве ли вы говорите?

Игорь раздул ноздри.

-

Я к твоему сведению не в монастыре прохлаждался, а в плену у чеченов сидел!

Там меня били, как примерно вашего Христа. Только его один раз кнутиком похлестали, а меня каждый день сапогами товарили, несколько месяцев подряд! У меня мясо от костей отставало, я холодец ходячий был. - Игорь тяжело сглотнул, переживая мучительные воспоминания. После долгой паузы заговорил глухо. - Я там, короче, веревку украл, во дворе, бельевую, когда в сортир водили. Обратю в камеру чуть не бежал, так торопился повеситься! Для меня петля тогда была слаще чем вино-бабы-деньги!

Настоятель сочувственно спросил.

-

Как же вы спаслись?

-

Наверно, Бог ваш помог. Обменяли меня. Там при въезде в Грозный так и было написано «Добро пожаловать в ад!» Так что в аду я уже побывал. Меня веревка чеченская дома ждет, я ее не выбросил... с-с-с... Игорю очень хотелось сказать «сука» после каждой эмоциональной фразы, но он сдерживался, так как находился в монастыре.

Монах покачал головой.

-

Самоубийство - смертный грех.

-

Твоя будет вина, если дверь мне не откроешь! Не останусь жить в этом гребанном, подлом мирке!

-

А с деньгами, значит, остались бы?

-

Да ты же сам оттуда сбежал! Сам сидишь тут за толстыми стенами, от мира реального прячешься, который ваш Господь создал на нашу голову!

-

У нас в монастыре задача особая, монашеская.

Игорь процедил.

-

У всех дезертиров... особая миссия... как бы от армии откосить!

Не отвечая на злобствования гостя, отец Дионисий прошел к иконе Серафима Саровского и принялся снимать нагар со свечей. К закопченному потолку потянулись голубые дымки. До Игоря донеслись тихие слова.

-

Мне кажется, вам тоже пора в монастырь. Вы созрели.

-

С меня одного плена хватит! Во второй не пойду!

-

Рано или поздно каждый человек уходит в монастырь, Игорь Павлович, - все так же тихо продолжал монах.

-

Только не я!

-

Так ведь часто человек против своей воли, сам того не ведая, раз – и мигом оказывается в монастыре.

-

Это как – «раз и мигом»? Похищают его, что ли?

-

Нет, не похищают... - монах задумался, - а, впрочем, вы правы, можно и так сказать. Похищают человека. Из брэнного мира – в монастырь. Вот, недавно, свежий пример, актер Караченцов, на полном скаку попал в аварию. И оказался в коме, в состоянии полной не подвижности. Или человек нечаянно теряет память. – Монах глянул так странно, что у Игоря по спине пробежали мурашки. - Чем не монастырь?

Ледовских поморщился.

-

Да память тут при чем?

-

Я так думаю, это своеобразный постриг. Только не волосы срезают, а глубже захватывают – всю кору головного мозга.

Ударил монастырский колокол.

Келья настоятеля располагалась у подножия звонницы. Сквозь глубокий гул, пронизавший вибрациями монастырские стены, монах сказал неразборчиво.

-

Запомните, это очень страшно...

Игорь не расслышал окончания фразы.

-

Бом! Бом! Бом!

-

Чего тебе страшно?

Колокол тяжело бил. Дождавшись последнего удара, настоятель повторил.

-

«Страшно впасть в руки Бога Живаго».

Прошла пауза, спрессованная колокольным гулом до вязкости смолы.

Гул смолк, вибрации в теле остались.

Настоятель сказал.

-

Извините, мне на службу пора.

Он вышел, оставив Игоря в раздраженном недоумении.

НАПРАВЛЕНИЕ В МОРГ ВЗЯЛ?

Виктор Беспмятный шел в глубокой задумчивости, ноги сами вынесли его к станции метро «Библиотека имени Ленина», он не заметил, как миновал турникет, сел в поезд и очнулся от мыслей, когда уже подъезжал к Казанскому. Блин! Как ему удалось доехать? Знает, он знает город, знает метро! Если не заикливаться, ноги сами несут. Стоит задуматься и все, застопорил мотор, память ничего не подсказывает.

Ксения воспользовалась им и уехала. Ни телефона, ни адреса не оставила. Надежда, как говорится, вспыхнула и погасла. Что за приключение с ним случилось? Прекрасное неземное существо вовлекло его в свой теплый, душистый мир, лишило невинности и умчалось. Что ж теперь, опять возвращаться на вокзал, к холодным залам, грязным сортирам, угрюмым людям. Невыносимо! Виктор чувствовал, что рожден для другой, значительной, интересной и, главное, комфортабельной жизни! Он не может прожить всю жизнь на вокзале! Он не хочет быть бомжем! Он должен вернуть свою личность, свою прежнюю жизнь. Ведь, судя по всему, в той

жизни он был красивым, крепким, обеспеченным парнем, все об этом говорило – тренированное тело, навыки боя, шрамы, умное выражение лица.

Проходя по подземному переходу, Виктор увидел, как группа подростков «наезжает» на нищего, отнимает деньги. Да это же Чулима! Виктор подбежал и отогнал малолеток.

-

Здорово, Чулима!

-

Спасибо тебе, добрый человек.

-

Это я, Чулима, Беспмятный.

-

Ты? – старик подслеповато моргал. – Тебя ж ищут все. Пошли, пошли скорее.

Чулима повел Виктора в сторону тоннеля на поезда дальнего следования, по пути испуганно оглядывался и причитал. – Весь вокзал вчера перевернули. Колю ранили, Тарана. Тут настоящее побоище было. Все из-за тебя. Ката того вызволяли, что на тебя напал с ножом. Кто ты таков, а, мил-человек? Ты важный человек, раз из-за тебя такие дела творятся.

Они вышли к депо, где сутки назад его окрестил Коля Большой. В мощных стальных воротах зияла рваная дыра. К подорванным воротам Чулима не пошел, а, кряхтя, полез под стоящий неподалеку мемориальный бронепоезд времен гражданской войны. Под третьим вагоном Чулима постучал в люк, вырезанный в металлическое днище. Люк распахнулся. Чулима с кем-то переговорил, поманил Виктора.

-

Лезь туда.

Задрав голову, Виктор увидел глядящего сверху Тарана. Бригадир протянул руку, помог вскарабкаться внутрь вагона. Не дав распрямиться, он прижал Виктора к стальной переборке.

-

Ты кто, сука? – дуло пистолета больно втиснулось Виктору в глазницу. Свободным глазом он разглядел на лбу Тарана свежий лопнувший рубец.

-

Я... я... я же не помню, - еле выдавил ошеломленный Виктор.

Таран брызнул в дыру выбитых зубов.

-

Ты кто такой? Что ты за фуфел, твою дивизию? Колю ранили... Убью, сука! Из-за тебя все!

-

Не ори, Тараша, - Коля Казанский заворочался в глубине вагонного коридорчика.

Бронированный, лишенный окон вагон был освещен только мертвенным светом потолочных плафонов. Припадая на раненую ногу, Коля подошел к сцепившимся Виктору и Тарану. Огромные губы шевельнулись, показав протравленные никотиновым ядом зубы.

-

Направление в морг взял?

-

Клянусь, крестный, - выдавил перепуганный Виктор, - я же ничего не помню... наглухо!

Николай поморщился.

-

Как ты меня назвал?

-

Ты же меня окрестил. Виктором.

Скалы циклопических скул дрогнули в слабой улыбке.

-

Точно, сука, ты мой крестник. Отпусти его!

Таран ослабил хватку.

-

А кто налетел-то? – спросил Виктор, оправляясь.

-

Лютый, сука! – шепеляво сказал Таран. - Они с ментами были. «Крыша» у них мусорская. Требовали Вывиноса отдать, что тебя порезал, тебя искали. Все вверх дном поставили. Повязали наших, покровсали. Но ничего, мы им обратку включим. Мы растерялись, они ж по форме были.

-

Стал ведь я на колени, стал, блядь! – густым басом прогудел Казанец.

-

Ты о чем, Коль? – не понял Таран.

-

Ногу прострелили, и стал я на звезду свою.

Таран знал, что на коленях у Коли Казанского «набиты» звезды, а это значит, что их носитель никогда и не перед кем не станет на колени.

-

Ищут тебя, - сказал Коля Виктору, - очень серьезные люди. Посиди-ка ты здесь пока, на воле тебе опасно гулять.

Таран отпер отсек, втолкнул туда Виктора и захлопнул дверь.

Ночь Беспамятный протрясся от холода в стальном вагоне. Под утро его, окоченевшего, растолкал Таран. Сел рядом, шепеляво заговорил.

-

Дело, братан, такое. Мы тебя прикрыли, из-за тебя на нас наехали, Колю ранили.

Короче, они тебя все равно достанут. Иди к нам. А чтоб к нам поступить, надо тебе экзамен сдать. Обратку сделать.

-

Что надо сделать?

-

Мочкануть суку, что Колю ранила. Пошли.

Бывшая оружейная батарея была преобразована в арсенал, в котором хранилось самое разнообразное оружие, начиная с «ПМ» и «Калашей» и заканчивая помповыми и снайперскими ружьями.

Таран вытащил из стойки «макара», кинул Виктору – разбери. Через минуту на розовой байковой пеленке лежал скелет разобранного пистолета. Виктор удивился – ум забыл, а руки помнили военное дело.

-

Молоток! - похвалил Таран. Взял из стойки винтовку, отстегнул обойму, показал патроны калибра 7,62 производства 1951 года, уважительно покачал головой. – При Сталине еще делали! Такие не подведут. Знаешь, что это такое? СКС, снайперский. Надо из него завалить Лютого. Сделаешь?

Виктор принял тяжелую винтовку в руки. Поджатый под дулом штык стыло спал, спал уже много лет, но ни ржавчинки, ни потускнения не было видно на ясном лезвии. Достаточно было развернуть штык и застопорить в боевом положении, чтобы карабин превратился в штурмовую винтовку. А что если пропороть им Тарана, шепнул в голове голос Ягуара.

-

Кого надо завалить? – спросил Виктор.

-

Лютого, суку! – скрежетнул коренными зубами Таран. В дыру выбитых зубов язык его высовывался, как жало. - Он по уши деревянный, отвечаю! А Лепрекона я на себя беру. С суками надо по-сучьи! Бабки получишь, в мою бригаду вступишь, документы тебе сделаем, устроим по жизни. А нет – не обижайся, назад тебе пути нет, ты же наш схрон видел, сам понимаешь!

Виктор поставил карабин в козлы, попросил вывести его в туалет.

Таран выпустил пленника на улицу через потайной нижний люк.

Виктор помочился на шпалы, застегнулся. Он не хотел участвовать в чужой войне. Таран ежился на морозе, пряча подмышкой пистолет. Давай, кивнул он на вагон. Виктор нырнул под днище, но в люк не полез, а на четвереньках стремительно пересек рельсы и выскочил на другой стороне бронепоезда. Сзади реванул дурным голосом Таран. Виктор помчался по путям, лавируя между вагонами. Грохнул выстрел. Пуля цокнула в стальной буфер. Виктор на четвереньках нырнул под вагоны. Сейчас главное - добраться до кишачего людьми вокзала, там легче скрыться.

Таран не отставал. На перроне пригородных электричек к погоне присоединились дежурные охранники. Расталкивая толпу, Виктор прорвался на привокзальную площадь. Ноги сами вынесли на северный пандус, туда, где он познакомился с Ксенией.

Погоня настигала. В отчаянии он побежал вдоль трассы, маша рукой, но все машины пролетали мимо. Сзади доносились крики. Его брали в кольцо.

Внезапно рядом, обдав слякотью, затормозил джип с наклеенным во весь заляпанный грязью борт цветным Ксениным постером. В лобовом стекле махала руками уменьшенная живая копия портрета.

Виктор рванул дверь на себя, впрыгнул в Равчик.

-

Давай, давай отсюда!

Струи из-под колес ударили в лица набежавшим охранникам. Ксения радостно кричала.

-

Ой, я так рада тебя видеть! За мной тоже гоняются! Ну, ты же тогда, куда пропал?

Задышающийся Виктор еле произнес.

-

Когда?

-

Я развернулась под мостом и через Дорогомиловскую вернулась назад, только на другую сторону Калининского, еду, еду, а тебя и след простыл! Куда ты делся?

-

В метро пошел.

-

Балда! Надо было меня дождаться, я друзей в биде не бросаю. Мы же ни телефонами не успели обменяться, ни адресами. А кто это за тобой бежит? Я тут уже пятый круг нарезаю.

Виктору было приятно, что она его искала, но Страж-Страх подсказал на ухо, что девушка врет, что искала она его для своих, эгоистических целей.

-

Дико скучала, – словно услышав этот голос, заверила Ноздря, – знакомы буквально сутки, а я к тебе уже привыкла!

-

Кто я такой, чтоб за мной скучать...

Ксения серьезно сказала.

-

У тебя занижена самооценка. Ты думаешь, меня каждый день спасают? А потом еще рискуют, отвлекают охранников от джипа, чтоб я его угнала? Нет, Витюша, не каждый день. Ты ценный кадр. Ты ел уже? Нет? Поехали куда-нибудь перекусим.

У ТИМАТИ. КЛУБ КАЧАЕТ

Весь день прошел в поездках по Москве, Ксения с кем-то встречалась, куда-то надолго убегала, а Виктор дремал в машине, заодно охраняя джип.

К концу дня заехали в тату-салон. Мастер Жозеф работал в голубых одноразовых перчатках. Он выключил зудящую тату-машинку, осмотрел наколку на спине Виктора и отрицательно покачал головой – таких висельников он никому не накалывал.

Под вечер поехали в ночной клуб.

Фейс-контроль миновали без проблем.

В клубе был биток.

По толпе на танц-поле бродили красные, зеленые, синие прожекторы. Зеркальные шары под потолком испускали тысячи «зайчиков». На тумбе две девушки в алой лайковой коже изображали лесбийский секс. «Фака-маза – это не зараза», гремели мощные колонки.

К Ноздре лезли целоваться.

«Че за бедлам сегодня?»

«Тимати обмывает новую тату!»

Ксения вырвалась из многоруких объятий, втащила Виктора в дверь под плафоном «Служебный выход».

В коридоре они столкнулись с бородатым пареньком, густо покрытым татуировками. Увидев Ксению, паренек уронил на пол дорожную сумку, крабом пошел обниматься.

-

Ноздря-а-а, вот кого я обожаю!

Поцеловались скулами.

-

Хай, брат!

-

Салям, сестра! Гуляш твой звонил...

-

И че?

-

Сказал на порог тебя не пускать. Да кто он мне такой? Я на него срать хотел.

Запомни, ты - моя сестра, мой дом – твой дом.

-

Спасибо, Тимка! – девушка чмокнула Тимати в короткую бороду. – Познакомься, это Виктор, мой друг. Ты, говорят, новую татушку себе сделал?

-

Вот, - пожав Виктор руку, Тимати оттянул майку, показывая испещренное рисунками горло.

-

Класс! – восхитилась Ноздря. – Кстати, Тимка, посмотри, у моего Вити тоже татушка прикольная!

Ноздря задрала на Викторе куртку, показала фигурку висельника на пояснице. Тимати пожал плечами.

-

Нет, сестра, таких тату я не видел. Подожди.

Тимати позвал приятеля.

-

Это - май мэн, друг детства, брат! – представил он.

Ноздря хлопнулась с другом Тимати в воздухе ладонями.

-

Салям, сестра.

-

Хай, брат!

Друг тоже посмотрел на татуировку повешенного человека.

-

Наши таких не набивают.

Из салона вернулись в «Равчик» на парковке. Ксения закурила.

-

Ну, каково? – спросила она озлобленно. – Он уже и Тимати звонил!

-

Кто?

-

Гуляш, кто ж еще! Он всю тусу обзвонил, чтоб со мной не общались! На всех радио я внесена в стоп-лист! На всех каналах Ноздря в черном списке! Он меня просто убивает, гад, гад! – девушка застучала кулаком по рулю. – Столько усилий, страданий, жертв! Я уже наработала себе имидж, поклонников, только-только прорвалась на экран, и вдруг все это потерять из-за одного мерзкого продюсера. Это как тебе память потерять, понимаешь? Он у меня все отнял, - молодость, красоту! Ты не смотри, это я нарядилась, а если грим смыть – это будет ужас! – девушка посмотрела в зеркальце заднего вида и подпрыгнула.

-

Витя, это они, - мертвым голосом сказала она и зашурудила рукой, нащупывая ключи в замке зажигания.

Виктор оглянулся: между машин к ним направлялись двое крепких парней, одного он узнал, это был водитель в кожаной кепочке, которого он выманил из джипа на Калининском.

ЛЕВА ПОЛУЧАЕТ РЕДАКЦИОННОЕ ЗАДАНИЕ

Главный редактор «Желтой газеты» Леонид Пафнутьев, известный в тусовке под прозвищем «Пафа», сидел в своем кабинете за столом, заваленным по ватерлинию монитора бумагами. Напротив в кресле развалился топ-папарацци Москвы Лева «Симба» Ковальков.

-

Этот Тэр отшивает уже третьего нашего журналиста, - говорил ему Пафа. – Играет в загадочность. Твоя задача – сделать комикс.

«Комиксами» на профессиональном жаргоне назывался связный фоторепортаж из жизни персонажа светской хроники с развернутыми описаниями или диалогами под каждой фотографией.

-

Тэр – личность мистическая, - набивал себе цену Лева, - окружен магической защитой.

-

Иди в «Доширак» весовщиком лапши, а мне тут не надо.

-

Оплата – двойная!

-

Ты хапуга, Лев! Даю полторы ставки и не центом больше!

-

Оплата в баксах!

Редактор показал фигу.

Работа папарацци тяжелая и неблагодарная. Можно просидеть в засаде несколько суток и остаться с пустыми руками. Но в этот день Лева повезло, не прошло и трех часов, как объект охоты появился в зоне съемки.

В голубой чалме и фиолетовой мантии, испещренной золотыми иероглифами и зодиакальными знаками, Тэр величаво выступил на заснеженную мостовую из услужливо открытой дверцы длинного черного лимузина. Лицо его было погружено в густую курчавую бороду.

Лева выпихал из «Яриша» заспанного Макса, исполняющего при нем роль живого штатива, положил ему на плечо длинный фотообъектив профессиональной камеры «Fujitsu RX-10m» и начал снимать. Отщелкав «комикс», Лева скоренько погрузился в машину, ибо их могли засечь секьюрити клуба и надавать бравым папарацци по шее. Вдруг Макс крикнул.

-

Вон, вон, смотри!

Лева увидел пронесшийся джип «RAV-4» с постером Ноздри на боку. «Пирсинг» в ноздре шоу-герл испускал пульсирующие высверки света.

-

За ней! – Лева рванул с места. – Сегодня наш день! Она же с Гуляшом посралась недавно!

ДРАКА С ЛЮДЬМИ ГУЛЯША

Ксения сползла по креслу, поджала ноги к подбородку и вся сложилась. Внезапно Виктор увидел, как из нее вырвалась маленькая юркая фигурка с накинутым на голову капюшоном и скрылась между машин. Он узнал его: это был воришка с Казанского вокзала. Осмыслить видение Виктор не смог - о душу изнутри теплым мехом потерялся Ягуар. Хищник потянулся

спросонок, длинно зевнул и выпустил наружу кривые кинжалы когтей. «Я не прочь поработать, промурлыкал он. Доверься мне, это не тигры, это гиены. Они опасны в стае, а сейчас их всего двое. Первого бей ты, а второго возьму на себя я». Страх-Страж молчал. Виктор ощутил тебя свободным.

Двое «крутых» подошли к «Раву», водитель в кепке радостно хлопнул машину по запаске на багажнике.

-

Вот она, ласточка моя! Все на выход, руки на капот! – водитель рванул дверцу на себя.

Виктор держал ручку нажатой, и в момент рывка всем телом ударил по двери и отбросил ею водителя. Все так же не вылезая из кабины, двумя ногами он ударил в грудь бросившегося к нему второго бойца, и только потом выпрыгнул наружу.

Ягуар приземлился рядом, прозрачный, пятнистый, похожий на черном фоне джипа на желтую, пузырящуюся под ветром маскировочную сеть. Драка происходила в узком пространстве между припаркованными автомобилями и состояла из коротких зубодробящих ударов локтями, коленями и головами.

Ягуар колошматил лапами с невообразимой скоростью. Ошеломленные противники скорчились, закрылись локтями.

Виктор сгреб оглушенного водителя Гуляша за волосы и с размаху ударил лицом о бок джипа. Вокруг лампочки пирсинга на носу наклеенной, радостно улыбающейся Ноздри разбрызнулась кровавая клякса. Водила сполз под колеса. Второго Виктор добил коленом в пах и в лицо.

Беспрестанный гудок клаксона сотрясал воздух.

Бледная Ксения застыло смотрела через распахнутую пассажирскую дверь, рука ее намертво вжала пятачок клаксона. Виктор сел в машину, снял ее руку с гудка.

-

Можно ехать, - сказал он в наступившей тишине.

«Равчик» отъехал, оставив на стоянке два лежащих тела.

«ФОТОСИСИЯ»

Джип с наклеенной на борту Ноздрей летел, как сумасшедший. Лева не отставал, ориентируясь в автопотоке на посверкивание «пирсинга».

Неожиданно джип сбросил скорость и прижался к обочине. Ковальков, ломая рядность, под скрежет тормозов и возмущенные гудки тоже свернул к обочине, остановился метрах в сорока от «RAV4».

Судя по тому, что пропал белый клуб выхлопа из-под днища, мотор в нем выключили. Зачем она тут стала, у моста?

-

На старт! – Лева выскочил из машины. Макс стал в стойку, Лева положил ему на плечо тубус объектива, навел резкость. Близко возник постер Ноздри с потоком крови на гламурной щеке. словно специально для фотосессии вспыхнуло освещение моста, в сумерках через реку перекинулась переливающаяся дугообразная гирлянда.

Прошла минута, пять, десять. Папарацци стали замерзать, Макс зажал большим пальцем ноздрию и сморкнулся в снег. Лева вскинул на плечо длинный объектив, обмотанный для сохранности полиэтиленовой пленкой, и стал похожим на гранатометчика перед выстрелом.

-

Че она там зависла, как думаешь?

-

Пойди и посмотри, - продрогший Макс растирал себе уши.

-

А это идея! – Ковальков вынул из багажника фотоаппарат «ближнего боя» и, пригнувшись, опасливо затрусил к вожделенному джипу. Обернулся, крикнул, прикрывая рот ладонью:

-

Макс, сядь за руль, заведи мотор и будь наготове!

Напарник кивнул, он помнил, как их испинали охранники Гуляша, когда они вот так же охотились за Ноздрей возле «Гэлакси» на Воздвиженке.

Сквозь задние тонированные стекла «RAV-4» ничего в салоне видно не было, пришлось осторожно прикинуть к боковому переднему стеклу, затонированному не так густо.

То, что Лева увидел, покрыло его, несмотря на мороз, испариной шоковой радости: в салоне, откинувшись на пассажирском кресле, полулежал незнакомый мужчина, а сама Ноздря, склонившись к нему в пах, ритмично двигала головой. Любовники были в экстазе и ничего вокруг не замечали.

Не долго думая, Лева обежал машину и через лобовое стекло, подняв фотоаппарат над головой, выпустил по парочке в упор длинную серию снимков, блеском фотовспышек напоминающую очередь из автомата со снятым пламегасителем.

Ж-жик-жжик-жжик-жжик! – щелкал затвор. Раскрылись глаза мужчины, лицо его по мере оживания с разными выражениями впечатывалось в электронную память, вздыбилась голова Ноздри, исказились ее сначала испуганные, а затем разгневанные глаза. Вжик! – последний раз камера выплюнула протуберанец ослепительного света.

Лева бросился бежать, оскользаясь на заснеженной мостовой. «Вот это репортаж, билось в голове, это тебе не полторы ставки! Это тянет на пять, а то и шесть штук баксят, бокситов, полезных ископаемых! И не в «Желтуху» он отвезет «Сосущую Ноздю», а в сам «Мегаполис»! Или даже в «Спид-инфо»! Вот повезло, так повезло! Молодец, Максютя, засек дуру с мигающим «пирсингом». Ноздря! Надо же быть такой похотливой душой, это же Москва, тут повсюду глаза, фотообъективы, камеры наружного наблюдения. Тут и снег какой-то ноздреватый! Влипла, по самые ноздри влипла, дура!»

ФОТО НА ПАМЯТЬ

«Равчик» отъехал, оставив на стоянке два лежащих тела.

Ксения рулила и большими глазами поглядывала на Виктора.

-

Я в шоке! Ну ты даешь! Ты избил их, как младенцев. Мафия от шоу-биза самая поганая! Я так перепугалась! Этот Славик – он выстрелил Лене из «Ночных снайперов» в голову, из пневматического пистолета, сделал сотрясение мозга, он всех избивал... Поверишь, хотела встать, помочь, а ноги – не слушаются! У меня душа не в пятки ушла, а вылетела куда-то к черту. Одно тело осталось. Бездыханное, причем. Очнулась, сижу – библикаю.

-

Я видел, - сказал Виктор, - интересно, где он сейчас бежит.

-

Кто?

-

Вор.

-

Какой вор?

-

Тот, что украл у тебя телефон на вокзале.
Ксения свела брови.

-
При чем тут он?

-
Он из тебя выскочил... ты разве не видела?
Ноздря ничего не понимала.

-
Кто из меня выскочил?

-
Ну, в капюшоне такой... Испугался и убежал, вот ты и осталась без защиты.

-
Ты о чем сейчас говоришь? – Ксения отвлеклась на подрезавшую машину и странный разговор сам собой прекратился.

-
Слушай, почему же ты раньше их не побил? – вдруг осенило девушку.

-
Когда?

-
Когда они нас из квартиры выбрасывали! Ты же мог! Чего ж тогда молча сбежал? Слушай, прибай его на фиг, а! Я тебя очень прошу.

-
Кого?

Ксения обеими руками так тряхнула руль, что чуть не вырвала его из рулевой колонки.

-
Гуляша проклятого!
Виктор молчал.

-
Чего молчишь?

-
Прибить или убить?

-
Прибить, убить, какая разница! Главное, чтоб он сдох!
Виктор спросил отдельно.

-
Ты... хочешь... чтобы... он умер?
Ноздря покосилась – «ну и тормоз!»

-
Ты убережешь Гуляша, а я помогу тебе восстановить память. У меня уже есть идея! Слушай! На днях у Андрюшки Махалова будет передача как раз по твоей теме - «Я потерял память». Засветишься у него на ток-шоу, кто-нибудь тебя узнает, вернешься в семью, восстановишь память. Ну, как, договорились?

-
Кто такой этот Махалов?

-
Ведущий центрального ток-шоу страны! Тебя увидит вся Россия, кто-нибудь обязательно узнает! Ну, как, согласен?

Виктор сидел неподвижно. Страж встревожено предупредил, что его хотят использовать. Ягуар заурчал в предвкушении добычи и самки. В их троице решение должен был принять Виктор.

-

Странно, - сказал он, - на вокзале меня тоже нанимали убивать. Я похож на киллера?

-

Ты вылитый киллер! – засмеялась Ноздря. – Так ты согласен или нет?

-

Ты точно хочешь?...

-

Да, хочу. Хочу! Боишься, так и скажи!

Виктор с запинкой сказал.

-

Если... для тебя... я могу... попробовать...

-

Все, нужно срочно снять стресс! – Ксения круто свернула к обочине, перегнулась через Виктора, нажала на рычаг. Кресло под ним откинулось, он упал навзничь.

Она расстегнула «молнию» на его джинсах, запустила внутрь руку. В машине сделалось тихо, только гудел проносящийся рядом поток автомобилей.

Другой рукой Ноздря достала из бардачка презерватив, наклонилась. Виктор смотрел в потолок.

Ягуар в его грудной клетке в истоме потянулся и заурчал.

-

Это у тебя в животе бурчит? - глухо спросила Ксения.

Виктор хотел сказать, что это мурлычет Ягуар, но промолчал. На восставшую плоть его резиновым бубликом накатил губастый рот.

Прошла минута нарастающего наслаждения. Ноздря не дала этому наслаждению завершиться.

-

Сделаешь это для меня? – вкрадчиво прошептала она, открываясь от блестящего латекса.

-

Да, - сказал Виктор.

Сквозь сомкнутые веки несколько раз полыхнуло. Он открыл глаза.

За окном сверкало. Прямо над ними стоял человек в капюшоне и держал в воздетых руках испускающий слепящие сполохи фотоаппарат. Ноздря вскинула голову, закричала.

-

Держи его! Это папарацци! Вот же мразь! Догони, отними фотик, набей рожу!

Виктор вывалился на улицу, побежал, застегивая джинсы.

Метров через сорок человек в капюшоне обернулся, злорадно сфотографировал расшнурованного преследователя и нырнул в салон красного «Яриша».

Автомобильчик объехал джип, фыркнул выхлопом и влился в поток. Ксения махала руками, зовя назад в машину. Едва Виктор сел, она рванула. Он беспомощно завалился назад на откинутое кресло. С ним делали, что хотели, его кидало по жизни, как куклу.

Ксения хищно рулила, высматривая виляющий впереди красный автомобильчик.

-

Это Левка! Хорек вонючий!

Виктор с трудом подтянулся и сел.

-

А я его узнал, - сказал он. – Это он тогда украл у тебя телефон.

Ксения бешено оскалилась.

-

Он? Сволочь! Убью гада!

-

Как сиденье поднять?

Джип со свистом несся по осевой.

-

Там рычаг справа внизу! Пристегнись!

Виктор выпрямил сиденье, пристегнулся. Картина их встречи на Казанском вокзале, погоня за вором - четко, как в кино, развернулась перед его внутренним взором. Точно! И тогда воришка выскочил не из толпы, не из-за угла, нет - он выскочил словно бы из самой пьяной девушки - щуплая фигура с капюшоном на втянутой в плечи голове. Точно так же Вор вырвался из перепуганной Ксении на стоянке возле клуба Тимати. Вор был таким же ее внутренним Голосом, как и его Страж и Ягуар. Виктор не задавался вопросом, каким образом внутренние Голоса воплощаются снаружи в облике зверей и людей, после потери памяти жизнь представлялась ему одним длинным, отчетливым и связным сном. Разве во сне задаешься вопросами? Сон просто проживаешь. Во сне, который сейчас наяву видел Беспамятный Человек, сами собой появлялись и исчезали Убийца, Страж, Ягуар, Вор и Женщина.

-

Когда драка началась возле клуба, он снова из тебя выскочил, - словно в трансе припоминал Виктор. – Когда люди сильно пугаются, контроль отключается и Голоса выскакивают наружу. Я, например, выпускаю Ягуара боевым криком, это срывает в мозгу засовы. Почему он нас фотографировал?

Ксения пропустила мимо ушей странные рассуждения – у парня явно поехала крыша, но это к лучшему, ей такой и нужен.

-

Папарацци позорный! - стучала она кулачком по рулю. - Если мы его не поймаем, завтра мои фотки будут во всех газетах, в Интернете! Я и так в полной жопе, а тут еще это! Как он меня достал, хорек вонючий! Преследует на каждом шагу. У-у, представляю заголовки! «Ноздря сосет в машине у таинственного незнакомца». Клянусь, я его урою!

Виктора вдавило в сиденье, взбешенная Ноздря выжала газ до упора. Джип пролетел перекресток на красный свет, чудом пронизав поперечное движение.

Сзади послышался отдаленный треск. Ксения глянула в зеркальце заднего обзора и обмерла – на перекрестке бились автомобили.

Пытаясь уйти от столкновения с ее джипом, серебристая «Мазда» свернула резко вправо, в нее врезался идущий сзади «Лендровер», в них последовательно врезались – «Жигули», «Ниссан» и «Опель». Водитель белого фургона «Фольксваген» Вагиф Курбединев поздно заметил столкнувшиеся впереди машины, вывернул руль, и вылетел на автобусную остановку. В отличие от американских фильмов, в которых рядовые посетители уличных кафе обладают навыками цирковых акробатов, москвичи среагировать не успели. Фургон протаранил толпу, погиб мужчина, были ранены четыре человека, в том числе беременная женщина и двое детей.

Девочки Тата, Адель, Таня-Лена и Даббл-Света сидели в банных халатах в сауне на Шипиловской, ждали мужчин и курили.

Послышались грубые голоса, хохот. Бригада Саши «Лепрекона» приехала на «субботник» к подопечным проституткам. Сегодня предстояло посвящение в путаны новенькой - Светы из Харцызска.

-

Не дрейфь, Шведлана, - похлопал ее по попке Саша Лепреконт. – Сейчас отправим «Светку в кругосветку».

-

А это как? – робко спросила провинциалка.

-

Это не просто, это очень просто! Впендюрим в поп, а потом поднесем «эскимо» до рота. Понюхаешь, чем у тебя в жоке пахнет.

Хохот.

Девочки и братва ушли в парную.

Игнат «Питбуль» посещать парную не мог из-за травмы носа. Он сидел в комнате отдыха и от нечего делать листал свежую «Желтую газету».

Из парилки вышел Лепреконт, красный, в налипших на костлявом теле дубовых листьях. Питбуль внезапно вскочил, шлепнул об стол газетой.

-

Вот же он!

Лепреконт прыгнул в бассейн с ледяной водой, испустил при выныривании крик.

-

Вот же он, сука! – продолжал бесноваться Питбуль.

-

Кто, Игнаша? – спросил фыркающий Лепра.

-

Смотри!

Лепреконт взгляделся в коллаж из фотографий, на которых пацан в машине со спущенными штанами лежал навзничь, а над ним склонялась красивая девушка с распущенными волосами. Лепреконт прочитал название «Фотосисия Ноздри».

-

Кто это, говоришь?

-

Да тот, кого мы встречали на Казанском! – завопил Питбуль. – Мы с ног сбились, а он с бабами прохлаждается!

Утром следующего дня в редакцию «Желтой газеты» вошел молодой человек с необыкновенно отталкивающим лицом. Секретарши попытались остановить уродца, но тот жуткой мимикой вверг девушек в оцепенение, после чего проник в кабинет главного редактора Леонида Пафнютёва.

Там Саша Лепреконт, а это был он, вынул из бокового кармана кожаной куртки «Желтуху» с «фотосисией» Ноздри и вежливо попросил растолковать, «кто сделал эти фотки».

-

Кто вы такой? – оторвался от телефонного разговора Пафа.

-

Че, трудно ответить?

-

Что вам надо? – повысил голос главред. - Что вы здесь делаете?

-

Материал собираю.

-

Вы журналист?

-

Типа.

-

Для какой собственно статьи вы собираете материал?

-

Для статьи 111, часть 4 – «тяжкие телесные, причинившие смерть».

С этими словами урод взмахнул рукой, из кулака его выщелкнула телескопическая дубинка, и ею он хлестнул по дорожному пресс-набору из малахита, украшающему стол главного редактора.

Пафнутьев схватился за лицо, исколотое малахитовыми осколками. Незнакомец занес руку с дубинкой.

-

Кто сделал фотографии? Отвечай!

-

Лева...

-

Какой в сраку Лева?! Фамилия! Адрес! Телефон!

-

Как они меня вычисляют, ума не приложу! Куда ни поеду, они уже тут как тут!

Слушай, а может, у Гуляша на джипе стоит радиомаяк или джипиэрс, а я не знаю?

-

Все равно ты от него не скроешься, - сказал Виктор.

-

От кого?

-

От твоего воришки. Он же в тебе живет.

-

Слушай, не пугай меня, ладно? Я знала, что Левка слизняк, но что он солитер, этого даже я не подозревала!

Страж прошептал на ухо подсказку, и Виктор попросил остановить машину. Ксения при- торმოжила возле метро «Каширская».

Они вышли. Виктор указал на постер на борту джипа. «Вот он, твой радиомаяк».

Ксения хлопнула себя по лбу.

-

Блин! Точно! Ноздря! Это она меня вечно закладывает и ввергает в скандалы. Я к ней просто привыкла и внимания уже не обращаю. – Грязный снежок полетел в гламурное изображение. - Не хочу больше быть Ноздрей! Все! Меняю фамилию, имидж и пол. Отъедем, где поменьше народа, и сдерем эту красотку!

Возле темнеющего в снегопаде парка содрались с машины постер. Отъезжая, Ксения при- творно всхлипнула.

-

Я будто кожу с себя содрала. Жалко!

Ночевать поехали к подруге, жившей в районе МИДа. Вошли в затхлый подъезд, тускло освещенный единственной лампочкой, вызвали лифт, под скрип тросов поднялись на шестой этаж.

-

Дом старый, еще сталинский, - пояснила Ксения, - но квартиры в нем офигенные.

Потолки – хоть с шестом прыгай. Муж Ульяны три коммуналки скупил и сделал из них одну квартиру.

Дверь открыла невысокая красивая женщина в розовом атласном халатике. Ноздря бросилась ей на шею, представила спутника.

-

Это Витя. Витя, это Ульяна.

-

Очень приятно, - Ульяна протянула узкую ладонь. - Какая сильная у вас рука, Виктор, - затрепетала она ресницами.

-

У нее сиськи настоящие, представляешь? – Ксения припала щекой к пышной груди подруги. – Ой, как мягко! И у кого-то поворачивается язык называть это «молочными железами»!

-

Вы голодны? – хозяйка достала из серванта вино и конфеты.

-

Как звери! У Виктора есть собственный леопард, леопарду надо мяса!

-

Всю жизнь мечтала о леопардовой шубе.

-

Мой Витя – витязь в леопардовой шкуре!

Виктор не стал поправлять, что у него ягуар, а не леопард.

Пока подруга разливала вино по бокалам, Ксения возбужденно рассказала про изгнание из квартиры на Калининском и про драку с людьми Гуляша. Ульяна с уважением посмотрела на Виктора.

-

Вить, покажи, - Ксения вытащила правую руку Виктора из кармана, показала сбитые костяшки.

-

Давайте лед приложим, - предложила Ульяна.

-

Не надо, - сказал Виктор, - заживет, как на собаке.

Ксения вспомнила, хлопнула себя по лбу.

-

Витю же перевязать надо, тащи аптечку!

Ульяна принесла аптечку. Ксения обработала порез на боку Виктора. Парень стоя засыпал. Его отвели в дальнюю комнату, уложили на диван.

Он проснулся ночью, по малой нужде, пошел по коридору искать туалет. Через полуоткрытую дверь кухни услышал разговор подруг.

-

У меня от него мороз по коже...

-

Да? Почему?

-

Он как инопланетянин. И взгляд у него такой...

-

Какой?

-
Странный.

-
Человек память потерял, чего ты хочешь.

-
Так устрой его в больницу.

-
Ага, фигушки. Он мне именно такой и нужен!

-
Зачем?

-
А ты не хотела бы иметь собственного зомби? Ты б видела, как он поколотил гуляшовских мальчиков! Бац-бац и все лежат. Будет меня охранять и вообще делать, что я скажу. Чем плохо?

-
Смотри, как бы он на тебя не набросился! Вдруг он притворяется, что память потерял, а сам беглый преступник...

-
Нет, он серьезно потерял. Между нами, он даже не помнил, как целуются.

-
А ты что, успела напомнить?

-
В общих чертах.
Подруги засмеялись.

Папарацци Леву Ковалькова буровские бандиты схватили в туалете клуба «Гудзон».

-
Твои фоты? – ткнул его носом в номер «Желтухи» маленький главарь со злобным сморщенным лицом.

Лева затравленно озирался – его окружили угрюмые бандитские рожи. Ноздря подслала! Но главаря бандюков девушка на фото не интересовала, ему нужен был стоящий у джипа со спущенными джинсами парень. У Левы камень с души упал.

-
Нет, ребята, я этого тип

а
не знаю. Я за Ноздрей охотился, а кто он такой – мне по барабану. И где он сейчас, я не знаю и знать не хочу. Отпустите.

-
Не дергайся и стой спокойно! Где сейчас по ходу эта Ноздря?

-
Откуда мне знать! Вы кто? Отпустите! Вы что вообще!
Федор-Штанга поднес кулак к носу Левы.

-
Повторяю вопрос – где сейчас Ноздря?

-
Откуда мне знать? Тусуется, наверно, где-то. Я ей не друг, просто фотограф.
Хотите, я и вас сниму, напечатаем в газете.

Братва переглянулась. Лепрекон не любил фотографироваться – он был не фотогеничен. Штанга уже имел портфолио из серии «Их разыскивает милиция».

-

Пойдешь с нами, - решил Лепрекон.

Так Лева Ковальков против своей воли пустился в нескончаемый тур по значным местам ночной столицы в поисках Ноздри и ее таинственного спутника.

ДАВАЙ ОЦЕНИМ МОНЕТКУ

Утром Ксения отвезла Виктора в магазин мужской одежды

-

Тебе надо поменять прикид. Ты выглядишь, как бомж. Деньги у тебя есть?

-

Вот, - он достал монету.

-

Что это? Старая какая... Фу, чем это воняет? – Ксения понюхала монету и брезгливо вернула ее Виктору. - Что это за гадость?

-

Эта штука была зашита у меня в куртке. – Виктор показал прореху на боку. – Вот тут чикнули и монета выпала.

-

Помой ее.

-

Я мыл, но запах не проходит.

-

Тогда выкинь.

-

Тот, кто хотел меня убить, искал именно эту монету.

Ноздря подумала.

-

Слушай, может, она ценная? Давай поедem к антиквару, оценим.

Приодев своего зомби-телохранителя, Ноздря отвезла его в «Антикварную Лавку» на Варварке.

Лавка показалась Зимним дворцом в миниатюре. В малахитовых стенах светились глубокие ниши, полные драгоценной мишуры, в стеклянных витринах переливались старинные сервизы, кубки, табакерки, подсвечники. Шаги глохли в красном сафьяновом паласе.

Лысоватый господин в серой тройке задрал седую эспаньолку навстречу гостям, взял монету рукой в резиновой перчатке, сел за стол, привычным жестом повернул стационарно закрепленную линзу на поворотном штативе. Яркий свет настольной лампы озарил покрытый патиной кругляш.

-

Это обычный сикель Маккавейской чеканки, - циклопий глаз моргнул через линзу. Нумизмат погасил лампу, вынул платок и промокнул заслезившийся глаз.

-

Сколько он стоит? – деловито спросила Ноздря.

-

Стоимость таких монет не превышает восьми-деяти долларов.

На покрасневший глаз антиквара набежала слеза.

Ксения посмотрела на Виктора.

-

Продадим? Она так воняет!

Виктор забрал монету, спрятал в карман новой куртки. В новом прикиде он выглядел очень даже ничего.

Антиквар страдальчески смотрел на них, закрыв правый глаз платком.

-

Что с вами? – спросила Ксения.

-

Ничего-ничего... Что-то попал в глаз.

-

До свидания.

-

До свидания.

Если бы парень с девушкой задержались в антикварном салоне еще на полчаса, то могли бы увидеть, что глаз добрейшего Венедикта Романовича, которым он смотрел через лупу на сребреник Маккавейской чеканки, побагровел и вздулся до состояния чудовищного фурункула.

УМЕРЕТЬ ОТ ОРГАЗМА!

Ведя под локоть Леву Ковалькова, Саша Лепреконе вошел в ночной клуб «Бинго». За ним шли Метла и Кусок.

Оглушительно гремела музыка. На танцполе негде было яблоку упасть. Мигали стробоскопы. Лазеры зелеными шнурами рассекали дымный воздух.

Лепреконе крикнул Леу на ухо, чтобы шел искать по клубу Ноздрю, а сам отправился к стойке пропустить рюмашку. Бойцы его перекрыли выходы, чтобы папарацци не сбежал. У стойки Лепра уселся на высокий хокер и взял меню в кожаном переплете.

Гордостью night-клуба «Бинго» являлась эротическая коктейльная карта. Отдельная страница была посвящена коктейлям под названием «Оргазм». «Оргазмы» горели. Фривольные названия напитков позволяли гостям завести с девушками двусмысленные разговоры, которые очень всех развлекали.

-

Девушки, вы какой оргазм предпочитаете? – шепеляво спросил Саша двух дорого «прикинутых» моделей - блондинку и брюнетку, сидящих на высоких табуретах у стойки.

-

А вы, молодой человек? – искоса глянули девушки.

-

Нет, скажите вы, ведь я вас угощаю! – во весь рот улыбнулся Саша. Зубы у Лепреконе стояли так редко и криво, что сквозь щели был виден язык. Девушки переглянулись.

-

Ну, если вы угощаете... - насмешливо сказала блондинка, явно приняв неказистого парня за лоха. – Я вообще-то люблю «Сосковый», потому что там две вишенки!

-

А я предпочитаю «Анальный», - низким баритоном сказала брюнетка, - ничего личного, просто обожаю «Бейлис».

-

Александр, - представился «Лепреконе» и заказал два коктейля.

-

Танжерин, - блондинка накладными ногтями вытащила из пачки тонкую черную сигарету.

-

То есть Таня? – Саша поднес даме зажигалку.

Девушка дернула голым плечиком с татуировкой изумрудной саламандры.

-

Тани на фабриках работают! Меня зовут – Тан-же-рин!

Шалавы понтовались. Лепреконе сдержался, только ноздри раздул. Обратился к брюнетке изысканно вежливо, хотя и по-прежнему шепеляво.

-

А вас, простите, как зовут?

-

Надин, - баском ответила та.

-

То есть Надя? – попробовал во второй раз угадать Саша.

-

Надин! – брюнетка выразительно посмотрела на подругу. Взгляды их выражали обоюдный согласованный диагноз. На свою беду обе девушки вдобавок еще и презрительно фыркнули дымом Саше в лицо.

-

Как хер в подъезде сосать, - оскалил он кривые клыки, - так ты Таня, а как коктейль за сто баксов, так ты Танжерин!

В этот вечер Ноздря вызвала на встречу в «Бинго» новую фаворитку Гуляша молоденькую певицу Атаю и попыталась втолковать ей, какая Гуляш сволочь и что от него надо держаться подальше. «Он кинул всех своих звезд, говорила она, высосал все соки и выбросил на обочину». Атая жеманно приложилась к коктейльной трубочке и возразила, что Ксения ей просто завидует. Ноздря взорвалась: «Он выбросит тебя, как и меня, из машины, из квартиры и вообще из жизни!» Атая показала зубки: «А не надо было водить к себе мальчиков в постельку!» Ноздря подвыпила, она была вся на нервах, события последних дней довели ее до состояния перманентной истерики. «Дура безмозглая, сорвалась она в брань, ты же сдохнешь под забором!»

В этот момент в кабинку заглянул Лева Ковальков. Увидев Ксению, он попытался ушмыгнуть. Ноздря схватила Виктора за руку и потащила в погоню.

Они настигли папарацци на танц-поле. Лева кружил между танцующих, Ксении удалось схватить его. «Потанцуем, гад!»

Очень кстати сменилась музыка – на медленную.

-

Я не один, - попытался предупредить Лева.

-

Я тоже! Пошли, выйдем!

Но вывести Леву не удалось. К ним протолкнулись Кусок и Метла.

-

Эй! – крикнул Виктору Кусок. - Ты че нашего друга обижаешь? Я за него, бери меня! Виктор посмотрел на Ксению. Она растерянно озиралась. Блин, за Левкой стояли бандиты!

-

Мы, пожалуй, пойдем, - девушка попыталась увести Виктора. Кусок не дал, схватил Виктора за рукав.

-

Куда отчалил, брат?

-

Мы уходим, - тянула спутника Ксения. А потом взяла и отодрала чужие пальцы от Викторова рукава. Кусок изумился.

-

Ты до меня дотронулась? – заревел он и обеими руками толкнул девушку в грудь – та улетела в гущу танцующих.

Хриплый рев ягуара перекрыл грохот музыки.

Пока Метла и Кусок осознавали происходящее, пока их надпочечники впрыскивали в мышцы адреналин, пока тела принимали защитные позы, Ягуар метался от тела к телу и разил безжалостными ударами в самые болезненные точки тела.

Получив от Виктора удар ногой в грудь, Кусок врезался в совершенно постороннего парня, который по инерции рухнул на ругающегося с путанами Лепреконе. В этот-то миг и случилось несчастье, унесшее восемьдесят четыре человеческих жизни.

Лепреконе ударился грудью о стойку. От сильного толчка два заказанных им пылающих коктейля, которые бармен уже смешал и выставил на столешницу, улетели в угол, точнехонько

туда, где стояла канистра с горючей жидкостью для ночного «Огненного шоу». По фатальной случайности канистра была открыта, и огонь двух «Оргазмов», «соскового и анального», обрушился в ее горловину.

Пламя ударило в потолок.

Бармен махал полотенцем на столб огня, чем только раздувал пламя.

Занялись пластиковые потолки, повалил черный дым.

Вначале никто не принял пожар всерьез, но когда упал потерявший сознание бармен, а за ним Танжерин и Надин, посетители побежали к выходу. Дым быстро сделался настолько густым, что сквозь него еле просвечивали пылающая стойка и занявшиеся декорации сцены.

На узкой лесенке перед выходом началась давка. Ночной клуб превратился в массовую душегубку.

Зажатая в толпе Ксения потеряла сознание. Виктор подхватил ее на руки, побрел в дыму наугад.

Внезапно обвисшее тело девушки дернулось. Чья-то рука тянула за волочащуюся по полу сумочку, ремешок которой был зажат у Ксении в кулаке.

Сквозь слоистый дым обрисовалась фигурка папарацци. Рот и нос его были обмотаны капюшоном пайты. Разглядев, что сумочку держит висятая на чьих-то руках Ноздря, папарацци сначала шарахнулся, но тут же вернулся, махнул рукой, призывая следовать за собой, и за ту же злополучную сумочку, как на поводу, повел Виктора в сторону пылающей барной стойки.

Выход, как это чаще всего и бывает, оказался в самом эпицентре трагедии. За барной стойкой находился служебный проход, который вел через кухню к эстакаде заднего двора, куда в «Бинго» завозили продукты.

ПОСЛЕ ПОЖАРА

- Дыши! Дыши!

Кто-то с силой дышал ей в рот. Ксения открыла глаза. По нависшему над нею лицу Левы Ковалькова бродили синие сполохи проблескового маячка.

Ксения судорожно втянула в легкие воздух и зашлась в надсадном кашле.

Багровый дым валил из окон найт-клуба. Припаркованные автомобили не позволяли пожарным подъехать к «ночнику» вплотную, огнеборцы издали разматывали рукава брендспойнтов, это отнимало драгоценные минуты. Из подъезжающих машин «Скорой помощи» в спешке выходили бригады медиков, отовсюду вели и несли пострадавших, жуткие завывания сирен колебались над задымленным центром Москвы.

- Выпей, - краем бокала Лева больно резанул по губам, Ксения глотнула, ощутив коньячный ожог.

Виктор помог ей подняться, снял с себя пиджак, набросил девушке на плечи и тут же подхватил ее, вновь начавшую падать.

-

Что это было? – сквозь кашель выдавила она. – Как мы вышли?

-

Вон он нас вывел, - Виктор указал на Леву.

Коктейль «Оргазм» вкупе с угарным газом дает потрясающий эффект – Леву развезло. Он веселился на пожаре, качал права и требовал от пробегающих медсестер сделать ему искусственное дыхание, показывая при этом на область ширинки, где у него якобы находился «нipple».

-

Камеры нет! – пританцовывал он в досаде. - Такие кадры пропадают! Тут же

селебрити штабелями! Вон, смотри, несут кого-то! Ксень, у тебя хоть мобильный есть? Ксения ощупала пиджак, спросила у Виктора.

-

А где моя сумка?

У Левы пайта выпирала на животе. Он выудил из-под нее несколько дамских сумочек.

-

Какая твоя?

Ксения обрадованно схватила изумрудную «Сегво», нашла мобильный, отдала его папарацци и только потом сообщила.

-

Лева, ты что, наворовал на пожаре сумочек?! Мародер!

Санитары пронесли и поставили возле ограды носилки с женским телом.

Лева нажал на кнопку мобильного. Вспыхнула фотовспышка.

В закопченном лице Ксения с ужасом узнала свою соперницу Атаю. Среди прочих посетителей задохнулась и она, новая фаворитка Владлена Куляша. Так преждевременно сбылась ее мечта умереть от «оргазма».

«Дура, ты же сдохнешь под забором!»

Носилки с девичьим телом стояли именно под забором. Каменная кладка, железные прутья ограды.

Ксения зажала рот ладонями.

-

Боже мой, я с ней разговаривала десять минут назад!

Внезапно она осознала, что обязана жизнью тому, кого ненавидела больше всего на свете. Она завyla и пошла на папарацци с вытянутыми руками, синяя, как панночка из Гоголевского «Вия».

Лева неверно ее понял, швырнул под ноги ворованные сумки.

-

Пускай лучше сгорают, да?! Подавись! А я ее спасал, дурак! Спас на свою голову!

А че ты наезжаешь? Я тебя вытащил, скажи спасибо! Лежала бы сейчас рядом с ней! Сумочку ей жалко!

Сотрясаясь от подступающих рыданий, Ксения обняла его.

-

Левочка, родненький, спасибо тебе! Да забирай себе все сумки, какие только хочешь! Я теперь твоя должница по гроб жизни. Можно я тебя поцелую?

Пьяноватый Лева удивленно принимал знаки благодарности

Целуя, Ксения прошептала ему на ухо.

-

Только я тебя очень прошу - прекрати меня преследовать!

Лева резонно спросил.

-

А кто б тебя тогда спас из пожара?

И осекся - санитары пронесли на носилках Лепреконе с кислородной маской на скопческом личике. Рядом с бандитом шагал Вырвинос в синей «Аляске» с черной лентой вокруг лица. Глаза его багрово сверкнули отсветом пожара.

Виктор и Лева подхватили Ксению под руки, и, как недавно в пылающем «Бинго», вдвоем потащили прочь.

Под нескончаемый вой сирен подъезжали все новые кареты «Скорой помощи».

Отъехать от горящего клуба оказалось невозможно, задымленные дороги были забиты пожарными и медицинскими машинами.

Погорельцы грелись в РАВе, через окна наблюдая за ночной кутерьмой. Ксения попудрила носик, лизнула мизинец и протерла от пудры брилик в крыле носа. Она с содроганием вспоминала погибшую Атаю. «Господи, ведь это я ее пригласила в «Бинго!»

Пережитая совместно опасность сблизилась, стресс вылился в нервическое хихиканье.

«Гуляш теперь вообще остался без артистов», злорадствовала Ноздря, предвкушая, как бывший продюсер будет умолять ее вернуться.

«А ты возьми меня в продюсеры, в качестве прикола предложил Лева. В ответ на скептический взгляд Ксении Лев разразился речью. «Уверяю тебя, я буду гораздо лучшим продюсером, чем этот твой Владя Куляш. Во-первых, я знаю всю тусу, все входы-выходы, и ты сегодня в этом убедишься. Во-вторых, я – гений общения, без эротического геля влезу в любое отверстие, В-третьих, я снайпер фотоохоты. Я Караченцова в реанимации снимал! Я первым Руссо фотографировал после избиения. Охрана Алсу меня вышибла со свадьбы. Я построил себе дачу под Москвой – только за счет элитного бухла, вынесенного с фуршетов. Все горничные звезд – мои люди. Все топ-официанты Москвы схвачены. Юра «Фуршет» получил с меня пятьсот баксов всего за одну эсэмэску, присланную со свадьбы Алсу. Знаешь, что там было написано? «Молодые целуются». И все это я поставлю тебе на службу! И при этом не буду драть таких драконовских процентов, какие брал Гуляш, я удовлетворюсь и половиной гонорара».

-
Сколько-сколько?

!
– изумилась Ноздря.

-
А что? Много? Хорошо, я не жадный, сорок процентов!

-
Ну, ты нахал! Бабок не вкладывал, раскруткой не занимался, а хочешь получать так, будто это ты в меня ввалил пол-лимона бакинских. Максимум, кем ты можешь быть, это арт-директором.

-
Согласен! – поймал на слове Лева. – Арт-директор! Отлично! Всегда мечтал стать именно арт-директором! Я очень лоукий и прыткий! Я тебе такой пиар и такие гастролы устрою - все попадают! Всегда мечтал продюсировать артистов. Денег на раскрутку талантов у меня нет, это правда, зато я гейзер энергии и гений пронырливости, а в тебя я всегда был влюблен, как мальчишка! Наивный, глупый, добрый мальчишка. Это я о себе говорю! И вот – о чудо! – мечты сбылись! Я тебя спас и могу потребовать взамен все, что угодно! Ведь так?

-
Ты нахал! – качала головой смеющаяся Ксения.

-
Таким и должен быть арт-директор! Скромность – залог низких гонораров и полной безвестности. Если вам негде ночевать, можно поехать ко мне. Ксения в задумчивости покусала щеку изнутри.

-
Пожалуй, я приму твоё предложение, - сказала она, - но при двух условиях. Первое: ты сбреешь эту свою бородку, похожую на женскую генитальную стрижку. И второе.

Ксения склонилась ко уху Левы.

Услышав, каково было второе «условие», Ковальков схватился за голову.

-

Ты погубишь мое честное имя папарацци! После этого я больше никогда не смогу работать по профессии!

-

Выбирай - или твое «честное имя» или я!

ТОК-ШОУ АНДРЕЯ МАХАЛОВА «ВЫХОД ЕСТЬ!»

«Страшная трагедия потрясла Москву. В ночном клубе «Бинго» в огне пожара погибло 84 человека. Давайте почтим их память минутой молчания».

Так начал свое ток-шоу «Выход есть!» известный телеведущий Андрей Махалов – вихрастый молодой человек в очках, с круглым, покрытым трехдневной щетиной лицом.

Аудитория понялась. Камера показала скорбные лица людей, у многих на глазах блеснули слезы. После тягостной паузы ведущий возобновил программу.

«Почему же для них не нашлось выхода? Почему стало возможна эта страшная трагедия? Кто виноват в гибели людей? Мы готовили программу под названием «Я все забыл», посвященную распространенному сегодня явлению так называемой атипичной амнезии, когда молодые и здоровые люди неожиданно и полностью теряют память о своей личности. Страшная трагедия в клубе «Бинго» заставила нас поменять планы. Тем не менее, по мистическому совпадению один из героев нашей программы «Я забыл все» оказался в эпицентре пожара в «Бинго». Он очнулся на Казанском вокзале, без документов, без денег, без малейшего представления, кто он и откуда. Обитатели вокзала называли его Виктором Беспмятным, но настоящего своего имени человек не вспомнил до сих пор. Кто он? Подопытный кролик страшных опытов спецслужб? Жертва магического зомбирования? Встречайте!»

В студию под аплодисменты вошел молодой мужчина в черном пиджаке поверх майки с изображением поющей Ноздри. В длинных черной челке его белела прядь седины. Усевшись в центральное кресло, он довольно скованно начал свой рассказ.

-

На вокзале ко мне подошел продавец и предложил что-то купить, и в этот момент я очнулся. И понял, что ничего о себе не помню. Сначала я подумал, что, простите, с бодуна занесло меня на вокзал. Но пригляделся, принял к себе, понял – нет, какой там бодун! Понимаете, ничего не узнаю! Ни города, ни себя самого, руки вот эти не узнаю. В зеркало посмотрелся – незнакомый какой-то мужик стоит, озирается.

Герой программы говорил сбивчиво, надолго замолкал. Андрей Махалов подхватил провисшую нить эфира, прошел к ряду кресел, в которых сидели эксперты

-

Продолжение истории нам расскажет Ксения Ноздрачева.

В этот вечер на диджей-певице был бирюзовый пуловер (**Esprit**), браслет (**Dyrberg/Kern**), легены и туфли на высоком каблуке (**Buffalo**). На глаза были нанесены матовые бирюзовые тени (**True Glow**), обведенные контурным карандашом (**Purplelight от Salvador Dali**).

-

Андрей, - она оттянула свитер на груди, - этот пуловер пропах гарью ужасного пожара в «Бинго», вот, можешь понюхать! Я нарочно не стирала его и надела сегодня на программу, потому что мы не должны забывать это горе, у меня от этого запаха кружится голова, а в ушах снова звучат крики погибающих людей. (Ксения поборола подступающие слезы). Я сама чудом спаслась, но там остались мои самые дорогие друзья. Там погибла певица Атая, причем погибла сразу после того, как ее взял в свои подопечные печально известный продюсер Владлен Куляш.

Ведущий сочувственно приобнял Ноздрачову.

-

Это ужасное событие! Как тебе-то удалось спастись?

-

Меня спас герой нашей передачи. Вытащил на себе.

Бурные аплодисменты в студии. Беззащитно прижимаясь к ведущему, Ксения со слезами в голосе продолжила.

-

Там был еще один выход, через кухню, но о нем почти никто не знал, возникла паника, давка, люди пошли на выход, а там узкий проход, ты знаешь, многие именно там задохнулись. Я уже потеряла сознание, Лева Ковальков показывал дорогу, а Виктор тащил меня на себе.

Махалов обратился к скромно молчащему Лева.

-

Вы знали, что там есть выход?

-

Да, там есть выход на задний двор, куда подвозят продукты. Я выводил людей, пока сам чуть не потерял сознание. Там нечем было дышать. Дым поступал так быстро и был таким ядовитым, что я успел вывести только тех, кто был рядом со мной.

Андрей Махалов снова обратился к Ноздрачовой.

-

Скажи, как ты познакомилась с Виктором. Каким образом он оказался с тобой в ту трагическую ночь в «Бинго»?

-

Это произошло совершенно случайно. Несколько дней назад я звонила по мобильному телефону неподалеку от Казанского вокзала, как вдруг ко мне подскочила какой-то воришка, вырвал из рук телефон и бросился бежать, Виктор догнал его и вернул мне телефон.

-

Достойный поступок! – похвалил ведущий. Аудитория снова захлопала.

-

Я спросила, чем я могу его отблагодарить. Виктор рассказал мне свою историю, и я прониклась к нему сочувствием. Ему негде было ночевать, мне его стало чисто по-человечески жалко и я пригласила его временно пожить у меня. Я сразу подумала о твоей программе, Андрюш, и что пора привлечь к этому явлению внимание широкой общественности. Ведь в последнее время случаев стирания памяти очень много. В тот вечер я договорилась показать Виктора одному специалисту, мы должны были встретиться в клубе «Бинго» и таким образом оказались в самом эпицентре пожара.

Андрей Махалов передал микрофон депутату Госдумы Алексею Микрофонову. Выкатив наружу выпуклый животик, депутат вольготно развалился в кресле.

-

А че мы ходим вокруг да около, - пухлыми пальцами подбросил он на переносицу очки с тонированными стеклами, - мне говорили высокопоставленные офицеры спецслужб, что во времена Советского Союза во многих тайных лабораториях ставили эксперименты над памятью. Вы что думаете, все это умерло и заглохло? Да ничуть не бывало! Как было, так и продолжается! Вы же поймите ситуацию! Речь не идет о бытовых травмах, отравлениях водкой на клофелине и тому подобное, речь идет о масштабном явлении, не уступающем по опасности актам терроризма! У меня нет сомнений в том, что мы имеем дело с работой спецслужб, то есть люди, неожиданно и полностью потерявшие память, скорее всего

являются жертвами экспериментов над памятью! И это не обязательно государственные, это могут и частные спецслужбы олигархов!

Слово взял известный телевизионный психотерапевт Сергей Бодров. Ослепительно улыбувшись недавно отбеленными зубами, он сказал.

-

Этот человек очнулся на вокзале. И это не случайно! Вокзалы чаще всего расположены в геопатогенных зонах. Экстрасенсы хорошо знают о влиянии геопатогенных зон на кору головного мозга человека. Не исключено, что Виктор попал в такую зону, где его мозг был поврежден. Кроме того, я не исключаю психотропного и гипнотического воздействия на память пациента. Сейчас для него главное – не терять надежды. Если мне дадут возможность с ним поработать, даже и в прямом эфире, я гарантирую восстановление памяти Виктора под гипнозом.

Микрофон перешел к магу Тэру – высокому бородатому человеку в фиолетовой, расшитой звездами сутане. Он глухо сказал из-под низко надвинутого капюшона.

-

Вы не подумали, Виктор, что вашу старую личность стерли потому, что она мешала вашей душе нормально развиваться?

Ведущий перешел к главному редактору «Желтой газеты» Леониду Пафнутьеву. Леонид ухмыльнулся.

-

Теперь-то я понял, откуда ноги растут. А растут они от коренных зубов! И на ногах этих сегодня надеты легенсы. Этот молодой человек – протеже Ноздри! Вы посмотрите на его майку! Что это, как не ее бесплатный пиар?

В зале начался ропот. Пафнутьев продолжил.

-

Я не удивлюсь, если вскоре наш герой передачи и Ноздря споют дуэтом, как

Королева с Тарзаном. А что, неплохой дуэт получится – человек без памяти и певица без голоса! (смех в зале). Могу даже названием им предложить – «Кайф вдвоем». Минуточку. Я обосную свое мнение. У меня есть доказательства того, что вся эта история не более чем пиар-ход со стороны скандальной певуни. Имидж Ноздри в последнее время был сильно подмочен разрывом с продюсером, которого она тупо «кинула», вот кавалерист-девица и решила прибегнуть к такому способу вернуть к себе внимание. Если бы редакция «Желтой газеты» не располагала материалами, подтверждающими связь Ноздри вот с этим Виктором, я бы еще мог поверить в его историю...

-

Внимание на экран! – сказал ведущий.

На больших экранах возникли фотографии джипа «RAV4» с наклеенным на борт изображением поющей Ноздри, снимки внутри кабины, вскрытая голова Ксении над пахом лежащего Виктора, а вот он же возле машины со спущенными джинсами. Пафнутьев крикнул развеселившейся аудитории.

-

Учтите, мы показываем еще самые приличные кадры!

Ведущий спросил у героя передачи.

-

Вы узнаете себя на фотографиях?

Виктор растерянно озирался. Зал смеялся и тыкал пальцами. Карусель хохочущих лиц вертелась по кругу.

«Почему весь мир меня гонит, бьет, осмеивает? За что?!»

На мутном круговороте зрительских трибун вдруг четко проступила фигура мужчины с черной эластичной лентой вокруг лица. Он сидел в третьем ряду и ненавидяще смотрел в упор.

Тело Виктора Беспамятного наполнилось вибрирующим гулом, в ушах раздался змеиный шепот: «Страшно впасть в руки Бога живого».

Он колокольной вибрации сдвоилась фигура ведущего.

«Так вы узнаете себя на фотографиях?»

И Ведущий издевался!

Ярость Ягуаром бросилась на прутья-ребра грудной клетки. Виктор вскочил.

-

Вам есть что сказать? – Андрей Махалов подбежал с микрофоном.

С противоположного конца студии на помощь спешила Ксения.

-

То, что вы видите, фальшивка! – кричала она на ходу. – Это продукт фотошопа!

Витя, не отвечай!

В груди Ноздри кипело бешенство «Подставил, Андроид, сволочь! Вместе с Пафой подстроил! Ради рейтинга мать с отцом продаст! Чтоб ты сдох!»

Дальше разразилась катастрофа.

Как только ведущий подбежал на расстояние вытянутой руки, Виктор издал рев, похожий одновременно на боевой крик «кия» и рык разъяренного леопарда.

Затем он стремительно скользнул за спину телеведущего, захватил звездное горло в сгиб левой руки, правой извлек из кармана перочинный нож и приставил кривое, как коготь, лезвие к аорте не успевшего удивиться Махалова.

АРЕСТ ЛАРИСЫ РЕЙСНЕР В КАЗАНИ

(Триптих народного художника СССР И. Ледовских «Гражданская война в России»)

Высоко на холмах маячили мечети Казани.

Лариса Рейснер пробиралась вверх по крутой, мощеной булыжником улочке. За спиной дымилась в утреннем тумане Волга. Деревянные домишки кособочились на буераках, нужниками к реке.

В пригороде она нашла Каланчевский проезд. На стук открыла старуха со спитым лицом. Лариса спросила Корнея Лукина с Канатной фабрики. Сердце билось – именно на проваленных явках ждала опасность.

-

Лукины съехали, - прошамкала бабка, - Вы кто им?

-

Сестра, - ответила Лариса. – Двоюродная. Беженцы мы.

-

Оставили вот адрес, если кто будет спрашивать. Запишите аль запомните?

-

Говорите, я запомню.

-

Каторжная слобода, улица Рельсовая, дом Трусина возле водокачки.

-

А где эта слобода?

-

Прямо ступай, мимо центру, за мечеть Улугбека, зиндан пройдешь, там и Каторжная.

-
Зиндан?

-
Тюрьма это по-русски.

Лариса пошла через Казань. Конные разъезды белогвардейцев теснили к стенам редких прохожих, в основном мужчин, требовали документы. Одного при ней секли нагайкой и гнали по улице. Звонко лязгали подковы по брусчатке.

Площадь возле нового здания Казначейства с его пузатыми купеческими колоннами была оцеплена. Рабочие ломami выковыривали булыжники из мостовой. На подводе провезли рельсы. Для чего? Кому понадобилось в разгар боев строить трамвайную линию? От Казначейства к Волге? Рейснер сама себе ответила – золото возить! Значит, Волгой повезут. Пароходами. Нельзя дать достроить линию. Нужно сообщить Троцкому! Срочно накрыть огнем шестидюймовок этот кособок. Никто в штабе не знает, что скоро по этим линиям потечет золото на баржи, а оттуда – в Сибирь. Все, Лукины больше не нужны. Нужно возвращаться. Тайна раскрыта! Золото повезут Волгой, и очень скоро. Но Корней Лукин – железнодорожник, он может знать, где базируется основная маневренная сила белых - бронепоезд «Генерал Дроздовский», прозванный красноармейцами «Белым Иродом». Не уничтожив вражеский бронепоезд, «Мститель» не перекроет пути вывоза золота.

-
Мадам нездешняя? – щеголеватый поручик из оцепления с интересом рассматривал Ларису. Она оделась фабричной, но одухотворенное, редкой красоты лицо, тонкие руки, осанка, - все выдавало в ней дворянку.

-
Да, - потупилась Лариса, - я беженка.

-
Могу посоветовать недорогой доходный дом купца Мамонова. Тут рядом, с обедами.

-
Ба! Знакомые все лица! – послышался громогласный возглас. Сбоку покачивался на длинных ногах незнакомый поручик с трехцветным шевроном на правом рукаве серого френча из дорогого английского сукна. – Мадам комиссар? Лариса свет Михайловна?

-
Вы обознались, - Рейснер прикрыла лицо краем платка, попыталась уйти. Железные пальцы впились в локоть, грубо развернули. – Почему не в коже, без картуза с красной звездой? А? А?! – поручик сатанел лицом, глаза косили, рот дергался в бешенстве. – Помнишь званый ужин в Адмиралтействе? Помнишь, комиссарская падаль?

«Маневич! Не может быть, его же арестовали вместе с женой, как ее? С Матильдой Маневич. Они виделись на Психоневрологических курсах, Маневич приезжал за своей женой-красавицей. Как же он вырвался из ЧК? И где встретились – за сотни верст от Петрограда!»

-
Вахмистр! – махнул поручик. – Отвести арестованную на Прорезную, в контрразведку. Подбежал караул, на ходу снимая винтовки с плеча.

-
Ты смотри, Леопольд, скольких краснопузых мы тут уже взяли! – донеслось до ушей уводимой в контрразведку Рейснер. – И всех к золоту тянет. Летят, как мошकारа на огонь. И сгорают. – Поручик Маневич торжествующе захохотал.

ИНТЕРВЬЮ С ШИЗОИДОМ

На глазах оцепеневшей аудитории Беспамятный человек захватом за горло волок Андрея Махалова к служебному выходу.

Так леопарды уносят на дерево задушенную импалу.

Ксения первой сообразила что происходит. «Виктор, мощно закричала она, наступая, немедленно отпусти Андрея! Я что сказала! Немедленно отпусти!»

Был еще шанс перевести все в шутку, но сбоку от запрокинутого лица телеведущего вдруг бешено оскалилось звериная морда. Маска оцепенелости слетела, глаза Виктора налились кровью, в оскаленные зубы вырывался рык. «Не подходи, пор-режу!».

Протащив щуплого телеведущего по коридору, террорист заволок его в гримерную, выгнал всех наружу и закрыл дверь на ключ.

-

Мужчина, вы сумасшедший? – Андрей закашлялся и закончил шепотом. - Вы мне чуть шею не сломали!

Ведущий отнял руку от горла и увидел на пальцах кровь. Он кинулся к зеркалу. На горле кровоточил порез.

Из-за дверей доносился нарастающий гомон голосов.

-

Позовите охрану!

-

Где они?

-

Куда он его потащил?

-

В гримерной! Здесь они!

-

Сюда затащил, всех выгнал!

-

Бешеный, просто бешеный!

-

Мы ничего не поняли.

-

А что происходит?

В дверь постучали. Женский голос.

-

Откройте! Андрей, ты здесь? Ответь, ты цел? С тобой все в порядке?

Махалов крикнул.

-

У меня горло порезано...

За дверью переполошились.

-

«Скорую»! Андрея порезали!

-

«Скорую»! Скорее!

-

О-ей! Нет, ну я не знаю... Он террорист? Похож на чеченца...

-

Не снимать! Уберите камеру!

-

Да нет, пусть снимает, Варвара! Вы куда лезете!

-

Марк! Марк!

-

У кого ключ? Запасной! Вызовите вахтеров!

-

Это же доказательство...

-

Господи... лишь бы аорта...

-

Не толкайтесь, ну куда вы...

-

...не была повреждена...

-

Типун тебе на язык, Марк!

-

Откройте немедленно! Как вас там? Виктор! Откройте, я редактор программы, Кира Гавриш, вы меня слышите? Что вы там делаете с Андреем? Расступитесь! Наконец-то!

Филенка задрожала от ударов кулаком, раздался бас.

-

Я требую, немедленно откройте!

-

Это кто? – спросил Виктор.

Махалов зажал порезанное горло чьей-то белой рубашкой. Он подозревал, что попал в программу «Розыгрыш», поэтому держался молодцом.

-

Литвинов, - ответил он, - начальник охраны Останкино.

-

Скажи ему, чтоб не стучал, - сказал Виктор.

Гомон голосов за дверью нарастал.

-

Андрей! Андрей! Андрей! – твердила в дверную щель Кира Гавриш

-

Скажи ей, чтоб не орала!

-

Кира, перестань кричать, вы его нервируете!

Из-за двери донеслось.

-

Андрей, держись! Светозар поставлен в известность, он уже позвонил в ФСБ, они едут, все будет в порядке, ты главное не волнуйся!

Махалов отнял от горла тряпку с расплывшимся пятном крови.

-

Ну, вот что вы наделали? Теперь вам припишут терроризм, дадут срок. Чего вы вообще добиваетесь?

-

«Вы узнаете себя на фотографиях?» – ощерился Виктор. – Я не способен никого узнать, ты это понимаешь?! Я кому говорил весь вечер, что потерял память?!

-

Послушайте, откройте дверь и выпустите меня! Я все улажу. Дайте ключ. Я требую, в конце концов! Ну что, мы драться тут с вами будем?

Махалов сделал попытку пройти к двери, но Виктор отшвырнул его в кресло.

-

Вы что, с ума сошли? – вскричал ведущий. – Вы хоть соображаете, что творите?

Вы память потеряли, но не разум, я надеюсь! Вы хоть понимаете, какие последствия вам грозят? Ну, послушайте! Послушайте! Давайте поговорим нормально, как здоровые люди. Если вы на что-то обиделись, я готов принести вам свои ээээ-э... извинения... Я все понимаю, вы попали в беду, потеряли память, вы расстроены, но поверьте, таким образом вы только усугубляете свое ээээ-э... положение. Вы понимаете, что я вам говорю? Давайте вместе пойдем и откроем дверь. Я вам обещаю: я сделаю все, чтобы вам помочь, я устрою вас в больницу к лучшим специалистам, я...

Виктор бешено гаркнул.

-

Заткнись!

Гомон за дверью обрезало. На побледневшем лице телеведущего четче проступила черная щетина. А вот лицо захватчика наоборот прояснилось.

-

Всегда хотел это сделать, - удовлетворенно сказал он.

-

Взять человека в заложники? – буркнул Махалов.

-

Заткнуть тебя!

Сколько себя помнил на телевидении, Андрей Махалов всегда работал наизнос. Не зря за свою способность к непрерывному говорению он получил в тусе прозвище «Андроид». Натруженные связки все чаще отказывали. Махалов лечился у легендарного отоларинголога Гнесинки Риммы Михайловны Тимановской. А последняя его программа «Выход есть!» оказалась до того скандальной, что каждый эфир малопьющий Махалов переживал, как тяжелое алкогольное отравление.

И чего он достиг тяжкой пахотой? Квартирку прикупил с видом на Кремль? Но разве ее можно сравнить с рублевскими виллами и пентхаузами «золотой» молодежи? А ведь они ничего не делают, прожигают жизнь в Куршавелях и ночных клубах, спят до обеда, выползают к вечеру, всю ночь где-то «зависают», обдолбанные и обкуренные, нигде не работают, а денег у них в сотни раз больше, чем у него, пахаря и трудоголика, звезды первой величины! А работа его! Ругань и драки в студии, истории насильников, педофилов, людоедов, боже, когда это закончится, как он устал от всего этого!

И вдруг «это все» закончилось.

В гримуборной с ножом в руке стоял лишенный памяти, заросший черной щетиной имбецил, псих, шизоид, и звериным взглядом смотрел в упор. В это мгновение Андрей осознал, насколько прекрасной была его недавняя суматошная жизнь.

Виктор тоже как бы очнулся. Зачем он взял ведущего в заложники? Он и сам этого не понимал. В момент захвата зачаточное сознание человека по имени Виктор Беспамятный было загнано в дальний угол мозга. Предшествовал катастрофе удар колокола, наполнивший все тело вибрирующим гулом и шепотом «Страшно впасть в руки Бога живаго».

На столике разрывался мобильный телефон. Махалов попросил разрешения ответить.

-

Это вас, - он подал Виктору трубку.

Ноздря закричала в ухо.

-

Ви

ктор

, немедленно отпусти Андрея! Ты слышишь, что я сказала? Немедленно!

Открой дверь, мне надо с тобой пого...

-

Я не зомби! – Виктор в бешенстве запустил мобильником в зеркало. Отражение разъяренного мужчины раскололось и осыпалось на пол. – Я не зомби! – орал он, круша все вокруг. – Я память потерял, но не разум! Сама же, сама натравила! – Виктор вдруг остановился, осененный. – Это же она меня на тебя натравила!

-

Кто? – спросил ошарашенный Махалов. – Ноздря?

-

Да!

-

Постойте, вы хотите сказать, что вот э-эээ... Ноздрачова подговаривала вас напасть на меня?

-

Она натравила на тебя Ягуара!

Махалов выкатил вишневые глаза.

-

Какого Ягуара?

Виктор оскалился, растопырил согнутые в когти пальцы.

-

Вот этого! Она меня подставила! Она и Вор! Это они создали эту ситуацию. А я, как дурак, попался! А, теперь все равно!

Виктор обмяк, сел. В разгромленной уборной наступила тишина.

Махалов не умел долго сохранять молчание.

-

Послушайте, не усугубляйте свое положение! Давайте договоримся, вы отпускаете меня, а я обещаю...

Виктор уперся локтями в колени, лбом в ладони.

-

Ты хоть представляешь, что такое остаться без памяти? – устало выдохнул он. –

Это хуже чем без руки или ноги. Я каждый день сдерживаюсь, чтобы не покончить с собой. Один раз вот так стоял перед поездом и...

Виктор замолчал. У Махалова сработал инстинкт интервьюера.

-

И что?

-

Кинул монету. Решка – под поезд. Орел – буду жить. Поймал. Вот так держал.

Виктор показал кулак.

-

И что показала монета?

-

Я не посмотрел. Решил еще чуть-чуть пожить. Ну не может быть все так. Просто, случайно. Не верю. Хожу. Жду, что кто-то придет, вот-вот подойдет и объяснит, что со мной происходит. Понимаешь?

-

Кажется, да.

Виктор горько хмыкнул.

-

Ничего ты не понимаешь! Никто не приходит, не объясняет. Вот я и решил... ну, сигнал, что ли, подать. Прощуметь. Может, хоть спецслужбы что-то объяснят. Говорят же, что это они память стирают. Значит, умеют и восстанавливать!

В дверь раздались три отдельных стука. Виктор спросил грубым басом.

-

Кто?

-

С вами разговаривает капитан ФСБ Владимир Вашуков. Откройте!

Виктор подошел к двери.

-

Вы без оружия?

-

Да.

-

Хорошо. Я открою дверь. Просуньте руки, чтоб я их видел! Очень медленно!

Виктор повернул ключ, предупредил.

-

Без глупостей!

В дверную щель просунулись мужские кисти – крупные, ужасно странные.

Виктор в шоке смотрел на них, подозревая, что продолжает видеть кошмарный сон.

Кисти вползающих в комнату рук были покрыты... леопардовыми пятнами!

Спустя несколько секунд после начала захвата режиссер ток-шоу «Выход есть!» Кира Гавриш-Бараттини (она была замужем за итальянцем) срочно дала заставку. На экранах миллионов телевизоров возникла картинка несущегося к земле гигантского астероида. Мужской голос, который обычно дает анонсы боевиков и блокбастеров, прокомментировал:

«Через 30 лет с Землей может столкнуться астероид Апофиз, дрейфующая в космосе скала поперечником примерно 300 метров. Этот небесный бродяга в 2036 г. пролетит на опасно близком расстоянии от нашей планеты и, возможно, даже врежется в нее. Точно рассчитать его траекторию пока не получается, ученые возлагают большие надежды на данные космического робота-исследователя. Подобный аппарат может быть запущен к Апофизу уже через семь лет. Созданием подобных аппаратов оповещения занимается международный Центр «Терра инкогнита», действующий в рамках программы ООН «ФСЕАМ». Вопрос о присоединении России ко ФСЕАМ в настоящее время находится на рассмотрении Государственной Думы.

ВИТИЛИГО НЕ ЗАРАЗНО

У вошедшего в гримерную мужчины было мощное, распирающее костюм тело и мясистое лицо с узкими бурятскими глазами. Стараясь двигаться как можно медленнее, он вдвинулся в комнату и прикрыл за спиной дверь. В боковых уцелевших створках зеркального трельяжа отразилась мизансцена – знаменитый шоу-мен с запрокинутой головой сидел в кресле, террорист одной рукой держал его за волосы, другой приставил к горлу лезвие ножа.

В разбитом центральном зеркале зияла пустота.

-

Здравствуйте, - спокойно сказал вошедший и неторопливо огляделся. - Я вас

слушаю. Мы готовы выполнить ваши требования. Назовите их.
У Виктора от напряжения дрожали руки.

-

Вы кто? – спросил он.

Гость неторопливо вынул из внешнего бокового кармана пиджака бордовую книжицу.

-

Капитан ФСБ Вашуков, - он привычным жестом открыл удостоверение и показал Виктору. - Я уполномочен вести с вами переговоры.

-

Что у вас с руками?

Вашуков глянул на свои ладони.

-

А что?

-

Что это за пятна?!

-

Витилиго.

Виктору послышалось «Вите лихо».

-

Что? – вскипел он. - Что ты сказал?!

-

Витилиго не заразно, - неторопливо пояснил Вашуков. Вернемся к вашим требованиям. Чего вы хотите?

-

Чего я хочу? Чтобы мне вернули память! Я хочу узнать, кто я!

-

Обещаю, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы установить вашу личность и помочь вам в восстановлении памяти. Но для этого от вас требуется сотрудничество. Вы согласны?

-

На что?

-

Сотрудничать с нами в установлении вашей личности.

Глаза Виктора блуждали.

-

За мной гоняются бандиты, меня хотят убить! Я требую защиты.

-

Государство защитит вас.

Виктор все еще колебался.

-

Что мне будет за то, что я его захватил? – спросил он.

-

Если вы добровольно сдадитесь и отпустите заложника, мера ответственности будет минимальной.

Спокойный тон оперативника, его пятнистые руки внушали доверие. Виктор обмяк. Пальцы его отпустили каштановую шевелюру телеведущего, нож упал на диван.

Натворивший бед Ягуар виновато мяукал, пятнистым клубком укладываясь в грудной клетке.

В ПСИХУШКЕ

Государственный научный Центр социальной и судебной психиатрии «ГНЦСиСП им. В.П. Сербского» занимает старинное здание бывшего полицейского приемного покоя. Здоровый прапорщик в камуфляжной зимней куртке со скрежетом открыл дверь автозака, ссадил семерых арестантов.

-

Пошел, пошел!

Арестованных загнали внутрь «Психосоматического отделения № 29».

-

Семенов, принимай «командировку»!

Загремел замок в массивной сварной решетке. Дюжий санитар Семенов в зеленом халате начал принимать людей по списочному составу.

-

Сесть! Руки в замок за голову, сумки под себя. Я называю фамилию, вы подходите. Йова! Лепешкин! Суровцев! Виктор Казанский! Прокопенко!

Начкар сдал шизанутых ДПНК (дежурному помощнику начальника корпуса). Попкари (надзиратели) развели новеньких по палатам, предварительно еще раз ошмонав и срезав все пуговицы, «молнии», повытаскивав из обуви шнурки, а из тросов резинки.

Корпус для подследственных мало чем отличался от тюремного, его коридоры перегородивали сварные решетки. В палатах тоже все было как в камерах: «кормушка» в дверях, оконце для наблюдения, досмотр перед выходом, перемещение по коридорам в позе раком, руки за спиной, с дубинкой надзирателя на шее.

После душа Виктора водворили в третью палату, под завязку наполненную народом. Дух в камере стоял спертый.

Утром после завтрака Виктора вызвали к врачу. Его вывели в коридор, поставили к стене, заставили раздвинуть руки-ноги, обыскали, приказали нагнуться до земли, руки задрать за спину, повели по коридору.

Завели в темный и узкий кабинет.

В кабинете за письменным столом, освещенном настольной лампой, сидела полная женщина в белом халате с распущенными по плечам черными волосами. Оторвавшись от работы на ноутбуке, она смерила взглядом вошедшего больного.

Перед ней в серо-синей клетчатой пижаме стоял высокий, сильно исхудавший и заросший парень. Мосластые руки его далеко торчали из коротких рукавов.

-

Садитесь, - врач кивнула на стул. Излишне высокий лоб ее круглился, как масляный колобок.

Виктор хотел придвинуть табурет к столу, но тот оказался привинченным к полу. Он сел в отдалении.

Молчание длилось довольно долго, пока врач читала его «дело». Ее большая грудь лежала на столе, в разрезе халата виднелось начало глубокой ложбины. Виктор отвел взгляд. Рядом со столом на крашеной зеленой краской стене была наклеена красная стрелка острием книзу. Стрелка указывала на черную «Кнопку вызова санитаров».

Женщина подняла глаза, посмотрела через очки.

-

Я ваш лечащий врач, Александрушина Инга Никодимовна, – сказала она. И после паузы неожиданно спросила. - Как меня зовут?

Виктор стушевался.

-

Вам следует внимательно слушать то, что я говорю, - врач недовольно пожевала бледными губами. – Повторяю еще раз, меня зовут Инга Никодимовна. Повторите, пожалуйста.

-

Вас зовут Инга Никодимовна.

-

Хорошо. Расскажите, что привело вас сюда.

Виктор как мог, рассказал. Врач слушала, что-то записывая в «историю болезни».

-

Ответьте мне на один вопрос. От вашего ответа многое зависит. Зачем вы взяли в заложники телеведущего Андрея Махалова? Может быть, он вызывал у вас чувство неприязни? Известные люди часто навлекают на себя ненависть и зависть окружающих.

Виктор пожал плечами.

-

Да случайно получилось.

-

Вот как? Позвольте не поверить в такую случайность.

-

Он меня разозлил!

-

Как?

Виктор молчал, глядя в пол. Врач сказала.

-

Поймите, от вашего ответа зависит, куда я вас помещу. Есть отделение для буйных, а есть с нормальным режимом, с прогулками и телевизором. Итак, чем он вас разозлил?

Виктор резко сгреб с глаз челку.

-

Я же не помню ничего, я память потерял, а он спрашивает – «вы узнаете себя на фотографиях?» Как я могу себя узнать? И вообще... Он вел себя нагло, всех перебивал, никому не давал нормально договорить, потом взял и показал эти фотографии позорные...

-

Какие фотографии?

-

Где я со спущенными штанами, ну в и машине там... Он меня опозорил! Я же пришел на программу про людей, которые память потеряли, а он меня выставил на позорище перед всей страной! Ну и как я должен был реагировать?

-

Но не с ножом же нападать! Еще немного и вы вскрыли бы ему аорту. Тогда вас судили бы за убийство. Вы это понимаете?

-

Сорвался...

Врач испытующе вглядывалась в больного.

-

Вам повезло, - сказала она. - Я занимаюсь именно проблемой атипичной амнезии. В последнее время таких случаев очень многие. Здоровые молодые мужчины вдруг полностью теряют память, в основном, от 16 до 50 лет. Я пишу об этом диссертацию. Если вы дадите мне, лично мне, слово, что будете вести себя хорошо, я переведу вас в третье отделение. Там нормальный режим. Вы обещаете?

-

Да.

-

Хорошо. Я вам верю. Не подведите меня.

Интернет, желтая пресса – все пестрило заголовками и баннерами. «В заложниках у зомби». «Андрей Махалов в заложниках у стертого человека». «Этот человек сдался сам, заявил префект Южного округа...» «Требования маньяка-фаната». «Нож у горла телеведущего». «Верните мою личность!» «Что скрывается за захватом знаменитого телеведущего?», «Пиар Ксении Ноздрачовой!», «Кто натравил зомби на Махалова?» «Махалов сам все подстроил ради пиара». «Ноздря на службе у Махалова». «Портрет Ноздри замироточил».

Туса объявила Ноздре бойкот. Считалось, что она нарочно натравила зомби на телеведущего, чтобы лишний раз пропиариться. Бывший ее продюсер Владлен Куляш торжествовал – а что я вам говорил?! Она на все способна!

ПОЛКОВНИК ГУРЬЯНОВ

Помимо координации работы смешанной группы по расследованию резонансных убийств в Москве, получивших кодовое название «Татуировка», у полковника ФСБ Ярослава Ильича Гурьянова было еще великое множество служебных обязанностей. Приходилось работать допоздна. Вот и сегодня он вернулся из Следственного комитета далеко за девять вечера и с удивлением увидел сидящих у него в приемной трех молодых людей. Дежурный офицер привстал и, видя задумчивость начальства, попытался подсказать, кто это такие, но Гурьянов уже вспомнил.

Это были Илья Аверкин, Андрей Валентинов и Максим Зямочкин, кандидаты на замещение вакантной должности аналитика отдела. Из трех кандидатов следовало выбрать одного. Три дня назад всем им Гурьянов дал задание написать отчет на тему «Что рекламируют федеральные каналы российского телевидения?» Полковник пригласил всех троих в кабинет. Принял от каждого по листочку бумаги и быстро просмотрел.

Илья Аверкин предоставил профессиональный анализ рекламных блоков Главного канала, НТВ, Рен-ТВ и РТР. Указал на ошибки в рекламе прокладок, подчеркнул удачу в рекламе стиральных порошков и зубных паст. Гурьянов отложил записку Аверкина в сторону.

Андрей Валентинов написал нечто более интересное. Телевидение в массовом порядке рекламирует зависть и тревожность, писал молодой аналитик. Гурьянов одобрительно хмыкнул и глянул на Валентинова – парень смотрел гораздо глубже Аверкина и вполне подходил на роль штатного аналитика отдела.

Записка третьего кандидата, лохматого рыжебородого парня со смешной фамилией Зямочкин, поразила краткостью. В ней была всего одна фраза. «Федеральные каналы российского телевидения рекламируют астероидную угрозу».

Гурьянов даже листок перевернул в надежде обнаружить продолжение, но изнанка была чиста.

-

Ну, и что означает эта писулька? – спросил полковник Зямочкина.

-

Я указал на то, что в настоящее время реально рекламирует телевидение.

Гурьянов вытянул губы и сильно подвигал носогубными складками, что случалось с ним в минуты раздражения.

-
Свободен!
Нахал хмыкнул.

-
Я знаю! – и вышел.

Полковник Гурьянов приказал готовить документы на зачисление в отдел Валентинова.

Вернувшись поздно вечером домой, Ярослав Ильич включил на кухне телевизор, вынул из холодильника судочек с поджаренной куриной грудкой, кетчуп и сел перекусить. Вспомнился вздорный здоровяк с рыжей бородой, толковавший про астероидную угрозу. Почему он вдруг пришел на память? А, вот! Рекламный ролик нового автомобиля «Тойота» изображал стремительно несущийся по трассе и превращающийся в раскаленный болид автомобиль. Это и есть реклама астероидной угрозы? Полковник усмехнулся и переключился на любимый канал «Animal planet». Наблюдая за жизнью животных, Ярослав Ильич получал отдохновение.

Шел фильм о гибели динозавров. 65 миллионов лет назад огромный астероид поразил землю и вызвал «ядерную ночь». Ящеры вымерли. На компьютерных, реалистически сделанных кадрах из глубины космоса к нежному боку голубого глобуса летел гигантский астероид, воспламенялся в верхних слоях атмосферы, мчался к земле уже в виде ревущего огненного тайфуна и врзался, вызывая чудовищный взрыв и ударную волну, огибающую всю планету.

На следующий день Гурьянов включил на работе телевизор и без звука в течение всего рабочего дня отслеживал картинку. К вечеру полковник понял, что Замочкин был прав: образ метеорита красной нитью проходил через все телевизионное вещание. На подсознательном уровне запоминались не бренды и марки товаров, а образ летящего к земле и взрывающегося раскаленного шара. Шла массивированная реклама страхования от астероидной угрозы! Причем шла она не только на федеральных каналах, но и на «Дискавери», «Энимал плэнет» и даже на «Детском канале». Венчал астероидную пиар-кампанию мировой блокбастер «Армагеддон» с Брюсом Виллисом в главной роли.

Гурьянов зашел в Интернет посмотреть, много ли людей страхуются от астероидной угрозы, и поразился количеству застраховавшихся. Впрочем, страхуются же от похищения инопланетян. Но астероидная кампания поразила, во-первых, своей масштабностью, а во-вторых, тем, что в нее была вовлечена Госдума! Гурьянов не поверил своим глазам, когда в выпуске новостей увидел репортаж о том, что Россия готовится присоединиться ко ФСЕАМ - всемирной Программе защиты земли от астероидной угрозы. Это уже ни в какие ворота не лезло!

ИНГА НИКОДИМОВНА И ВИКТОР

У Виктора палата на шесть коек. На окне желтые занавески. У окна справа лежит пожилой хрыч с привязанной к боку правой рукой. Эта рука сама по себе взяла топор во время застолья и трубила ухо соседу. Хрыч ее боится и не отвязывает даже на ночь.

На левой у окна кровати занимается онанизмом человек с огромным лицом по фамилии Нефедов. У Нефедова диагноз 7Б – олигофрения. Он убил школьника во время игры в футбол на дворовой площадке. Подошел к вратарю сзади и ударил по голове железной трубой.

Во втором ряду ютятся на кровати под зеленым вытертым одеялом потерявший память Вовчик, подозреваемый в убийстве бомжа, справа – Гена, разносчик чая с Черкизовского рынка, убивший жену и пытавшийся спрыгнуть с Крымского моста. На первой кровати слева от входа поселился Виктор, а на правой – подозреваемый в создании секты старик Савватей Гордеич.

Заглянула толстая черноволосая медсестра с усиками, Тамара.

-

Виктор с Казанского, к врачу!

Идя по коридору, медсестра сказала.

-

Ты теперь знаменитость, про тебя все газеты пишут. Самого Махалова в плен взял.

Приведи себя в порядок. Шаха не любит, когда больные неряшливые.

Перед дверью с надписью «Зав. Отделением Александрушина Инга Никодимовна» Виктор пригладил волосы. Рядом с дверью стоял старый холодильник «Днепр» с наклеенной бумажкой «Колбаса – 20 часов, сыр 24». Медсестра постучала.

-

Инга Никодимовна, можно?

-

Входите.

Виктор вошел. Врач сидела перед открытым ноутбуком. Виктор думал, что она пишет на нем диссертацию, но однажды заглянул и увидел, что врачаха играет в пасьянс «Паук». Поэтому он не верил, что она заинтересована помочь ему и замкнулся. Врачиха все пыталась выяснить причину, зачем он взял в заложники телеведущего. А откуда Виктор знает? Взял и взял. Само случилось. Вот и сейчас она задала надоевший вопрос.

Виктор повторил рассказ, начиная с пробуждения на вокзале.

Врач внимательно слушала, изредка делая записи в истории болезни. Пациент словно бы прятался за длинными прямыми волосами с четким клоком седины в чубе. Невозможно было целиком рассмотреть его лицо. То глаз с частью носа покажется, то упрямо выпятится нижняя челюсть в щетине. Постричь его надо. Черты лица грубые, нос искривленный, лицо вытянутое, сужающееся книзу, щеки запавшие, скулы торчат, надбровья нависшие. И говорит так тихо, что нужно напрягаться, чтобы разобрать, что он там себе бормочет под нос.

На молодого Челобанова похож, поняла Инга Никодимовна. Мужественный типаж, только растерянный и подавленный.

-

Как вы себя сейчас чувствуете? – спросила врач.

По прибытии в клинику Виктору давали лекарства, от которых он сделался вялым и сонным. Он сказал об этом врачу.

-

Это нормально, - сказала женщина, - мы вас немного тормозим.

Врач посмотрела на изображение поющей Ноздри на майке больного.

-

Почему на вас майка с изображением этой певички? Вы ее фанат?

Виктор пожал плечами.

-

Она постирала мою майку и на время дала свою поносить.

Инга Никодимовна нахмурилась.

-

Кто вам дал майку?

-

Она и дала, - Виктор показал на фото Ноздри на своей груди.

Завотделением прокашлялась.

-

Я распоряжусь выдать вам казенную майку. А эту сдайте кастелянтше. Вам ее потом вернут, если она, конечно, дорога вам, как память.

Виктор пожал плечами – воля ваша.

-

Раздевайтесь.

-

Зачем?

-

Уколы, шрамы, татуировки, будем смотреть все, что может навести на след вашей стертой личности.

Виктор снял пижаму и майку.

«Осенний лес заволоцатель», про себя процитировала любимого Пастернака доктор Александрович. Невольно залюбовалась выпуклыми мускулами мужчины, его крепкой грудной клеткой, поросшей блестящим черным волосом. От груди по животу в пах уходила густая «блядская дорожка».

Врач нахмурилась и принялась записывать в историю болезни татуировки «голова оскаленной» леопарда на плече, «ВДВ-1994» и повешенного человека на пояснице. Прикинула возраст по внешнему виду, записала. «Возраст приблизительно тридцать два - тридцать три года». Одевайтесь.

Виктор оделся.

Слышно было, как по коридору ходят больные, гомон их голосов. Через стену из кабинета, на котором было написано «Гипнолог Сергеев» доносился голос «Веки становятся тяжелей, тело теплое, тяжелое. Спать! Ты слышишь только мой голос» Донеслось дребезжание тележки с посудой, которую катила нянечка Фролика.

Раздался телефонный звонок. Врач ответила.

-

Меня вызывают. Давайте на ноутбуке попробуем. Посмотрим, умеете вы работать на компьютере или нет. Я скоро вернусь. Ничего тут не трогайте.

Кабинет у Инги Никодимовны уютный, стол с лампой, шкаф с канцелярскими скоросшивателями и папками, кресла кожаные светло-коричневые, тахта у стены, холодильник «Норд» с маленьким телевизором сверху. Виктор сел за ноутбук, пальцы не слушались, долго искал букву «в», чтобы набрать свое имя.

Инга Никодимовна вернулась минут через двадцать, посмотрела на результаты и разочарованно сказала, что в прошлой жизни он на компьютере не работал. Включила программу, надела Виктору на палец датчик, а на голову наушники.

-

Садитесь, смотрите на экран и слушайте музыку.

-

А что это?

-

Психокорректор. Изобрел Игорь Смирнов для работы с подсознанием. Слушайте музыку и записывайте все женские и мужские имена, которые вспомните. Компьютер будет реагировать на самые значимые для вас имена.

Врач снова вышла. На этот раз ее долго не было. Виктор послушно выполнял задание. Вернувшись, доктор сравнила записи Виктора и показания компьютера.

-

У вас из мужских имен максимальную реакцию вызвали имена Анатолий, Иван и Игорь, - сказала она. - Из женских – Ксения, Юлия и Лариса.

-

Значит, я не Виктор? – спросил он.

-

Погрешность порядка двадцати процентов.

-

Значит, меня звали либо Анатолий, либо Иван? – продолжал допытываться Виктор.
Врач развела руками.

-

У меня один больной был, Ришат, - сказала она, - а реагировал на Эдуарда.

Эдуардом звали его брата. Что ж, анализ показал, вы не лжете, вы не симулянт, не шизофреник. Сны снятся?

-

Да.

-

Какие? Вы рассказывайте, что я у вас должна клещами все тянуть?

-

Война снится, - сказал Виктор.

Врач записала, поставила большой вопросительный знак.

-

Как именно снится?

-

Пытают меня, бьют, ведут расстреливать.

-

Кошмары, значит?

-

Да. Просыпаюсь, весь мокрый, ору.

-

Ничего, антидепрессантов попьем, подлечим, и память восстановим. На что еще жалуетесь?

Виктор поколебался, не зная, стоит ли говорить. Наконец решился.

-

Голоса слышу.

-

Голоса? – насторожилась врач. – Ну-ка, ну-ка. Какие голоса, милый? Когда это началось?

-

Да как очнулся на вокзале, так и началось. На вокзале мне постоянно казалось, что за мной наблюдают, следят. И голоса эти. Они самостоятельные, ругаются друг с другом. Это шизофрения?

Врач сняла очки и потеряла надавленную переносицу.

-

Скорее всего, потеря памяти и, как следствие, личности и спровоцировала появление этих голосов. В конце концов что такое шизофрения? Еще Фрейд считал, что параноидальная мания преследования отражает «эндопсихическое» осознание само-наблюдательной основы сверх-эго.

-

Ничего не понял, - буркнул больной.

-

Я поясню, - Инга Никодимовна взяла в рот дужку очков и заговорила немного невнятно. - Потеряв память, вы утратили личность и остались один на один со своим сверхэго. Как следствие, у вас резко усилилась интроспективная чувствительность, которая и сделала сознательным и ощущаемым, как посторонний и гнетущий контроль, нормальную функцию сверхэго, которое является как бы зрителем внутреннего психического мира человека. Вы чувствуете эту наблюдательную деятельность сверхэго в виде как бы посторонней слежки за собой, понимаете?

Виктор поднял палец, призывая ее помолчать.

-

Сверхэго вы назвали зрителем? – спросил он.

-

Что?

-

Вы сказали: сверхэго является внутренним зрителем психического мира человека?

-

Да, - Инга Никодимовна с интересом посмотрела на понятливого пациента.

-

У нас на вокзале был Смотрящий, Коля Большой. Значит, он как бы сидит у меня в голове и всеми командует?

Врач улыбнулась.

-

Коля Колей, а сверхэго – это центральная психическая структура, осуществляющая контроль за вашим внутренним миром.

-

Коля тоже осуществлял контроль – только за всем Казанским вокзалом.

Улыбка врачихи оказалась неожиданно приятной. Инга Никодимовна знала о чарах своей улыбки, поэтому редко позволяла ее себе на работе – тогда наружу проступала задорная и добрая девчонка, а ей хотелось быть строгим врачом-психиатром, чтобы ее слушались пациенты и уважали коллеги, поэтому она употребляла такие умные слова, как «сверхэго, фрустрация и интроспективная чувствительность».

-

Если уподобить вокзал внутреннему психическому миру человека, - сказала

она, пригасив улыбку и оставив ее отблеск только в карих глазах за стеклами очков, - то можно приписать вашему вокзальному Николаю атрибут сверхэго, то есть власть и контроль над психическими процессами человека. Дело в том, что в нормальном состоянии человек не воспринимает наблюдательную функцию сверхэго, а вот в болезненном состоянии человек воспринимает ее как слежку и фрустрацию, как диктат, как «голоса», которые навязывают свою волю. Но вы должны понять, что это не посторонние голоса, сверхэго – это вы и есть!

-

То есть я сам за собой слежу?

-

Именно так!

Виктор улыбнулся, представив Колю Большого, сидящего у него в мозжечке и командующего его внутренними сущностями – Стражем и Ягуаром.

ЛАРИСА РЕЙСНЕР В БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ЗАСТЕНКАХ

(Триптих Народного художника СССР И. Ледовских «Гражданская война в России»)

Кабинет начальника контрразведки полковника Уварова. Большая комната в три окна, закрытыми темными портьерами, люстра на три рожка, у входа рогатая вешалка, письменный стол с тумбами, на столе телефон, чернильный прибор из многих предметов, покрытых серебряными резными крышечками, две конные статуэтки Блюхера и Веллингтона, победителей Наполеона при Ватерлоо (прадед Уварова в 1812 году был ранен на Бородинском поле), гравированный серебряный поднос с набором чарок (подарок казанского купечества на день ангела)

Сидящий перед столом капитан Неженцев возбужденно докладывал.

-

Сметанин отказывается грузить наш архив! Бронепоезд заполнен штатскими, на него продают билеты, как на литерный поезд, Николай Васильевич! Сметанин готовится бежать!

-

Вы сказали, что это личное распоряжение командующего? – спросил пузатый плешивый полковник.

-

Он требует письменного приказа. Уверяет, что ему нужно взять больше боезапаса.

Я полагаю, Николай Васильевич, Сметанин хотел бы загрузить золото, а не боезапас. Он продает места на бронепоезд втридорога! «Генерал Дроздовский» забит штатскими! Я лично видел купца Разуваева с женой и детьми! Нефтепромышленника Саркисова и еще я не упомяну всех. Одеты в военную форму, но без погон.

Уваров понизил голос.

-

Бог с ним, с архивом! Для нас места забронированы?

-

Сметанин сейчас царь и бог! Я еле упросил его...

Разговор начальника белогвардейской контрразведки со следователем по особым поручениям был прерван: дверь распахнулась, поручик Петр Маневич втолкнул в кабинет растерзанную женщину.

-

Познакомьтесь, господа! – торжествующе вскричал Маневич, - большевистский комиссар Лариса Рейснер! На ловца и зверь бежит! Есть Бог, есть!

Уваров тяжело поднялся из-за стола.

-

Наслышаны, наслышаны о ваших подвигах, - сказал он, оглядывая молодую женщину, одетую простолюдинкой. Заинтересованно вперился в незнакомку и капитан Валериан Неженцев.

-

Это недоразумение, - с достоинством ответила задержанная, стараясь привести себя в порядок. – Разве такая хрупкая женщина, как я, может быть комиссаром? Глаза Маневича налились кровью.

-

Николай, Васильевич, с комиссаршей-барышней мы знакомы еще по Петербургу! Полковник Уваров спросил пленницу.

-

Если вы не комиссар, тогда кто вы у большевиков?

-

Я поэтесса, волею судьбы работаю у них в агитпропе.

-

Где ты там работаешь? – ощерил зубы Маневич. - В какой еще «агитпропе»?

-

В Отделе агитации и пропаганды.

-

Слова-уродцы! – с отвращением клацнул зубами Маневич. – Люди-уродцы!
Ненавижу!

-

И что вы делает в этой «агитпропе»? – спросил Уваров.

-

Пишу стихи. Ставлю спектакли для красноармейцев.
Маневича трясло.

-

Врет! Господин полковник, все врёт! Я вам рассказывал, это из-за нее погибла
Матильда и все наши друзья в Петербурге. Она комиссарша, агент ЧК!

В черте города бухали пушки. Канонада не затихала ни на минуту, к ее раскатам уже
привыкли. Шестидиймовая батарея отвечала совсем близко, от залпов дрожали стекла в окнах.
Уваров вытер платком двойной загрев.

-

Минуточку, господин поручик. Дайте же мне поговорить с дамой. Вы утверждаете,
милейшая, что вы поэтесса. Что ж, я тоже виршеплетством грешил по молодости, с самим
Сологубом был знаком. Не изволите ли продекламировать нам свои стихи?

Рейснер неожиданно запела - хриловатым, задушевым голосом.

Как родная меня мать провожала,

как тут вся моя родня набежала!

Ой куда ты, паренек, ой куда ты,

не ходил бы ты, Ванек, во солдаты.

В Красной Армии штыки, чай, найдутся,

без тебя большевики обойдутся.

Голос ее брал за душу. Настало молчание. Откашлявшись, молодая женщина сказала.

-

Я сегодня не в голосе, господа, уж простите. Как вы сами видите из этой песни, от
имени матери я агитирую простого крестьянского парня против войны на стороне Крас-
ной Армии.

Офицеры переглянулись. Полковник Уваров в сомнении поджал губы. Маневич вскипел.

-

Не верьте ей, Николай Васильевич! Она актриса! – поручик схватил Рейснер за
локоть. - Зачем ты пробралась в Казань, говори! Ты шпионка! Рейснер! Это немецкая
фамилия! Большевики – агенты Германии! Ты вдобавок еще и немецкая шпионка! Зачем ты
пришла в Казань? Золото вынюхивала? Отвечай!

Пленница с достоинством отстранилась.

-

Вы делаете мне больно, оставьте! Комиссары заставили меня! Они держат в
заложниках моего отца! Если я не вернусь, его расстреляют!

Уваров прокашлялся.

-

Голубушка, с какою все же целью большевики послали вас в Казань? Уж конечно не для сбора фольклорного материала...

-

Троцкий велел любой ценой разузнать, что происходит с золотым запасом царской империи. Но я не собиралась ничего докладывать. Да и что я могла узнать? От кого? От моего вояжа в Казань нет никакого толка. Я это говорила, но разве комиссары послушают...

-

Троцкий здесь? – оживился Уваров.

-

Да, он прибыл на фронт.

-

Что он предпринимает? Когда назначен штурм?

-

Я знаю об этом только понаслышке. К наступлению готовятся в ближайшие дни.

-

Золотишко Троцкого интересует! – сказал подостывший Маневич.

-

Как ваше имя-отчество? – спросил Уваров.

Пленница вскинула голову.

-

Лариса Михайловна Рейснер, последняя поэтесса серебряного века, возлюбленная Николая Гумилева, личный друг Блока и Ахматовой.

-

Лариса Михайловна, вы понимаете, что по законам военного времени мы можем расстрелять вас без суда и следствия как большевистскую шпионку? У нас есть все основания не верить вам. Петр Алексеевич видел вас среди высшего руководства большевиков Петрограда. Что общего с ними у вас, поэтессы, дворянки?

С пленницей внезапно произошла перемена. Она выпрямилась и вскинула голову. Офицеры словно бы впервые увидели, какая красивая женщина стоит перед ними. Виолончельный голос наполнил комнату.

-

Ветер веет, где хочет, господа. В Красной Армии тоже наш народ – бедный, забитый, безграмотный. Я делаю для него, что умею, – пишу стихи. Я бы присоединилась и к вам, но ведь ваше дело проиграно, господа, признайте это. Народ не с вами! Вы – старая, умирающая Россия, а я полна жизни, я – чайка, я парю над миноносцами и морскими пучинами, над ревущими валами революции. О, такой жизни я и хотела – неистовой, благословенной и великой, громокипящей, как революция! Нет лучшей жизни, нет доли лучшей!

Офицеры переглянулись.

-

Уведите, - велел Уваров. Посмотрел на Маневича. – Петр Алексеевич, вы ее задержали, вам ею и заниматься.

Маневич кивнул. Вошел конвой.

В дверях Рейснер обернулась.

-

Хочу вас предупредить, господа: все, кто меня обижают, погибают мучительной смертью. Для вашего же блага, отпустите меня, прошу вас.

Валериан Неженцев вздернул бровь.

-

Вы угрожаете нам мстью «товарищей»?

Рейснер ответила обыденно.

-

Если вы обречете меня на смерть, никто из вас не доживет до Яблочного Спаса.

-

Смерть от пули не страшна, – сказал бравый Неженцев.

Пленница обвела господ офицеров потяжелевшим взглядом.

-

Вы умрете не от пули...

-

Уж не вы ли, пифия, знаете, от чего мы умрем? – фыркнул Неженцев.

Тягучий голос пленницы сделался заклинательным.

-

Вы, капитан, и вы, полковник, - вы оба будете сварены заживо!

От нее вдруг изошла такая волна леденящего внушения, что офицеры онемели. Первым очнулся Маневич.

-

Толубеев, - шикнул он на старшего конвоя, - уводи!

-

Истеричка! – Уваров вновь утер загривок платком.

Капитан Неженцев оглядывал сослуживцев в легком восторге.

– Господа, да она просто авантюристка! Княжна Тараканова! Таких всегда являлось в избытке в смутные времена.

Маневич скрипнул зубами.

-

Она из актерствующих. Ей мнится вслед за Шекспиром, что жизнь театр, а люди в нем актеры. Вот она и ставит среди нас свои спектакли! Я уже рассказывали, как она предала в ЧК самых лучших людей Петербурга, цвет нации!

-

В это все же, знаете ли, трудно поверить! – покрутил плешивой головой Уваров.

-

С таким ангельским личиком и такое масштабное злодеяние! – чмокнул губами Неженцев.

-

Она способна на все, говорю вам!

Полковник Уваров погасил в пепельнице сигарету.

-

Вы ее прямо какой-то инферналкойставляете, Петр Алексеевич! Самому Достоевскому такие дамы не снились. Да нет, глупая виршеплетка увлеклась революционными идеями и попала, как кур в ощи́п.

Маневич начал ходить по кабинету.

-

Таких виршеплеток надо уничтожать в первую очередь! Именно такие поэтессы своими виршами ведут в бой «товарищей»! Без таких, с позволения сказать, «Ларис» товарищи – тупое быдло, не способное к самоорганизации и осмысленным действиям. Вырезать «Ларис» беспощадно, под корень – авантюристок, евреек, проходимоков. – Маневич во внезапном прозрении хлопнул себя по лбу. - Она жидовка! У нее семитские черты, я только сейчас это понял!

-

Только что ты называл ее немкой! – засмеялся Неженцев. - Антисемитство – религия черной сотни, а мы, слава богу, российские офицеры!
Маневич ахнул кулаком по столу.

-

Довольно чистоплюйства! Либеральщина нас погубила! Во всем виноваты жида! Почитайте «Иудейскую войну» Флавия! Целый Рим обрушился на них, стер с лица земли вместе с Иерусалимом и храмом, и что же? Где тот Рим? А евреи повсюду! На наших глазах гибнет третий Рим – Россия! И все от их руки. Крапивное семя! Кто все эти комиссары? Жида! Троцкий? Бронштейн! Откуда он взялся? Как выполз? Не было его нигде и вдруг – жид во главе Думы Петрограда, во главе огромной армии красного быдла! Как это возможно?! Не могу понять! Я все больше уверяюсь, что эта Рейснер - еврейка и действует заодно с Троцким и большевиками! Моя жена погибла из-за нее! Есть Бог, есть, и Он привел ее прямо в мои руки!

Полковник Уваров достал из тумбочки стола бутылку николаевской водки, разлил по серебряным чаркам, стоящим на серебряном подносе, подаренном ему казанским купечеством на день ангела.

-

Да полноте вам кипятиться, Петр Алексеевич. Расстреляйте ее и дело с концом.

Неровен час, красные перейдут в наступление и спасут «поэтессу». Недаром она нам пальчиком грозила.

Маневич резко склонил голову к груди.

-

Будет исполнено, господин полковник
Офицеры выпили за спасение России.

-

Фу, устал, - откинулся на стуле Неженцев, - сегодня в «Астории» цыганы. Поедете, господа?

Уваров выдохнул водочный дух.

-

Мне доложили, они медведя с почестями похоронили...

-

Если бы Петруша его не шлепнул, мишка до сих пор бы плясал...

Уваров и Неженцев расхохотались. Маневич криво улыбнулся.

-

Зря я его шлепнул. Скормил бы ему эту Рейснер.

Неженцев поднялся

-

Петр, ты со мной?

-

У меня дело, - Маневич застегнул верхнюю пуговку мундира.

-

Ну, это быстро, шлеп-шлеп и в дамки! Так я тебя жду!

Поручик Петр Маневич осушил третью чарку за упокой души рабы божьей Ларисы и вышел из кабинета. Голоса спускающихся по лестнице Уварова и Неженцева затихли за поворотом.

На ходу Маневич проверил, заряжен ли револьвер, миновал часовых на лестничных площадках, спустился в подвал. В караульной окликнул вахмистра Толубеева с ключами, с ним прошел по казематам, приказать открыть камеру под номером семнадцать, где на топчане сидела продрогшая женщина с распущенными волосами.

«МЕНЯ ВОКЗАЛ РОДИЛ»

Подъем в больнице в семь, отбой в десять. С утра все больные шли к раздаточному столу в конце коридора, на котором стояли одноразовые стаканчики с написанными фломастером именем больного и таблетками.

Виктор высыпал на язык содержимое стаканчика, проглотил, показал открытый рот санитару. От выпитых таблеток Виктор тупел. Правда, стихли и «достававшие» его голоса. Он часто размышлял, для чего он появился на Казанском вокзале, а теперь сидит взаперти и не может выйти на волю? Какая-то высшая сила то выпускала его на волю, то заключала под стражу. Ага, понял он, это мне показывают кусок жизни, а потом дают время обдумать. А что он должен обдумать? Этого он понять не мог. За событиями его жизни не стояло никакого смысла.

По коридорам заторможенно бродили понурые люди в пижамах. Лица у многих были нормальными, но были и откровенные дауны. Возле аминозанового кабинета стояла очередь за уколами. Из кабинета доносились вскрики укальзываемых и брань медсестры. Пациенты дурки были убогими, а вот Ксения была красивой и умной, но ее забрали и больше не показывали, чтобы Виктор тосковал по ней.

После Ксении вторым по важности вопросом было - откуда он, Виктор, взялся. Он спросил об этом соседа по палате с тем же диагнозом «атипичной амнезии». Санитар Семенов таких людей называл «нулями», а Вовчика обзывал «Вовчик-нулевчик».

Вовчик высказал предположение, что они с Виктором жили и раньше, до того, как потеряли память. Вовчик объяснил, что он, например, раньше, чем потерял память, «родился». На вопрос, а как «люди рождаются», Вовчик ответил, что все рожаются, то есть выползают из женщин. Но ведь мы такие большие, сказал Виктор, оглядывая себя и Вовчика, как же мы в женщине можем поместиться? Вовчик сказал, что в женщинах мы помещаемся маленькими детьми. А как мы из женщин вылезаем, спросил Виктор, они нас выкакивают? Нет, ответил Вовчик, лично он вылез из тела женщины через то, откуда писают.

Это было совсем уже дико! Виктор никак не мог поверить в такой нелепый способ появления на свет. Гораздо проще было родиться, как он, - взрослым и в одежде. Вылезать из женщины, голым и маленьким, наверняка было еще страшнее, чем появиться на вокзале большим, в кроссовках и куртке.

По мере принятия лекарств и проживания в закрытости и покое он понял, что Жизнь дала возможность отдохнуть здесь и обдумать, чтобы прийти к выводам. Никто здесь на него не нападал, как на вокзале. Только врачи мешали, все время осматривали и задавали вопросы, на которые у него не было ответов.

Еще ему сильно надоедала заведующая. Она писала диссертацию про стертых людей и изводила Виктора вопросами.

С нею его допрашивал и профессор Пасхавер, тот, который был на ток-шоу Андрея Махалова во время захвата. Профессор упирал руки в боки и смотрел на Виктора так, словно собирался его купить.

-
Нуте-с, как ведет себя наша знаменитость? – спрашивал он Ингу Никодимовну.

-
Все нормально, Александр Яковлевич. Вот только Виктор слышит «голоса»...

-
Как Жанна дэ Арк?

-
Виктор спрашивает, не шизофрения ли это?

-
Ну что же, похвально. Пациенты уже сами себе ставят диагноз. Впрочем, это

обнадеживает, критика сохранена. Что вообще такое шизофрения? Я, например, разделяю мнение Ван Дюзена, что шизофрения представляет собой гиперболизированную форму фундаментальной тенденции ума показывать себя своему носителю в виде образов. Грубо говоря, ум не может быть запечатанным, быть вещью в себе, он может существовать и проживать свое бытие, только являясь сам себе в виде образов. То есть ум - это вынесение во внешний мир нескончаемого внутреннего диалога. Иными словами можно сказать, что ум творит мир из своего собственного содержимого. С той только разницей, что заболевший человек перестает различать вывернутый наружу мир своего ума от мира реального. Это и называется параноидальным бредом.

-

Александр Яковлевич, я объясняла Виктору, что его «голоса» не есть посторонняя и опасная сила, а на самом деле это проявление функции его сверхэго и бояться ее не надо.

Профессор Пасхавер пояснил.

-

Понимаете, Виктор, так называемые «голоса», являются не внедрившимися извне в наш ум бесами, они суть автономные части нашей психики, обладающие волей, личностью и характером. Об этом прекрасно знали бабки-ведуньи, в Ярославле я у одной Прасковьи Федоровны записал: «Э-э, милый, да на тебе порча земляная! Ну, что порча, поговорим?» И порча отвечает бесовским голосом, все в шоке, а бабка таким образом устанавливает контакт с больной частью личности. Так вот, личность человека состоит из «я» второго плана, они получили название «суб-личностей», но я предпочитаю русифицированный вариант «подличности». Именно их вы воспринимаете как «голоса».

Инга Никодимовна воспользовалась паузой в речи профессора.

-

Александр Яковлевич, мне кажется, я начинаю понимать, почему Виктор взял в заложники телеведущего. Потеряв память, Виктор лишился прежней личности, то есть того фильтра, который глушил «голоса» вторичных подличностей, и потому он стал не только хорошо слышать «голоса», но даже видеть их. Так запретная часть его психики явилась ему в облике леопарда.

-

Ягуара, - поправил Виктор.

-

Ягуара. Дикие кошачьи, а также бойцовые собаки часто символизируют в сновидениях убийственный гнев. Гнев-агрессия контролируется Высшим «Я». Контролер, Высшее «Я» - это холодная, властная, деспотическая личность, которая держит все инстинктуальные энергии человека в клетках, с помощью Страха, который выполняет при них роль Стража. Виктор рассказал, что телеведущий Андрей Махалов вызвал его раздражение тем, что всеми командовал, прерывал, перебивал, ведь так, Виктор?

-

Да.

-

Так вот, ведущий на ток-шоу исполняет роль Контролера, Высшего Я. В вашем сознании, Виктор, Андрей Махалов ассоциировался с деспотом-контролером, вы, можно сказать, впервые встретились с одним из отражений своего высшего «Я» лицом к лицу. И ваша агрессия, ваш Ягуар вырвался из клетки и набросился на того, кто вас подавлял. Александр Яковлевич разработал интереснейший метод, позволяющий вступать в контакт с теми частями личности, которые создают проблему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.